

ВАХИД ГАЗИ

**ОЗОНОВЫЕ
Л Ю Д И**

Перевод с азербайджанского
Ниджата Мамедова

Редактор: Эльчин Шихлинский

Стокгольм-2017

От редактора

Эльчин Шихлинский. «Озоновый человек»	3
---	---

Эссе

Из цикла «Следы памяти»

Елена	7
Берег «Лебединого озера»	21
Время лечит раны	29
Озоновые люди	36
Обезьянья диктатура	42
Пустая жизнь	47
Тоска по косуле в Ганзасаре	52

Из цикла «Люди и книги»

Пазл-мозаика сломанных судеб	59
Привет, Гульсары!	79
Калейдоскоп времен и судеб	88
Фильм «Ад»	102
Клятва Мустафы Джемилова	116
Светлый лик черного хлеба	125
Смерть с миссией спасения	130

Рассказы

Мелодия Огинского	136
Чистилище	148

Статьи

Бейсбол на шахматной доске	162
Черная история Белой Руси	178
Демократические выборы в авторитарных режимах?!	193

ЧАМАЙРА. Кубинская тетрадь	213
---	-----

«ОЗОНОВЫЙ ЧЕЛОВЕК»

Порой дружишь с человеком долгие годы и тебе кажется, что знаешь его достаточно хорошо. И что он не в состоянии удивить тебя. Он у тебя как на ладони...

С автором, я знаком достаточно давно. Знал его как журналиста и талантливого публициста, но Вахида Гази как человека кажется узнал лишь сейчас, по прочтении его «Озоновых людей». Казалось бы ничего особенного, автор собрал когда-то написанные путевые заметки, воспоминания, публицистические материалы и решил издать книгу. Так поступают многие, но не всех читаешь буквально на одном дыхании. В книге собраны материалы, не имеющие друг к другу никакого отношения, точно также как и их герои. И все же углубившись в чтение Вас не покидает ощущение цельности повествования и Вы даже не обращаете внимание, как из знойной Гаваны вдруг попадаете в осенний Киев, а оттуда уносите в прекрасный Карабах, с его журчащими источниками и могучими горами, где погружаетесь с головой в беззаботное детство, которое уже никак не вернуть, как и не вернуть дорогих сердцу людей, давно покинувших этот бренный мир.

Чувство же цельности полностью заслуга автора, который буквально за руку переносит Вас из одного мира в другой. Хотя этот мир всего лишь один... и он его, автора. Однако, он впускает Вас туда и постепенно

становится ясным, что этот его мир уже и Ваш. И Вы не просто сопереживаете, а живете вместе с ним.

Спасибо автору Вахиду Гази, что открыл мне свою душу, рассказал о себе, о своем восприятии мира и объяснил почему находясь далеко за пределами своей родной земли не перестает быть ее сыном.

«Интеллигенция, сформированная из людей с общественной совестью, озоновая прослойка общества. Иммуитет народа и общества на общественные недуги тем сильнее, чем толще эта прослойка. А наш «озоновый слой» прохудился, весь в дырах. Это и есть причина всех наших «болезней».

Народу не хватает кислорода «озоновых людей», чтобы почувствовать дух свободы и протестовать, потому что когда отсутствует фактор протеста, целая нация становится чеховской «размазней»».

Одним из «озоновых людей» и является сам Вахид, «озоновый человек» который так нужен, чтобы залатать прохудившийся небосвод народного иммунитета.

Эльчин Шихлинский

Э С С Е

ИЗ ЦИКЛА
«СЛЕДЫ ПАМЯТИ»

Елена

В прошлое воскресенье меня разбудила игра на пианино. Новое произведение, которое разучивала моя дочь после экзамена, я узнал с первых же нот. Поначалу я не мог припомнить где слышал эту композицию, но в том, что музыка мне знакома и близка никаких сомнений не было. Я обрадовался, словно спустя много лет встретил неожиданно родного человека.

Я не стал заходить в комнату, чтобы не прерывать игру, но затаив дыхание слушал у открытой двери. В то утро дочь осветила мои щемящие воспоминания...

Когда в снежную морозную декабрьскую ночь 1995-го года известная правозащитница из Украины Наталья Белитцер встретила меня прямо в аэропорту и по пути познакомила с программой визита, ей и в голову не могло прийти, что событием, запечатлевшим Киев в самых сокровенных уголках моей памяти, окажется не какое-либо из мероприятий в озвученном ею перечне, а неотмеченная в дневнике встреча.

Когда мы доехали до снятой квартиры в одном из старинных зданий в самом центре Киева,

ресницы моих глаз, истосковавшихся по сну, висели как ивовые ветки. Я забрался в постель, думая, что засну в мгновении ока, но по мере того, как доносящиеся из соседней комнаты два женских голоса слово за словом втекали в мой слух, сонный мрак рассеивался, разглаживались морщины в мозгу, а следом раскрывались веки.

О том, что в соседней комнате жизнь бьет ключом говорил свет, просачивающийся внутрь через ту часть двери, которую отделяло от пола всего несколько сантиметров, и ласковый женский голос, доносящийся из той же комнаты. Мягкий свет и подрагивающий голос походили на утренний шепот ночи, влюбленной в восходящее солнце.

В первую ночь на новом месте я всегда сплю плохо, вот и снова не спалось. К тому же полная интереса жизнь по ту сторону двери тоже делала свое дело, вонзившись кинжалом в грудь ночного сна.

...Мне не удалось уверить их в том, что моя бессоница вызвана не их беседой. Одна из женщин произнесла «Уже поздно» и ушла. Хозяйка квартиры проводила гостью и вернулась. «Раз нам не спится, тогда продолжим», — сказала она и не дожидаясь ответа достала из древнего шкафа, напоминающего комод моей бабушки (привезенный

в качестве приданого), маленькие рюмки, тарелки и ложки. Она открыла коробку шоколад, лежащую на столе. Затем прошла на кухню заварить кофе и пожарить каштаны.

Большая комната, напоминающая комнаты в домах интеллигенции николаевского периода, занимала точно середину квартиры. Отсюда открывались три двери: одна в мою комнату, вторая в коридор и в самом его конце кухню, а третья, по всей вероятности, в спальню самой хозяйки.

Между двумя последними дверями стоял выдававший виды черный рояль. В углу же были часы с большим маятником. Старые, поблекшие и облупленные... Однако, держались они чинно, словно царские генералы в эмиграции, старающиеся сохранить достоинство. Длинный светильник за креслом в другом углу помещения с отлепившейся лентой абажура по особому оттенял полумрак комнаты, как бы дополняя последним мазком картину, представшую моему взору.

Но душой всему были бесчисленные старые фотографии во всевозможных рамках на всех четырех стенах, ибо я не мог оторвать от них глаз. Я сидел за тяжеленным столом из орехового дерева, в центре комнаты, лицом к стене с часами и разглядывал фотографии. На одной только стене мне удалось насчитать около пятидесяти изображений,

потом сбился со счета – запах жареных каштанов настиг меня прежде, чем я их увидел, затем последовал аромат кофе, а дополнил букет крепкий дух коньяка.

Хозяйка накрыла на стол, как душу раскрыла. Это вовсе не было представлением, разыгранным вдовствующей женщиной перед новым знакомым, которого она собиралась очаровать, это было гостеприимством 70-летней женщины, давно уже прекратившей думать о смысле прожитого, женщины, ничего более не желавшей от жизни, наоборот, находящейся уже на ее излете, но при этом всё еще сохранившей страсть и гордость молодости, аристократические манеры былых времен.

Елена Ибрагимова. Худое тело, стройный стан, длинная шея, слегка острый нос, ниспадающие на плечи волосы, разделенные сбоку пробормом – всё это гармонично дополняло друг-друга. Ее тихие, спокойные движения, не по возрасту легкая походка – порханье бабочки, полуробкая-полуозорная улыбка как у покуда нецелованных девушек находились в гармонии с наполнившим комнату бодрящим ароматом кофе и приглушенным светом лампы. Голос ее походил на голос монахини, вернувшейся с утренней службы – в тембре с обертонами сострадателъности слышалась также легкая хрипотца.

Когда она клала для меня в розетку клубничное варенье, я невольно обратил внимание на иссиня-красные вены, вздувшиеся и проглядывающие из под морщин ее руки, и уподобил их облаку, готовому пролиться дождем. Сила и уверенность длинных пальцев ощущалась и на расстоянии, достаточно было проникновенного взгляда. А серебряное кольцо с двойной бирюзово-оправой на ее пальце напоминало пояс, обвивающий нежный стан любимой.

«От бабушки». Похожее на смущение чувство так резко пронзило меня, что я слегка растерялся. Она почувствовала мой взгляд на своих пальцах. Но вот вопрос, уловила ли как, с каким чувством я на них смотрю?

Когда она прошла на кухню, чтобы принести еще кофе, я понял, что меня изумляет не только этот человек, эти руки, пальцы, но и пара глаз среди черно-белых, пожелтевших фотографий, смотрящих со всевозможных рамок: мужчины, женщины, дети, старики, на коне, в поле, фотостудии, стоя, сидя, лежа, серьезно, весело, в одиночку, вместе... Девушка с ангельским лицом и робким взглядом...

Эта фотография, снятая, может, пятьдесят лет тому назад была похожа на ретро-снимки ранних голливудских актрис. Помните изумительное лицо

Ингрид Бергман в «Касабланке»? Вот то же самое. Это было отражением радости, расцветшей на лице невинной девушки, радости от переживаний первой бессонной ночи после того, как она услышала признание любимого молодого человека. О Боже, что ты задумал сотворив такую красоту?

В ту ночь наша беседа зашла далеко за полночь. Когда стрелки часов приблизились к 4 часам утра, она забеспокоилась от того, что «не дает мне спать», подумав, что мне рано вставать и пожелала спокойной ночи. У меня же не было никаких дел до самого полудня. Тем не менее, я уснул, заплутав в лабиринте грез.

... Меня разбудила игра на рояле. Кто-то играл один и тот же отрывок по несколько раз... играл, играл, ошибался, останавливался и снова продолжал с того же места. Хотя вещь часто прерывалась, игра между паузами говорила о том, что это произведение великолепно. Затем наступила полная тишина, но она продлилась недолго. На этот раз рояль зазвучал совершенно иначе.

Божественные звуки музыки как по волшебству подняли меня с постели. Я слегка приоткрыл дверь. Играла она. Видимо, ее длинные пальцы хорошо ладили с клавишами рояля, так как они повиновались ее прикосновениям как ласкам воз-

любленной. Искра, рожденная этим прикосновением, могла бы осветить самые потаенные уголки человеческой души. Нежданная прозрачность охватывала дрожью струны одного сердца, протянутые к другому. Как и этот старый, потрепанный рояль, почерневший будто бы от груза скорби всех этих лет, но в мгновении ока воспламенившийся юношеской страстью и похожий на старика, рвущегося к новой любви в надежде на новое рождение. Как этот рояль издавал тот звук, как он приходил в тот трепет? Неужели от 70-летней женщины, смотрящейся так же гордо, как и ее рояль?

Казалось, она не играет на рояле, казалось, она признается в любви...

Она сидела ко мне боком. Ее тело кокетливо подрагивало, словно она оседлала коня. Волосы были растрепаны, не в пример как они были уложены вчера вечером. Лицо вытянулось, шея ушла в плечи, будто желая скрыть следы, оставленные временем. Люди, изображенные на бесчисленных фотографиях, висящих в рамках на стенах комнаты, казались зрителями большого концертного зала. Они изумленно застыли от звуков божественной музыки. «Ингрид Бергман» тоже окаменела, превратился в статую и молодой человек, поглядывающий из-за приотворенной двери то на

нее, то на ту, которая исполняла это чудное произведение. Двигалась лишь она одна.

«Женское тело похоже на скрипку, надо быть превосходным исполнителем, чтобы оно звучало!». Джером Селинджер, сказав это, попал в самую точку, но на сей раз звучать женское тело заставлял рояль!..

Завершив игру, она повернулась к сидящей рядом девчужке. Бедненькая была заворожена разыгравшимся перед ее глазами представлением. Я раскрыл дверь и вошел в волшебную комнату. «Извините, мы вас разбудили, у меня ученики каждый день в 12.00», – обернулась она. Я взглянул на часы, был почти час дня.

...Следующая ночь была будто бы продолжением предыдущей. Я получал неизъяснимое наслаждение от того, что находился с нею рядом, слушал ее речи. Особый оттенок моему настроению придавал и третий обитатель комнаты – «Ингрид Бергман» на стене. Она уловила, что я частенько поглядываю на одну из фотографий, висящих на стене. Кажется, даже поняла на какую именно фотографию я смотрю. Может, именно поэтому, знакомя меня со снимками, она пропустила мою «Ингрид Бергман»: «Это – отец, он был врачом. Это бабушка в молодости – та самая, которая

подарила мне это кольцо. А это я – в трехлетнем возрасте. А эти – семья деда, видите сколько их? Теперь уже таких семейных снимков никто не делает.

Это – Параджанов. Был в меня влюблен. Вы его знаете? Ваш земляк. Из Кавказа вышли не только безжалостные большевики, но и мастера мирового уровня. Я люблю кавказцев. Вы очень свободолюбивы. Много потеряли, но смогли сохранить свой дух. Мы с Параджановым вели здесь, в этой комнате долгие беседы. В 60-х он много натерпелся. 139 интеллектуалов отправили Брежневу письмо протеста с требованием прекратить преследования по политическим мотивам. Его подпись стояла первой. И поэтому ему много досталось, даже арестовали. Интересным был человеком. Гений. Вы видели его фильмы?». «Видел “Ашик-Кериба”», – ответил я.

Мы подняли рюмки с коньяком, взяли по шоколаду из коробки «Киев вечерний», она кивнула головой и мы выпили без всякого тоста.

Не было никаких сомнений: она пила за Сергея Параджанова. А меня охватили смутные чувства. Я не знал что делать, что сказать. «Он – армянин, – не удержался я, – армяне наши враги». И я пустился в длинное повествование. Рассказал чуть ли не всю историю. Поведал о своем разорен-

ном городе, своем разрушенном доме. Поведал о горе, выпавшем на нашу долю. Она слушала затаив дыхание. Лишь закончив свою речь я понял, что она терпеливо меня выслушивала не ради интереса, а из вежливости. «Параджанов бы так не поступил», – сказала она и встала, намекая на то, что уже пора спать.

...На следующий вечер я пришел с полными руками; накупил немало сладостей, сухофруктов. Был и коньяк, той же марки – «Крым». Снова ее мягкая улыбка, теплый взгляд, родственная забота, ласковая аура... снова привлекательное лицо «Ингрид Бергман»...

В тот вечер она читала Есенина, к тому же меланхоличным голосом. Она с таким восторгом слушала стихи Рамиза Ровшана, которые я ей прочел, что стороннему наблюдателю и в голову бы не пришло, что азербайджанского языка она не знает. Поэзия как музыка, у нее один на всех язык – язык, понятный каждому. Затем она села за рояль. Играла пламенно. За всю свою жизнь я никогда не был столь близок к такому виртуозному исполнению, ни до, ни после того вечера. Это не было заурядной физической близостью, нет, это было погружением в стихию Вивальди, Бетховена, Шопена и других неизвестных мне имен.

Я слушал ее и рассматривал фотографии на стене. Время здесь давно замерло, остановилось на ней – все снимки были сделаны до нее. Она дважды была замужем, но детей не имела. Из наших ночных бесед я, как мне казалось, узнал весь ее жизненный путь. Она рассказала многое: от семьи, сменившей фамилию Абрамовых на Ибрагимовых, дабы спастись от еврейских погромов и до необходимости вести полудиссидентский образ жизни – плата за отказ бросать друзей. Остальное она говорила через музыку, озвучивая ноту за нотой жизнь длиною в 70 лет.

Звуки рояля подхватывали вихрь, вызванный в сознании коньяком, и уносили его куда-то далеко – в прошлое ли, будущее. Разве будущее не то же прошлое, что мы жаждем увидеть?!

...Мы условились: в воскресенье отправимся посмотреть Киев ее глазами, то есть прогуляться вместе. Так, как это был мой последний день пребывания в городе, я ни с кем больше не намечал встреч, мы собирались быть вместе до самого ночного рейса. В то утро она заставила себя ждать. Наконец, открылась дверь... Брошь с крупным камнем на вороте темнокоричневого длиннополого мехового пальто, сшитого в стиле пятидесятих годов, сверкала даже при слабом свете.

Нежная шерстяная шаль на голове была повязана будто бы для того, чтобы подчеркнуть все очарование лица.

Царящая на улице тишина, казалось, была призвана, чтобы внимать звуку падения снежинок. Каждый, если б с ним под руку шла такая женщина, мог бы расслышать звук снежинок, садящихся на плечо.

Мы проходили мимо старинного здания. «Отсюда всегда доносились крики, от которых шли мурашки по коже. Здесь располагался НКВД, а после - фашистское “Гестапо”. А теперь – это один из отделов КГБ», – сказала она, указав на маленькие подвальные окна похожие на форточки. Она рассказывала об исторических зданиях, расположенных на улицах, по которым мы гуляли, о минувших событиях, своих воспоминаниях.

Там, где было особенно скользко, она крепче сжимала мне руку, уверенная, что упасть ей я не дам. Эта ее уверенность доставляла мне наслаждение. Прохожие смотрели на нас с интересом, что несказанно мне льстило. Ее неповторимая аура, жасминовый аромат, элегантность превратили меня в кружащуюся снежинку, я летел вместе с ними.

«Это “Андреевский спуск”». Здесь расположен Дом-музей Булгакова, в доме № 13. Я хотела по-

вести вас туда, но вижу – улицу не расчистили, очень скользко. Могу упасть. Давайте вернемся. Как-нибудь в следующий раз. Вы читали “Мастера и Маргариту”?». «Я люблю “Бег”», – сказал я. Она как-то странно обернулась на меня и посмотрела прямо в глаза.

Мы вернулись домой вместе с сумерками. Скоро за мной должен был заехать друг. Мы в последний раз сели за чай. Я смотрел на нее как на давнюю знакомую. Когда еще увидимся? Увидимся ли?

Прежде чем как выйти, я остановился перед снимком на стене, и вновь всмотрелся в него, я прощался с «Ингрид Бергман». Заметив это, она подошла ко мне. «Смотрите уже столько дней, но так и не спросили кто это?». «Кто это?». «Я, в 18 лет. Снимок сделан когда я поступила в консерваторию». Мне не удалось скрыть изумления. «Кажется, влюбились, да? Так и есть! Влюбились! Не знаю что такого нашли во мне эти кавказцы!». Ее нежная, добрая улыбка источала свет. Мы попрощались.

«Бог тебе в помощь!», – она смотрела точь-в-точь как мать.

В последних словах она впервые обратилась ко мне на «ты». По пути мне казалось, что я что-то там оставил, забыл, я перепроверил карманы,

еще раз открыл чемодан, все было на месте.

В аэропорту от друга, как-то странно на меня поглядывающего, я узнал, что Елена не взяла квартплату.

Некоторое время спустя пара глаз, смотрящих из иллюминатора, станут блистать как звезды в бескрайнем мраке ночи.

После того, как дочь завершила игру, я подошел взглянуть на ноты: Мендельсон, «Песня венецианского гондольера». Произведение, которое Елена играла 15 лет назад. Моя 12-летняя дочь радовалась, приняв мое изумление за высокую оценку своего прекрасного исполнения.

...Да и я радовался.

*21 января 2011
Баку, Азербайджан*

Берег «Лебединого озера»

Одна из активисток регионального отделения Шведской Социал-Демократической Партии Ирада Алиева приобрела билет на балет Чайковского “Лебединое озеро” в тот день, когда было объявлено, что знаменитый Мариинский театр Санкт-Петербурга совершит гастрольный выезд в Йенкепинг.

По пути я рассказал детям об истинной причине своего поступка, побудившего меня заплатить немалую сумму за билет и проехать несколько сот километров.

Я не впервые делился с детьми своими приятными детскими воспоминаниями, порой я им что-нибудь о себе рассказывал, особенно в долгие зимние ночи на чужбине в северной стране.

Рассказав им краткую историю того очарования, что побудило меня отправиться на это представление, я добавил в шутку: вы посмотрите спектакль, а я отправлюсь в дальнейшее путешествие. Так все и вышло. Балет с первых же секунд увел мои мысли и грезы в детство.

Мое знакомство с балетом началось именно с “Лебединого озера”. Тогда мне было лет девять-

десять, я был уже большим мальчиком. Отец отправлял меня за некоторыми поручениями.

Порой он посылал меня к своему дяде, чей дом находился за две улицы от нашего дома в Агдаме, ныне превращенном армянской армией в руины, и говорил: “Иди к Беку, скажи, чтоб дал что-нибудь хорошее почитать”.

Отец и родственники называли дядю Исмаила “Беком”. Поговаривали, что его так прозвали в пору его пребывания в Тбилиси за аристократические манеры.

У дяди Исмаила книг было больше, чем у нас. Отец прочел всю библиотеку и теперь перешел к его библиотеке. Вот я и шел к дяде Исмаилу за книгами, которые он выбирал по вкусу отца...

Однажды летом к нашим соседям за изгородью приехали гости из Баку. Мальчики были моими ровесниками, а вот их сестра была намного старше. Ее изумительные глаза и переливающиеся шелком волосы все еще у меня перед глазами.

Облокотившись на стоящий в тени вишневого дерева стол, покрытый белоснежной скатертью и увенчанный самоваром, она целыми днями читала книги.

Хоть я и играл с ее братьями, все мое внимание было приковано к ней. В моих глазах она походила на Мальвину из недавно вышедшего на

экраны фильма “Приключения Буратино”.

Мне нравились ее мягкие медленные движения, то, как она изредка бросает с улыбкой взгляд на братьев, или, захлопнув книгу, мечтательно смотрит в какую-то недостижимую точку на небе. Листва было столь густа, что за ней с трудом проглядывало небо. Интересно, что она высматривала в этом просвете размером с ладонь?!

Играть с городскими ребятами было особенно увлекательно, их говор, смех, повадки – все казалось мне необычным. Я уже не говорю о тех игрушках, что они с собой привезли. Порой, забывшись, я так удивленно смотрел на них будто они инопланетяне.

А с их игрушками я мог бы играть годами и так бы не наигрался вдоволь. Это было мое первое знакомство с чувством зависти – одним из естественнейших человеческих чувств.

Но я сдерживался перед искушением и не подходил к игрушкам. Я и не пытался выглядеть нежадным, всем обеспеченным и довольным, мне просто хотелось выглядеть взрослым в глазах их сестры.

А она меня “не замечала”.

Девушки-подростки не замечают тех чувств, которые к ним испытывают мальчишки помладше, но они с нетерпением ждут любви взрослых пар-

ней. Лишь годы спустя я понял ту мечтательность, любовное настроение соседской девушки, чувства, которые она испытывала тем летом – я понял это, читая книгу, читанную ею в то лето.

В те дни я искал малейшего повода, чтобы перекинуться с ней словечком: однажды подошел к ней якобы узнать, что это она читает. “Новеллы Стефана Цвейга”, – ответила она...

Как ио раз во время одной из таких увлекательных игр меня подозвал отец и снова отправил к дяде за книгой. Возразить я не мог, собирался бегом туда и обратно за книжкой, чтобы потом продолжить веселиться с ребятами из Баку. Но все вышло иначе.

Дом дяди Исмаила находился по дороге в Шушу, напротив ресторана на бульваре. Мне нравилось проводить время у них дома и, в особенности, в амбаре позади дома. В амбаре находились всевозможные бытовые приборы, древние вещи, но больше всего меня привлекали огромные дубовые бочки с соленьями.

Когда я был совсем мал, то дотянуться до отверстия бочки не мог, я клал себе под ноги ведро или ящик. Я находил какое-то особое наслаждение в том, чтобы достать соленья из “капустной бочки” и съесть, не сходя с места...

Большая книжная полка находилась в коридоре, ведущем в дом. Застекленную гостевую украшали антикварные сувениры. На стенах висели изготовленные из жестяных плиток “чеканки” сына дяди Исмаила Вагифа, портрет сына Видади, написанный в армии масляными красками и фотографии дяди Исмаила с супругой тетей Вазифе, снятые в Агдаме и Тбилиси, откуда была родом тетя Вазифе (дядина жена).

На черном пианино стояли всевозможные фигурки и статуэтки. Во время празднеств, когда дети хотели поиграть на пианино, они осторожно переставляли эти фигурки на комод и открывали крышку ради громкости звучания.

Каждый раз, когда приезжала из Баку бабушка, дядя Исмаил устраивал в ее честь большое торжество. Смех и веселье, пиршество, музыка и танцы длились часами. Его дети – Вагиф, Видади, Эльмира и Расим – были особенными: один играл на кларнете, другой на пианино, а третий выступивал ритм на стуле будто на нагаре...

В тот день, когда я прибежал за книгой, дядя Исмаил сидел “конем” на стуле, скрестив руки на спинке, упершись подбородком в ладонь, и смотрел телевизор. Его собранность и внимание говорили о том, что дядя наслаждается зрелищем. Заметив меня, он подозвал к себе и дал знак сесть на стоящий рядом стул.

Группа девушек в белом на экране телевизора танцевала под странную музыку. Хотя мне и было неинтересно, пришлось сесть. Немало времени спустя, когда его супруга принесла чай, я осмелел и сказал, что отец отправил меня за книгой. Дядя никакого внимания на это не обратил.

Он сказал: то, что мы смотрим – это балет “Лебединое озеро”. Затем он встал, вернул стул в обычное положение и подсел ближе к столу. Подвинул к себе стакан с чаем. Приступил к пространным рассказу о балете.

Злой колдун превратил возлюбленную молодого принца в лебедя. Изнывающий от тоски принц, в конце концов, одерживает победу в сражении с колдуном, рушит его чары и спасает свою возлюбленную. Я не мог уловить в тот момент связи между рассказом дяди и танцами на экране, но все же досидел до финала.

Дядя Исмаил говорил со мной, как со взрослым, как с ровесником, будто я уже повидал сотни балетов, прослушал столько же опер. Но, помню, оперы ему не нравились. За исключением “Лейли и Меджнун”, которую он часто смотрел в молодости в Тбилиси. Зарубежные оперы нисколько его не интересовали: “Кричат что есть мочи, да и слов не разобрать”.

А балет ему нравился. Я не понимал, почему.

Его объяснения ни о чем мне не говорили. Помню лишь то, что он сравнивал танцовщиц с бабочками: “Не ходят, а порхают, порхают”.

Не помню, сколько продлился балет, во всяком случае, мне это показалось целой вечностью. Терпение мое было на пределе. Все мои мысли вертелись вокруг ребят из Баку, и в особенности “Мальвины”. Как бы красиво не танцевали очаровательные девушки на экране, они не интересовали меня так же сильно, как гости из Баку.

Наконец, когда я вышел от дяди Исмаила, я целиком находился в лившемся с экрана настроении. В голове звучала музыка Чайковского, а губы ее насвистывали. А на название книги, взятой у дяди, я обратил внимание только, когда передал ее отцу – “Отец Горио” Бальзака.

В холодную шведскую ночь “Лебединое озеро” погрузило меня в теплые воспоминания о родине. Я как бы пережил все заново.

В детстве воображаешь свое будущее, а став взрослым, тоскуешь по детству, и все это, как бы ни было странно, сопровождается приятными чувствами. Оказывается, тоска может быть и сладкой.

Мечтатели не покорны возрасту. Танец артистов русского балета, пленительная музыка Чайковского делают человека чище, чистым как

ребенок десяти лет. Может, именно потому я погрузился в ту ночь в грезы, на которые способен лишь ребенок – словно я был принцем Зигфридом, а светловолосая девушка из Баку Одеттой.

Но как бы я ни старался, не смог уподобить дядю Исмаила колдуну Ротбарту, ставшему камнем преткновения между двумя возлюбленными. Ибо дядя Исмаил был светлым человеком.

Светлым человеком в маленьком провинциальном городе, человеком с богатой библиотекой, пианино, звучащим каждый Божий день, и телевизором, показывавшим балеты. Человеком, познакомившим меня с “Лебединым озером”, под чьи чары я подпал впоследствии.

В тот жаркий летний день дядя Исмаил не мог бы даже представить, что балет, который он заставил меня посмотреть, спустя сорок лет откликнется во мне ностальгией по родине вперемежку с воспоминаниями о первой детской чувственности, прокатит по “Лебединому озеру” и вынесет на теплое побережье детства.

*Декабрь, 2014
Карлскрона, Швеция*

Время лечит раны

Выстроившиеся в ряд холмы отливали всеми цветами радуги. Солнце одним своим утренним росчерком превзошло всё мастерство осветителя, способного создать настроение, переливающимся на сцене разноцветьем.

Даже когда солнце не выходило из-за туч, каждый из холмов окрашивался в прелестный цвет.

Выпал снег. Но холмы и тогда не повторяли друг-друга, каждый оттенял белизну снега по-своему.

Долины – изнанка холмов. Одни точно навещающая ужас ночь, другие словно яркое утро.

...Вот уже который день я наблюдал из окна один и тот же пейзаж в разное время суток и в разных тонах.

Днем несложно представить весну и лето в этих краях. Холмы скрывали свой весенний облик в чреве долин, но я мог видеть эти краски. Мог! Даже еще не вспыхнувшая заря, вечерние сумерки, спрятанная в долинах тьма не могли скрыть от глаз затаившиеся в холмах весенние краски.

Холмы, рожденные одной и той же горой, напоминали детей одной и той же матери – не походили друг на друга.

Собравшиеся вокруг стола люди тоже не были детьми одной матери. Но все они ходили под Богом.

Москвичу Андрею Ивановичу было далеко за семьдесят. Его стать, басовитый голос напоминали русских генералов, которых я встречал в армейскую пору. Лишь после я узнал, что он бывший военный в звании полковника. Говорил он в основном о санаториях, в которых довелось побывать. Прошлую осень он провел в Карловых Варах за 19 километров отсюда. Он рассказывал, что лечебные воды пошли ему на пользу, рези в желудке уменьшились.

Карелу из Праги было максимум пятьдесят пять. По-русски он говорил хорошо, выучил еще в школе в период коммунизма. Работал он в сфере машиностроения и даже пописывал статьи для технических журналов. О чешских санаториях он говорил с гордостью. Говорил, что здешние радоновые ванны не имеют себе равных во всей Европе, а минеральные воды – во всем мире. Его слова всколыхнули мои патриотические чувства: я поведал о нафталановых ваннах и порекомендовал ему съездить в Азербайджан.

Ханне, проживающей в окрестностях Дрездена, никак не получалось дать восемьдесят пять

лет, выглядела она моложаво. Каждый раз она садилась за стол, прислонив трость к стулу, здоровалась с каждым по-отдельности. Едой особо не увлекалась, а вот побеседовать любила. У нее ладилось с Андреем, они частенько продолжали задушевную беседу в фойе или в баре. Она говорила по-русски не очень, но всё при желании можно было понять. Те немецкие словечки, что она иногда вставляла в свою речь, совсем не походили на слова того «ужасного» языка, который мне довелось слышать в детстве в советских фильмах о войне. В ее произношении жесткий немецкий язык звучал певуче и гармонично.

Мы встречались три раза за день. Я заметил, что и Карел прислушивается к ним с особым интересом. Я получал удовольствие от наблюдения за двумя этими стариками, оставляющими позади осеннюю пору своей жизни, как и от созерцания лесистых холмов за окном с деревьями, сбросившими всю свою листву. О чем бы они ни говорили, речь в итоге заходила о превратностях старости. Они давали друг другу советы. Общались так ласково и сочувственно, будто были знакомы целую вечность.

Старикам есть чем поделиться, особенно больным. Вот и они беседовали о своих детях и внуках, болячках, планах посещения других сана-

ториев, одним словом, о своем настоящем и будущем. Прожившие большую часть своей жизни при коммунистических режимах, прожившие детство в жесточайших политических режимах за всю историю человечества, повидавшие много чего на своем веку два престарелых представителя народов, ведших друг с другом безжалостную войну, не проронили ни слова о прошлом.

Однажды во время ужина они так распались, что мы оказались в роли заинтригованных зрителей. Они не на шутку прикипели друг к другу. Глядя на них мы с моим чешским собеседником говорили о том, что вечной вражды не существует, что злейшие враги, в конце концов, садятся за дружеский стол и что история богата на такие примеры.

В ходе беседы я поинтересовался у него, видел ли он фильм, повествующий о массовом изнасиловании советскими солдатами немецких женщин. Фильма он не видел. В тот же вечер я пригласил его посмотреть картину вместе.

Ровно в восемь в дверь постучался Карел с четырьмя бутылками чешского пива в руках. Я уже отыскал в интернете фильм режиссера Макса Фэрбербёка «Безымянная — одна женщина в Берлине». Мы сели смотреть.

Фильм повествует о зверствах советских сол-

дат, массовых изнасилованиях немецких женщин. История не знала второй такой армии, подвергшей массовому изнасилованию женщин побежденного народа. Два миллиона немецких женщин стали жертвами этого массового изнасилования. К тому же не единожды или дважды, а по несколько десятков раз. Безбожная советская армия не дала пощады даже монашенкам из монастыря. Тысячи женщин умерли во время аборт. Наложивших на себя руки тоже тысячи и тысячи. В целом, в результате изнасилований умерло 240 тысяч немецких женщин.

В ту ночь мы говорили с Карелом и о других преступлениях русских солдат. Он завел речь о гнете коммунизма, репрессиях после советской оккупации, лагерях для политзаключенных, привлеченных к рабскому труду в урановых рудниках, кровавой пражской весне 1968-го года.

Мне тоже было о чем рассказать. Он слушал с интересом. Я не удивился, что он доселе ничего не слышал о бойне 20-го января. Мы пока не научились и все еще учимся доносить миру свою правду, свою боль, свои трагедии...

Наутро я принялся с еще большим вниманием наблюдать за престарелой парочкой. Робкое выражение лица Ханны напоминало лицо женщины из фильма, которую насиловали каждый день. А

Андрей казался мне разъяренным русским солдатом, нападавшим на женщин с животной страстью. Ханна мило беседовала с офицером армии, изнасиловавшей ее мать, родственников-женщин, весь народ, а может и ее саму. Будто ничего и в помине не было. Неужели всё забыла? Ведь говорят, женщина до конца своих дней не может позабыть стресс и ужас изнасилования!

Видимо, верно говорят: «Время лечит все раны».

Как бы саркастично ни звучало, можно сказать, что море крови пролитой в Европе из-за невыблемости границ в итоге привело к образованию государств без границ.

Наша война с армянами одна из тысяч войн за всю историю человечества. Я нисколько не сомневаюсь, что настанет время и через много-много лет азербайджанец сможет также задушевно беседовать с армянином в Карабахе – в одном из таких же чарующих уголков, как этот городок Чехии. Наверное, эти неизвестные нам люди, пережившие ходжалинскую бойню, сумгаитский погром, в котором нас несправедливо обвинили, тоже не станут поминать прошлое. Они тоже будут беседовать о своем настоящем и будущем.

Слова Иисуса Христа: «Попал в беду, приди

ко мне, я возьму тебя за руку, пронесу через это страдание, но при одном условии – не оглядывайся назад».

Всё, что я сейчас написал, кажется странным. Знаю, мои слова похожи на сказку в то время, когда никакого мира на горизонте не видно, а надежда на перемирие в глубоком колодце отчаяния. Но я знаю, что когда-нибудь – пусть хоть через лет пятьдесят – всё получится!

...Вдобавок хочу быть уверенным: во время тех будущих встреч с армянами в Карабахе гостями будем не мы, мы сами будем принимать гостей!

*Декабрь, 2013
Яхимов, Чехия*

Озоновые люди

Литературоведческое эссе-раздумье

Советский писатель Анатолий Кузнецов, эмигрировавший в 60-х годах прошлого века в Лондон, наделал шуму своими статьями и интервью. В статье, опубликованной 25 сентября 1969-го года в парижском эмигрантском журнале «Русская мысль», он разделил на категории советских писателей согласно их политическим воззрениям и тем самым дал импульс к напряженным дискуссиям. Кузнецов поделил известных советских поэтов и писателей на следующие категории:

- полностью подчинившиеся: «Да здравствует Советская власть!» (Шолохов, Михалков, Кочетов);

- умеренные либералы: «Да здравствует советская власть! Но далеко не всё происходящее хорошо...» (Катаев, Симонов, Рождественский);

- воинствующие либералы: «Да здравствует Советская власть и коммунизм с человеческим лицом! Однако попадать в суд мы не хотим» (Евтушенко, Вознесенский, Твардовский);

- оппозиционеры: «За Советскую власть, но не такую как в последние 50 лет» (Синявский, Даниэль, Солженицын, Гинзбург)

Польский писатель-публицист эмигрант Йозеф Мацкевич, всегда скептически относившийся к диссидентству такого всемирно известного писателя как Солженицын, в одном из номеров журнала «Вядомости» за 1970-ый год назвал это «точной классификацией». Кстати говоря, мы перевели полное упреков и критики замечательное письмо знатока советской политической системы Мацкевича Шолохову и опубликовали в 9(17)-ом номере журнала “III Sektor” за 2005-ый год. Я рекомендую всем и в особенности пишущим прочесть это письмо, повествующее о трагедии писателя, который заново прошелся по своему «Тихому Дону» сквозь призму внутренней цензуры. Этот текст можно найти в моем блоге.

Протест первейшее условие свободы. Без протеста нельзя стать свободным, а не будучи свободным нельзя прожить достойно.

Всё живое ощущает внешнее влияние отдельными органами. Общество тоже живой организм. Оно ощущает оскорбление своей чести «сердцем интеллигенции».

Спустя год после принятия конституции СССР за 1977-ой год в тбилисской газете «Заря Востока» опубликовали проект аналогичного вер-

ховного закона Грузинской ССР, и тут грузинская интеллигенция вышла на митинг протеста. Причиной протеста оказалась 75 статья проекта – присвоение русскому языку статуса официального языка. До тех пор государственным языком в каждой из трех кавказских стран считался язык этнического большинства.

Попытку нововведения встретили митингом в Грузии, напряженностью в Армении и полным молчанием в Азербайджане. Но в итоге выиграли все – советская власть отступила перед протестами в Грузии. Нас тоже не стали отделять от числа непокорных, за счет грузин наш язык остался при прежнем своем статусе.

Чем скитаться мыслью в дальних даях, приведу еще один пример в связи с нашими соседями. В одном из номеров журнала “III Sektor” за 2004-ый год опубликовано мое интервью с бывшим диссидентом, общественно-политическим деятелем, моим другом Леваном Бердзенишвили. Грузинский интеллектуал, анализирующий недавно состоявшуюся «Революцию роз», говорил, что интеллигенция не стерпела попраения чести и достоинства народа, во время революции в первых рядах шли всем знакомые и ценимые писатели, поэты, композиторы, художники, ученые, деятели кино. «Масса состояла только и только из образо-

ванных людей. Среди них не было ни одного рабочего».

Этими примерами я хочу сказать то, что прогрессивный критерий народов измеряется количеством образованных, грамотных граждан, но одного этого для свободы недостаточно. Необходимо также чувство достоинства и смелость это достоинство показать. На страже достоинства нации стоят совестливые интеллигенты.

Я начал этот текст дефиницией Кузнецова. Подобная классификация писателей и поэтов показатель нравственной трагедии, испытываемой не знающим свободы обществом.

В свободных обществах интеллигенция не делится на моральные категории!

Если применить вышеизложенную классификацию к нашему времени и обстоятельствам, на- верно, получится следующее:

- полностью подчинившиеся: «Да здравствует Ени Азербайджан!»;

- умеренные либералы: «Да здравствует Ени Азербайджан! Но далеко не всё происходящее хорошо!»;

- воинствующие либералы: «Да здравствует власть и Ени Азербайджан с человеческим лицом! Однако попадать в суд мы не хотим»;

- оппозиционеры: «За Ени Азербайджан, но не за такой как в последние 20 лет».

Мне захотелось составить длинный список с представителями нашей интеллигенции, разнесенными по этим пунктам. Не вышло! В зависимости от ситуации каждый из них легко перескакивал с одного пункта на другой, «полностью подчинившийся» становился «умеренным либералом», а то и «воинствующим либералом».

Лишь в одном из пунктов твердо стоял на ногах: писатель Чингиз Гусейнов. И я уверен, что ни один писатель, поэт, композитор, художник, учёный, деятель кино, вообще человек, считавший себя интеллигентом не будет возражать, что якобы он не из тех. А если назвал бы имя хоть двух-трех писателей, поэтов в пункте оппозиционеров (есть такие талантливые творческие люди, очень хотел, чтобы они попали в этот список), уверен, что они сразу опровергли и выступили бы против моей классификации.

Интеллигенция, сформированная из людей с общественной совестью, озоновая прослойка общества. Иммуитет народа и общества на общественные недуги тем сильнее, чем толще эта прослойка. А наш «озоновый слой» прохудился, весь в дырах. Это и есть причина всех наших «болезней».

Народу не хватает кислорода «озоновых людей», чтобы почувствовать дух свободы и протестовать, потому что когда отсутствует фактор протеста, целая нация становится чеховской «размазней».

Наша беда еще и в том, что советская интеллигенция по причине своей порочности не смогла сформировать национальную элиту эпохи независимости и теперь ей, можно сказать, не дают никакого права голоса. А новая мысль, сформированная за этот отрезок времени, еще молода и слаба.

Взамен у нас сформировалась совершенно другая, конгломератная элита, сформированная из снобов и неучей. Трусливая, подлизывающаяся элита с рабской натурой, раскрывающая объятия чинушам и богатеям, но не умеющая выказать ни малейшей толерантности даже самому «беззубому» протесту инакомыслящих.

...Хочу жить в те времена, когда наша интеллигенция будет относиться лишь к одному пункту – пункту «Свободных»! Вот тогда у нас и появится «озоновая прослойка», защищающая от всяческих общественных болезней!

*Октябрь, 2012
Бурсерид, Швеция*

Обезьянья диктатура

В копенгагенском зоопарке наибольшее мое внимание привлекли павианы. Тигры, превратившиеся в клетке в кошек, жеманные и медлительные жирафы, тоскующие по джунглям слоны, безразличные ко всему толстокожие носороги, верблюды, чья шкура на спине от отсутствия наездников истончилась словно у джейранов не были столь интересны, как эти обезьяны. Я битый час не мог отвести глаз от их лицедейства.

В огромной клетке находилось несколько десятков обезьян от мала до велика. Жизнь в этом вольере будто бы регулировалась особыми законами. Общество управлялось на основе четко заведенного механизма. Большая семья подчинялась воле отца-павиана. Не представлялось возможным, что от его контроля может ускользнуть хоть малейшая деталь. Он обладал правом вознаграждать или наказывать любую другую особь.

Во время моего посещения общество павианов вело свою привычную повседневную жизнь: самки кормили малышей, дети резвились и играли. Один взбирался на скалы, другой свисал с ветки, третий почесывал бок, ловкач отбирал от тихони снедь, а затем, будто злорадствуя, показывал ослабленные зубы, обиженный забивался в угол и смотрел куда-то вдаль печальным взглядом,

обжора, расчищая руками яйцо от скорлупы, крепко зажимал ногами банан – одним словом, все обезьянничали.

Матери, держа новорожденных за хвост, не давали им отбиться. И когда куда-нибудь направлялись, то либо закидывали детенышей за спину либо таскали, ухватившись за хвост. Словно оберегали своих детенышей от других самок... А чего страшного могло произойти в огражденном вольере?! Может, давал о себе знать генетический страх, оставшийся со времен жизни в дикой природе. Но порой ужасные происшествия в огражденном пространстве не имеют себе равных по сравнению с тысячами опасностей, подстерегающих в лесах и джунглях.

Здесь как и в человеческом обществе шла тайная и явная борьба. Если присмотреться, начинаешь это ощущать. Вот бы разобраться во всех тонкостях! – тогда мне удалось бы написать интереснейший на свете репортаж.

Отец семейства восседает на самом высоком месте в вольере, на скалах и оттуда контролирует всю семью. Когда поднимается шумиха и обезьяны принимаются дебоширить, хватает одного окрика Отца-павиана, чтоб воцарилась полная тишина. Непокорные самки, нарушающие «правила» подвергались суровому наказанию. Они подвергались половому насилию Отца-павиана. Всего лишь за час мне пришлось стать свидетелем

ровно трех таких наказаний. Во время этого процесса самка смиренно подчинялась Отцу-павиану, покоряясь его желаниям. После «процесса наказания» самка становилась такой тихой, так боязливо забивалась в угол, что ни за что нельзя было бы предположить: именно она поставила вольтер на уши своим дебошем (Но это декадентство особо не затягивалось, вскорости самка снова возвращалась к привычному настроению и действиям). А Отец-павиан рычал, бил себя в грудь и возвращался на свой трон в возвышении.

Другим методом наказания была ссылка в заднюю клетку. В зоопарке для павианьей семьи были выделены две большие клетки. Одна на открытом воздухе, вокруг которой собрались мы, а другая клетка располагалась в закрытом помещении. Обезьяны переходили из клетки в клетку через несколько маленьких отверстий-дверей. Павиан, вызвавший гнев доминантного самца-Отца, в качестве места отбывания наказания перебирался в закрытую клетку, где из-за жары почти не имелось зрителей.

В диктатурах справедливости нет, будь это общество, созданное животными либо людьми. Борьба обезьян за еду, принесенную работником зоопарка, была совершенно далека от принципа справедливости. Сильный отбирал еду у слабого. Справедливое разделение пищи не волновало и абсолютного лидера – самца-Отца. Его уже всем

обеспечили, еды у него было навалом.

Семья павианов напомнила мне Чарльза Дарвина, в особенности его книгу «О выражении эмоций у человека и животных». Эта книга, попавшаяся мне у бакинских букинистов в 80-х, отложилась в моей памяти по большей части своими иллюстрациями. Наблюдая обезьян в загоне еще раз убеждаешься: человеческое общество переняло свое устройство от природных законов. Порой мы заходим столь далеко, что забываем: мы частичка природы, одно из порожденных ею существ. Именно это напомнили мне обезьяны – мы тоже одни из живых организмов природы.

Как схожа мимика страдающего человека и обезьяны, подвергшейся насилию... Довольная улыбка самки, кормящей грудью детеныша и при этом не отводящей от него взгляда, точь-в-точь как улыбка матери на картине Леонардо да Винчи «Мадонна Литта», матери, кормящей молоком своего малыша. Чувства изгнанной из стаи обезьяны написаны у нее на лице, словно тень страданий, охватившая горемычного человека. А радость особей, перепрыгивающих с ветки на ветку со счастливым смехом, ничем не отличается от блаженной человеческой радости. Эмоции же самца-Отца, наслаждающегося процессом наказания, так похожи на садистские ощущения человека, который тиранит и мучает слабых и бесправных.

Жизнь в клетке напоминала режим, созданный людьми, властвующими над себе подобными. От новорожденного малыша до главаря все подчинялись жесткой системе, работающей с точностью механизма. Будто главарь рожден править, а все остальные подчиняться.

Все общества, созданные людьми на заре цивилизации, построены на основе принятых у животных и зверей моделей общежития. Эта схожесть берет свое начало в одной воле, руководящей всем живым — «желание сильного править над слабым». Это главный принцип модели общежития, интуитивно созданной живыми существами.

Это чувство присуще всему живому. В особенности, человеку. Ни один зверь не сравнится с человеком в жестокости по отношению к себе подобным.

Впоследствии некоторые людские сообщества, прошедшие через тысячи исторических испытаний, смогли создать «общество равных возможностей» на основе иных моделей.

А некоторые все еще живут в обществах, похожих на обезьянью диктатуру, которую мне довелось увидеть в копенгагенском зоопарке.

*Копенгаген, Дания
19 августа 2013*

Пустая жизнь

*Зачем мозговые центры и изви-
лины, зачем зрение, речь, самочувствие,
гений, если всему этому суждено уйти
в почву и, в конце концов, охладеть вме-
сте с земною корой, а потом миллионы
лет без смысла и без цели носиться с
землею вокруг солнца?*

(Антон Чехов, «Палата № 6»)

Недавно я искал спутников для совместного просмотра фильма Рустама Ибрагимбекова «Кочевник», чей показ был анонсирован в Театре «Ибрус». На мой зов не откликались. Самым приличным среди многочисленных отнекиваний было «Тебе больше нечем заняться...». Когда число фейсбуковских знакомых и оффлайн-друзей, которых я обзванивал и пытался уговорить, сравнялось с количеством оставшихся до начала фильма минут, я вышел из офиса. Без пятнадцати семь я отправился по кривой и темной улочке до близлежащего театра. Я был расстроен.

В марте сего года я вместе с другом Лечой Ильясовым, московским чеченцем и этнографом, гостил в Вашингтоне. Приютивший нас хозяйка

всем своим пылом демонстрировала «кавказское гостеприимство американского происхождения». Она копалась в интернете и составляла список культурных мероприятий, включала нашу жизнь в график, чтобы нам было интересно. Музеи, парки, рестораны и кафе сменяли друг друга. Мы уже «наполовину прочли» историю города – «В Рейгана стреляли вот здесь».

Одним утром она заявила, что хочет повести нас в театр пантомимы. «К тому же этот театр основали грузинские мигранты. Талантливые ребята». Презентация, рассчитанная на нашу кавказскую солидарность, не пробудила никакого интереса у «объевшихся» за несколько дней культурными мероприятиями. Мы сказали ей, что не хотим идти, что у нас другие планы, но на следующее утро наш опекун пришла с билетами. Нам пришлось идти в театр, невольно, неохотно. Как будто колхозников собрали в лафет и вели слушать симфонию Кара Караева. Когда же мы вспомнили о своем уговоре выпить в тот вечер пива в баре напротив метростанции «Van Ness», то чуть ли не проклинали пилота самолета, некогда доставившего этих грузинских артистов в Америку. Делать что ли было нечего? – тебя насильно ведут в Вашингтоне на грузинский спектакль, к тому же немой...

Когда мы вошли в Театр Арлингтон Спектрум стало известно, что спектакль, который предстоит посмотреть, «Божественная комедия» (Данте), подготовленная Синетическим Театром (Synetic Theater). Мы узнали, что этот театр создали грузинские мигранты Паата и Ирина Цикуришвили в 2001-ом году. Театр, за короткий срок ставший популярным, завоевал за эти годы немало наград. Небольшой зал в скором времени наполнился зрителями. Мне не удалось определить средний возраст пришедших на спектакль. Большинство составляли пожилые, но и молодых было немало. Все выглядели собранно и аккуратно. Все лучились счастьем, кроме моего друга Лечи. Казалось, в его глаза впитались все страдания чеченской войны. Эхо Карабахской войны, впитавшееся в мое лицо, тоже, наверное, видел лишь он. Своего лица я видеть не мог.

Погас свет. Началась пьеса. Необычная декорация, состоящая из темных тонов нескольких цветов, производила странное впечатление. Гигантская воронка была полна людскими душами, изнемогающими в дикой страсти. Небесная музыка аккомпанировала этому стенанию душ. «Души» обнаженных душ перед престолом Творца тоже были обнажены: здесь ты ничего не скроешь. Здесь «живы» одни грехи. Да, это ад,

дантовский ад. Сам Данте позавидовал бы этому аду на сцене, который оживил грузин. Зал затаил дыхание. В отличие от «ада» на сцене жизни здесь не было, она замерла. Будто не мы, а обитатели ада ужасались нашим положением. Ощущая себя среди этих душ, я невольно смотрел на сидящего справа Лечу. Самый безобидный чеченец на свете был ошеломлен. Был ошеломлен весь зал. Наверно, лишь сидящие рядом со мной могли видеть в каком я состоянии. Своего лица я видеть не мог.

Следующие части «Божественной комедии» получились такими же удачными. Цвета, свет, звуки, мимика и пластика актеров образовали гармонию. Когда представление закончилось, наши лица покинуло «страдание», а лица американцев «счастье». Все лица выглядели одинаково. Все мы были ИЗУМЛЕННЫ! Спектакль провел нас через круги «Ада» к «Чистилищу» и наверх в «Рай».

По пути обратно мы комментировали пьесу, как театроведы. Наш друг сжегла наше недовольство и скованность в «геенне огненной». Она понимала, что подарила нам вечер, достойный вписаться в память и потому сияла. Наши лица тоже сверкали словно фонари улицы Коннектикут.

Я дошел до театра «Ибрус» на улице Гасана Сейидбейли, 18. Два сотрудника театра курили на

выходе. Пожилой сотрудник смерил меня удивленным взглядом и сказал, что фильм не покажут: «Кроме вас никто не пришел».

Такие дела, дорогой читатель! На фильм первого получившего «Оскар» азербайджанца Рустама Ибрагимбекова, фильм, повествующий о древних тюрках, в тюркском городе с тремя миллионами жителей нашелся лишь один зритель...

Я завершил таким образом пустой день и зашагал обратно во мрак улицы...

3 декабря, 2009

Баку, Азербайджан

Тоска по косуле в Ганзасаре

Стоял жаркий июль далекого 75-го года, когда мы строили «крепость» на проглядывающем как на ладони месте палаток-шатров своих родителей, старших родственников; эти палатки-шатры они возводили на дороге между родником Турш-су и деревней Дамганлы, расположенной в зеленом лесу, распростертом вниз от Вянга до Колатага (который мы называли Коладайы). В те времена, когда мы, стайка мальчишек, расчищали от сора самую «стратегическую» позицию в лесах Коладайы, куда приходили летовать и наши прадеды, когда мы строили из земли «крепость», мастерили из веток всевозможное оружие, проводили ограду и разбивали «военный» лагерь, совершали «боевые вылазки» – утром наверх в Гандзасарский монастырь, вечером вниз в палатку бабушки за продуктами, так вот в те самые времена даже фильм «Рембо» еще не был снят.

Монастырь мы «брали» в один присест, но «удержать» не могли. Потому что никак не получалось взобраться на самую высокую ее точку, где раньше висел колокол и где сейчас устроили себе гнезда сотни голубей, шарахающихся в разные стороны при нашем появлении. Мы даже не брали себе копейки, брошенные паломниками в покоя-

щийся в полумраке монастыря толстый каменный сундук с выдолбленной посередине прорезью. Нельзя было. «Без трофеев» интерес к монастырю пропадал быстро, и мы покидали его «без боя», чтобы заново «покорить» вершину. Таким вот образом мы не становились ее хозяевами. Много позже мы поймем: исторические памятники словно прекрасная женщина, драгоценное украшение – если не заявишь свои права ты, кто-нибудь другой обязательно это сделает.

Зайти в кибитку и набить мешок продуктами было просто, сложнее было пронести «трофей» из палаточного городка (впоследствии здешние люди станут обитателями совсем другого палаточного городка) в «военный лагерь». Как правило, набег совершался в палатку бабушки, ибо вход в нее был широко открыт, как и сердце ее хозяйки. В отличие от других палаток бабушкина не «оберегалась». Но при выходе приходилось пройти мимо нескольких других временных жилищ и многочисленных острых на глаз женщин. Опытные разведчики хорошо справлялись с этой задачей.

Порой мы совершали «миротворческие» визиты в Дамганлы. Деревня «сдавалась» нам без боя. Армянские мальчики, наши ровесники, ненавидели нас, но отступали будто перед солдатами «армии победителя». Мы не совалились в эту де-

ревню без двоюродного брата Эльшана – самого старшего среди нас. Если с нами был Эльшан, они нас боялись, а без Эльшана их боялись мы.

Как только в наших карманах появлялась пара манат, мы чинно заходили в магазин, к тому же не на деревянных лошадках, принимающих участие в наших военных походах, а с машинами из проволоки. Говоря сегодняшним языком, самой крутой тачкой была та, у которой красовались ночные фары из пузырьков из-под пенициллина. Одежду тоже приводили в порядок, ведь мы шли в деревню армянских девочек, которым лукаво подмигивали у родника.

Все эти военные походы и миротворческие визиты подытоживались большим пиром в нашем лагере – трапеза тех, кто покориł все земли от монастыря и до деревни. Чего только тут не было? От лемберанского арбуза до аскеранского лимонада, отварной ходжалинской картошки до печенья «Спорт» и «Барбариса», порой даже появлялась жареная курица и степанакертское мороженое. Настоящий пир победителей.

Субботы с воскресеньями проходили дружно и шумно. Из города приезжали многочисленные родственники, друзья и приятели. И все на машинах, груженных продуктами. Арбузы и дыни чуть ли не падали с кузова. Изобилие порождает

страсть – случалось, и не раз, что мы пускали арбузы катиться вниз по склону.

Дымил самовар, потрескивал костер, тлели угли в мангале.

Когда не было посторонних, накрывали одну большую скатерть, а когда приходил кум – лесничий Шахин и другие посторонние гости, накрывали три скатерти: для мужчин, женщин и детей. Рассказывали, что кум Шахин однажды повстречался в лесу с медведем и убил его. Может, так оно и было, а может, это проистекало от желания армян мифологизировать Шахина в качестве выдающегося героя – «Наш Шахин задаст трепку десяти мужчинам, он самого медведя в лесу придушил!»; ведь местные армяне впадали в уныние от каждого появления тюрков-мусульман, которые на протяжении долгих лет приходили в эту местность летовать.

Кум Шахин никогда не приходил с пустыми руками. Он приносил всякую добычу из находящегося под его распоряжением бескрайнего леса, приносил из реки сетки с форелью. Конечно, доставал и тутовку из чухи. Я уплетал пойманную им речную рыбу с аппетитом. Так как сами мы рыбу ловить не умели. Рыбы в Хачынчае походили на Гюльчатай – героиню знаменитого фильма, которая ненароком выронив чаршаб, от

стыда натягивает юбку себе на голову. Речная вода была столь чиста, что, казалось, рыбы в этой прозрачности стыдятся посторонних глаз, потому они либо вонзались в ил бешеным скачком и мutilили воду либо прятались среди камней.

Однажды лесничий Шахин принес косулю. Она была меньше джейрана и чуть крупнее ягненка. Он сам ее освежевал, сам зажарил. С того самого дня я возненавидел и его самого, и его коня рыжей масти, и винтовку, которая до тех пор приводила меня в восторг. Вот уже немалое время я наблюдал издали, из нашего «лагеря» в лесу одну косулю, которая каждый день в одно и то же время приходила отпить воды у одной и той же речной заводи. У нее был робкий взгляд, трепетная поступь. Между ней и мной возникли особые отношения, напоминающие присущую нынешним временам виртуальную любовь по интернет-чатам. А сейчас группа мужчин, включая моего отца, поедали мясо маленькой косули, вполне могущей оказаться именно той самой – «моей». Это стало первым «кровавым» пиршеством в моей жизни. В ту ночь, лежа на допотопной железной кровати в бабушкиной палатке, я заснул со слезами на глазах.

Утром я проснулся с мокрым лицом. Но то были не слезы. Ночью начался дождь. Для меня

нет естественного, природного звука, точнее шума роднее и ближе, чем звук дождевых капель, барабнящих о брезентовую крышу палатки. Капля дождя, просочившись сквозь тугие нити палатки, разбилась на тысячи осколков и оросила мое лицо. Вот так наступило мое очередное счастливое утро в Карабахе...

Но ни этим днем, ни в другие дни я больше так и не встретил «свою» косулю.

Октябрь, 2011

Хызы, Азербайджан

ИЗ ЦИКЛА
«ЛЮДИ И КНИГИ»

Пазл-мозаика сломанных судеб

*О Светлане Алексиевич и ее книге
«Время секонд хэнд»*

Начну с того, что я не из числа обвиняющих членов Шведской Королевской Академии в преследовании неких «темных» целей. Они хорошо знают кому выдавать Нобелевскую премию. Я в свою очередь знаю, что премия в соответствии с волей ее учредителя дается литературе, завоевавшей успех с учетом политико-идеологических мотивов.

Я ждал награждения Светланы Алексиевич «нобелевкой» еще два года назад, когда ее имя входило в список кандидатов.

Будучи знакомым с ее биографией, темой ее книг, я ощущал некую близость к ее личности – имена других кандидатов ничего мне не говорили. То, что некогда мы являлись гражданами одной страны, схожесть судеб, несмотря на то, что впоследствии мы стали жить в разных странах – всё это, на мой взгляд, составляло основную причину этой близости.

Премия дана ей за пятитомную художественно-документальную хронику «Голос утопии», которую она писала на протяжении

десятилетий. За то, что она воплотила масштабное историческое повествование из небольших рассказов «маленьких людей», повествующих о собственной судьбе.

Ее выступление на церемонии награждения, слова, сказанные на круглом столе, организованном Шведским каналом SVT-2 при участии других «нобелиатов», тронули меня за душу, как и каждого, кто ее слушал. Казалось, она говорит именно обо мне; о том, что мне пришлось услышать и увидеть, о моих воспоминаниях и мыслях, о моей судьбе.

На круглом столе Светлана Алексиевич провела замечательные параллели между писателем и журналистом, художественным произведением и публицистикой. Награждение ее «нобелевкой» было встречено неоднозначно – нашлись люди, назвавшие ее тексты «публицистикой» (Во время последней нашей Национальной Книжной Премии против автора этих строк тоже выдвигали подобные претензии за книгу «Чамайра. Кубинская тетрадь»). На все эти обвинения она ответила коротко и ясно:

«Да, у меня форма добычи материала «как бы журналистская». Я выхватываю, очищаю. Когда у Родена спросили, как у него получают такие скульптуры, он сказал: я беру

кусок мрамора и отсекаю все лишнее. Вот я делаю то же самое. Так можно сказать, что и Роден каменотес».

На следующее после передачи утро я отправился в городскую библиотеку Карлскрона – города, в котором проживаю – и попросил русскоязычное издание книги Светланы Алексиевич. «Нет в наличии, но если хотите, можем заказать, это займет 3-4 недели», – сказали сотрудники библиотеки. И я попросил их об этой услуге. Азербайджанскому читателю может показаться странным, но в Швеции дела обстоят именно так – библиотека по желанию читателя может заказывать и покупать иностранные книги и включать их в свой фонд.

Месяц спустя на мой мобильный пришло сообщение: «Можете забрать книгу». Что я и сделал. «Время секунд хэнд» – только-только, дней 10 как издано в Москве.

Я дочитал книгу в снежный уикэнд. В ней слово за словом повествовалось устами самих героев о незнакомой мне теневой стороне нашей бывшей родины СССР, характерах граждан и их «сожалении об обретенной свободе» после распада империи.

...Интересной для нас книгу делает и то, что в пространственно-временных параллелях собы-

тий проглядывает прошлое и сегодня Азербайджана.

**«Человек себя не знает,
познал бы – испугался»**

С первых же страниц книги читатель ощущает атмосферу «Шутки» Милана Кундеры. Схожесть проявляется в судьбе жителей одного и того же политико-идеологического пространства. А различие заключается в том, что герои Кундеры – обобщенные образы, Алексиевич же в своем произведении дала слово живым свидетелям.

Не буду отклоняться от темы, скажу лишь то, что «Шутка», как и другие произведения Кундеры, совершенный роман об уродливой роли, которую играют тоталитарные режимы в людских судьбах и духовности. Главный виновник горькой судьбы несчастных героев – социалистический режим! А во «Времени секунд хэнд» сотни таких героев, как в «Шутке». И эти сотни героев Алексиевич говорят также за миллионы людей, павших жертвами на пути социализма.

...При чтении кажется, что держишь в руках не книгу, а зеркало, не читаешь, а глядишься в зеркало, показывающее тебе твой же лик, связанных с тобой людей – от родного деда до родного ре-

бенка. Зеркало, показывающее советскую и пост-советскую страну, где тебе выпало жить, людей, окружавших тебя в той стране.

Книга состоит из истин о судьбах людей, прожитых с самого возникновения и до распада СССР, истин, высказанных устами этих же людей. Автор появляется лишь эпизодически, и то, когда требуются пояснения, дополнительные примечания. Автор не вступает в диалог со своими героями, не вмешивается, а просто создает условия для их монолога.

А монологи вовсе не заурядны, это – признания-исповеди. У одного признания в своих преступлениях – исповедь палача, у другого – показания свидетеля-жертвы, взволнованного наступившим наконец моментом раскрыть и показать собственное пустившее глубокие корни горе длиною в целую жизнь.

Мастерство писателя заключается в том, что ему удастся подвести героев к моменту исповеди, убедить их, создать духовный контакт, включить в свою ауру, чтобы те смогли морально облегчиться. **«Только советский человек может понять советского человека. Другому бы я рассказывать не стал...»**, – эти слова произносит не рядовой человек, а высокопоставленный кремлевский чиновник.

Талант Светланы Алексиевич заключается также в том, что она собирает как фрагменты пазла воедино эти портреты и сцены и создает полноценный образ советского человека!

«Обычная коммуналка... Живут вместе пять семей – двадцать семь человек. Одна кухня и один сортир. Две соседки дружат: у одной девочке пять лет, а вторая – одинокая. В коммуналках, обычное дело, следили друг за другом. Подслушивали. Те, у кого комната десять метров, завидовали тем, у кого она двадцать пять метров. Жизнь... она такая... И вот ночью приезжает «черный ворон»... Женщину, у которой маленькая девочка, арестовывают. Перед тем, как ее увели, она успела крикнуть подруге: «Если не вернусь, возьми мою дочку к себе. Не отдавай в детдом». И та забрала ребенка. Переписали ей вторую комнату... Девочка стала звать ее мамой... «мамой Аней»... Прошло семнадцать лет...

Через семнадцать лет вернулась настоящая мама. Она целовала руки и ноги своей подруге. Сказки обычно кончаются на этом месте, а в жизни была другая концовка. Без хеппи-энда. При Горбачеве, когда открыли архивы, у бывшей лагерницы спросили: «Вы хотите посмотреть свое дело?» – «Хочу». Взяла

она свою папку... открыла... Сверху лежал донос... знакомый почерк... Соседка... «мама Аня»... написала донос...

Вы что-нибудь понимаете? Я – нет. И та женщина – она тоже не смогла понять. Пришла домой и повесилась. Я – атеистка. У меня к Богу много вопросов... Я помню... Я вспоминаю папины слова: «Лагерь пережить можно, а людей нет».

Книга полна подобными сценами горестной судьбы.

«Бог не знает, что такое быть маленьким человеком»

Homo soveticus не однополое существо, а подразделяется на два типа: «палачи» и «жертвы». Книга Алексиевич отличается от других советологических исследований тем, что в ней наряду с «жертвами» искренние признания приводят и «палачи».

Добавлю и то, что под «палачами» я подразумеваю не только обладающих внушительным стажем пыточных дел мастеров НКВД, КГБ, милицеских органов. В этот ряд я включаю и новый класс, о котором не заводят речь в книгах по советской истории – «класс номенклатуры».

Истинная сущность этого нового класса, созданного советской политической системой из числа рабочих и крестьян, максимально подробно разбирается в книге М.С.Восленского “Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза”.

В середине 90-х годов во время одной из зарубежных поездок мой американский друг Ирена Ласота подарила мне экземпляр этой книги, изданной на русском языке в Лондоне. Я прочел ее на одном дыхании по пути в Баку.

С первых же дней большевицкая революция создает внутри партии прослойку советского общества с особыми привилегиями. Эта прослойка, в течение последующих процессов укрепившая свою позицию и, наконец, превратившаяся в господствующий класс, обособляет себя от народа. Новый класс с внутренней цепной взаимосвязью от самых отдаленных деревень и до самого Кремля выстраивает внутри себя специфический социальный барьер, чиновничью иерархию. Данный номенклатурный класс порой называли «партократией», «политической бюрократией».

В первой главе книги Алексиевич, главе, названной «Утешение апокалипсиса», советский человек второго типа — «жертвы» своими признаниями со всей тонкостью обрисовывают истинное лицо социалистической системы. Перед

глазами читателя оживают простые люди, приподнявшиеся на цыпочках и устремившие взгляд в будущее – коммунизм, обещающий счастливую жизнь. Но жизнь подходит к концу, а то самое счастливое будущее никак не наступает.

«Росли нищими и наивными, но об этом не догадывались и никому не завидовали.... Верили, что завтра будет лучше, чем сегодня, а послезавтра лучше, чем вчера. У нас было будущее. И прошлое. Все у нас было!»

Единственным утешением переставших надеяться на коммунизм оставался Апокалипсис. В день Страшного Суда воцарится Божественная Справедливость! Надежда бессильной жертвы, нигде не находящей защиты, остается лишь на Бога и Его гнев против палачей.

А как быть если для Бога палач тоже является жертвой?!

«Ты думаешь, что Бог есть?» – «Если Он есть, то смерть – это еще не конец. Я не хочу, чтобы Он был», – говорит один из миллионов, ощущающих себя в лагерных бараках всего лишь пылинкой.

Самая страшная страница истории та, где справедливость остается круглой сиротой!

...Автор раскрывает в книге человеческий характер порой одной фразой, одним абзацем, а

порой целой главкой. Читателю кажется, что каждый из фрагментов пазла – это человеческий лик и судьба.

16-летняя Роза была еврейкой. Командиры партизанского отряда каждую ночь по очереди ее насиловали. Фашистская пропаганда воздействовала и на коммунистов. С евреем и еврейкой можно было делать всё, что угодно... Когда признали, что Роза забеременела, ее отвели в лес и расстреляли.

87-летний Василий Петрович стал членом партии еще в 1922-м году. Рассказывает, что когда он невзирая на слезы пожилых женщин и взрывал церковь, чтобы построить на ее месте общественный туалет, вынуждал священников чистить тот самый туалет, то считал всё это верностью идее коммунизма. «Вместо икон — портреты Ленина и Маркса». В 37-м году сначала арестовали жену, потом его самого. Пытали не переставая в течении года. Когда арестовывали прежних мучителей, их заменяли новоприбывшие.

Вот воспоминания старого коммуниста, относящиеся к его пятнадцатилетнему возрасту: **«Мне было пятнадцать лет. Приехали к нам в деревню красноармейцы. На конях. Пьяные. Продотряд. Спали они до вечера, а вечером собрали всех комсомольцев. Выступил коман-**

дир: «Красная армия голодает. Ленин голодает. А кулаки прячут хлеб. Жгут». Я знал, что мамкин родной брат... дядька Семен... завез в лес мешки с зерном и закопал. Я – комсомолец. Клятву давал. Ночью я пришел в отряд и повел их к тому месту. Нагрузили они целый воз. Командир руку мне пожал: «Расти, брат, скорей». Утром я проснулся от мамкиного крика: «Семенова хата горит!». Дядьку Семена нашли в лесу... порубили его красноармейцы шашками на куски...». Впоследствии в 37-м году его самого арестовали как врага народа.

«В лагере до трех лет я жила вместе с мамой. Мама вспоминала, что маленькие дети часто умирали. Зимой умерших складывали в большие бочки, и там они лежали до весны. Их обгрызали крысы. Весной хоронили... хоронили то, что оставалось... С трех лет детей у матерей забирали и помещали в детский барак».

Ужасная исповедь палача НКВД: «...Работа такая... С чем сравнить? Сравнить можно с войной. Но на войне я отдыхал. Расстреливаешь немца – он кричит по-немецки. А эти... эти кричали по-русски... Вроде свои... В литовцев и поляков было легче стрелять. А эти – на русском: “Истуканы! Идиоты! Кончайте

скорее!” Ё..! Мы все в крови... вытирали ладони о собственные волосы... Иногда нам выдавали кожаные фартуки... Работа была такая. Служба. Молодой ты... Перестройка! Перестройка! Веришь болтунам... Пусть покричат: свобода! свобода! Побегают по площадям... Топор лежит... топор хозяина переживет... Запомнил! Ё..! Я – солдат! Мне сказали – я пошел. Стрелял. Тебе скажут – ты пойдешь. Пой-де-о-шь! Я убивал врагов. Вредителей! Был документ: приговорен “к высшей мере социальной защиты”... Государственный приговор... Работа – не дай бог! Недобитый, он упадет и визжит, как свинья... харкает кровью... Особенно неприятно стрелять в смеющегося человека. Он или сошел с ума, или тебя презирает. Рев и мат стояли с обеих сторон. Есть перед такой работой нельзя... Я не мог... Все время хочется пить. Воды! Воды! Как после перепоя... Ё..! К концу смены нам приносили два ведра: ведро водки и ведро одеколона. Водку приносили после работы, а не перед работой. Читал где-нибудь? Тот... Пишут сейчас всякое... много сочиняют... Одеколоном мылись до пояса. Запах крови едкий, особенный запах... на запах спермы немного похожий... У меня была овчарка, так

после работы она ко мне не подходила. Ё...! Что молчишь? Зеленый еще... необстрелянный...».

«Топор хозяина переживет...»

Всем режимам рано или поздно наступает конец. Одни, будто пытаясь провести смерть, меняют обличье и еще немного остаются в живых, другие – умирают мгновенно. Вторая часть книги, часть под названием «Обаяние пустоты» охватывает период от полных хаоса, голода, страха, неверия, сожаления 90-х годов и до наших дней. Рассказывают советские люди постсоветского периода.

...Написано немало философско-социологических трактатов, анализирующих характер, сущность, мировоззрение Homo soveticus. Понять, прочувствовать этот новый человеческий тип, созданный коммунистами, не так-то просто, в особенности для западных исследователей.

Когда я работал в Центре Плюрализма «Инам», посольство США доверило нам перевод и издание книги «Либерализация и ленинское наследие» (Beverly Crawford and Arend Lijphart, Liberalization and Leninist Legacies: Comparative Perspectives on Democratic Transitions). Книгу на азербайджанский перевел покойный Техран Ве-

лиев, а редактором оказался я сам. Это была интересная книга, анализирующая созданного коммунистической системой человека и наследие, носителем которого тот являлся.

Книга Светланы Алексиевич совершенно иная. Она не написана научным исследователем либо группой социологов. Эту книгу написали сами люди, жившие в эпоху коммунизма, их дети, являющиеся носителями «ленинского наследия».

Жить в горести и страданиях – человеческая трагедия, но гораздо страшнее узреть, что идеи, которые ты считал общечеловеческими и потому посвятил им свою жизнь, в итоге напоминают зловонную водную пену, скопившуюся в резервуаре – узреть и сойти от этого с ума.

В точности как советский маршал Сергей Ахромеев. Когда в августе 1991-го года ГКЧП явило всю ничтожность идеи, сотрясавшей мир, Ахромеев повесился в Кремле. Оказывается, идея, ради которой миллионы добровольно жертвовали жизнью, была всего-навсего иллюзией, а судьбы, переполненные страданием, бессмысленными. Оказывается, у истины есть еще и такой ужасный лик! Один из близко знавших Ахромеева людей отрицает версию убийства, говорит «...почему он ушел? Его страна ушла, и он ушел вместе с ней, он больше себя здесь не видел».

Смерть маршала армии численностью в четыре миллиона прошла в гробовой тишине, на родине не нашлось ни одного человека, который откликнулся бы некрологом на его смерть. «Правда» молчала! Вот что говорит кремлевский чиновник:

«Понятие чести? Не задавайте наивных вопросов... Нормальные люди выходят из моды... Статья-некролог появилась в американском журнале «Тайм». Написал ее адмирал Уильям Кроув, занимавший во времена Рейгана пост председателя Комитета начальников штабов США (соответствует нашему начальнику Генштаба). Они много раз встречались на переговорах по военным вопросам. И он уважал Ахромеева за его веру, хотя она ему была чужая. Враг поклонился...».

Неделю спустя мародеры раскопали его могилу и сняли с тела тяжелый от золоченых орден и медалей маршальский мундир. А в это время новый военный министр насильно выдворял из квартиры жену находящегося в заключении бывшего министра – чтобы завладеть жилым помещением!

Я говорю о двух типах советских людей. Да и сама советская ментальность была двух типов – ментальность «большевика – палача – номенкла-

турщика» и ментальность простодушного советского гражданина, искренне желающего «мира во всем мире». Это не две стороны одной медали, это сыновья-близнецы, рожденные одной матерью – священник и преступник...

«Социализм кончился. А мы остались»

Семидесятилетняя история советской эпохи – это история переселения людей из роскошных домов в бараки, из барачков в коммуналки, а оттуда в «хрущевки».

Единственным свободным уголком во всем Союзе были крохотные кухоньки «хрущевок».

«В девятнадцатом веке вся русская культура жила в дворянских усадьбах, а в двадцатом – на кухнях. И перестройка тоже. Вся “шестидесятническая” жизнь – это “кухонная” жизнь. Спасибо Хрущеву! Это при нем вышли из коммуналок, завели личные кухни, где можно было ругать власть, а главное – не бояться, потому что на кухне все свои. Там рождались идеи, прожекты фантастические. Травили анекдоты... ».

Масштаб переселения после краха Союза тоже оказался огромным. Если один путь вел из «союзных республик» в московские подвалы – к

рабской жизни, то другой – в Европу, Америку – в поисках «счастливых грез».

В 90-х годах на фоне неосуществленных надежд после горячки обретения свободы начинается иная трагедия людей. **«Мое время кончилось раньше моей жизни. Надо умирать вместе со своим временем. Как мои товарищи...»**

Слова советских интеллектуалов, заживших жизнью отверженных, напоминают написанное в те же годы стихотворение Фадила Мехди «Попрошайничай, профессор, не стесняйся, попрошайничай!»:

«Где те красные дипломы, где?

К чему держать их дома?!

Порви их на мелкие кусочки,

выбрось, растопчи.

Сожги свои книги и рукописи тоже.

Кому теперь ты нужен, кому они нужны?»¹

Алексиевич тоже пишет в своей книге:

«Но они не востребованы. Социальные лифты не работают. А что значат десять-пятнадцать лет для интеллектуального человека, когда он бездействует, не востребован, парализован в своей главной специальности... Приехав через десять лет в Минск, я была поражена тому, сколько друзей умерло. Они

¹ Подстрочный перевод

умерли оттого, что у них украли время. Законсервировали в прошлом. Сначала украли вообще Время, а потом и их личное время».

Разве не знакомая картина? Столько наших интеллектуалов, обладающих чистой совестью мыслителей «осело» в «социальные подвалы» общества, преждевременно умерло. **«Согласно теории Дарвина выживают не сильные, а наиболее приспособленные к среде обитания».** Те, кому не удалось приспособиться, не остались в живых, пройдя сквозь тиски Нового Времени.

Истинный лик Истории – это не то, что пишут историки, а то, что рассказывают ее живые свидетели. В книге присутствуют признания и стелания сотен других жертв идей коммунизма.

Я решил отобрать некоторые цитаты и включить их в текст в переводе на азербайджанский. Большинство рассказчиков в книге русские, но их слова можно отнести к гражданам большинства бывших советских стран. Читатель легко заметит сходства с постсоветским современным Азербайджаном.

... «Поверили, что вот сейчас... уже стоят на улице автобусы, которые повезут нас в демократию».

... «Дело не в Ельцине и не в Путине, а в том, что мы – рабы. Рабская душонка! Рабская

кровь! Посмотришь на «нового русского»... Он из «бентли» вылезает, у него деньги из карманов сыплются, а он раб».

... «за пять лет в России может поменяться все, а за двести – ничего. Просторы необъятные, и при этом психология рабов...».

... «За нефть и газ демократию не купишь, и ее не завезешь, как бананы или швейцарский шоколад. Президентским указом не объявишь... Нужны свободные люди, а их не было. Их и сейчас нет».

... «Общество боится правды о себе».

... «Нет зверя хуже человека. Это человек человека убивает, а не пуля. Человек человека...».

... «Я слишком долго жила при социализме. Сегодня жить стало лучше, но противнее».

... «Русские романы не учат, как добиться успеха в жизни. Как стать богатым... Обломов лежит на диване, а герои Чехова все время пьют чай и жалуются на жизнь...».

... «Где-то же хранятся все наши слезы...».

... «Волосы сходят с ума первыми...».

... «Если бы кто-нибудь нам сказал тогда, что президентом страны станет подполковник КГБ...»

... «Настолько мы были все зомбированные. Я советского человека выдавливала из себя годами, ведрами вычерпывала», говорит один из героев книги, добившийся успеха в годы независимости. Много ли таких? Верно ли он говорит? Так ли легко стереть память, освободиться от привычек?

... «Совка»: злой, как собака, а молчит, как рыба», говорит герой Алексиевич. Намного ли изменился этот человек? Взглянем-ка на окружающих, да хоть на свое лицо в зеркале. Может, постсоветский человек это тот же самый человек советский? Вместе со своими «палачами» и «жертвами»...

Смогли ли мы за двадцать пять лет освободиться от «ленинского наследия»?

Премия, к тому же Нобелевская премия, вне сомнений, мерило писательского успеха. Но для меня главный критерий – талант и смелость писать правду без всяких украшательств. Книга Светланы Алексиевич показалась и оказалась для меня родной еще и по этой причине.

*Март, 2016
Карлскрона, Швеция*

Привет, Гульсары!

Встреча у шведского букиниста

Мне нравится бродить по лесным тропинкам Швеции, сидеть у побережья озер и наблюдать покрывающиеся рябью отражения деревьев в воде.

Общение леса с озером напоминает беседу влюбленных, близких людей, доверившихся друг другу. Окаймленное лесом небольшое озеро походит на малютку в объятиях матери, напевающей колыбельную. Если каждый, кто умеет слушать сердцем, обратит внимание, то сможет расслышать эти колыбельные-беседы.

Достаточно лишь дуновения ветерка! И тебе чудится: этот ветерок – дирижер оркестра, состоящего из миллионов листьев, и этот дирижер приводит их в движение легким взмахом руки. Удивительно, в оркестре, состоящем из миллионов исполнителей, ни один лепесток не сбивается со своей партитуры – все играют воздушное произведение ровно по нотам.

Шепот и робкое дыхание леса можно расслышать ухом и можно увидеть глазами как нежный ветерок проходится лаской по водной глади озера. Гладь озера трепещет как грудь юной девушки, только-только изведавшей любовь. Эти волны и

биения – танцующие в воде ноты шепота-симфонии листьев. Кажется, будто созерцаешь прекрасный танец на сцене...

В Швеции у меня есть и другое излюбленное занятие – копаться в тех отделах «Секонд хэндов», где выставлены на продажу старые книги, видео и аудио кассеты, пластинки, картины. Книги тут обычно на шведском. Редко можно натолкнуться на иноязычную книгу, чаще на англоязычную. Мой шведский и английский не дотягивают до того уровня, чтобы получить удовольствие от прочтения художественных произведений, однако данный факт совершенно не мешает мне часами бродить среди книжных развалов.

Книги как музыка, если даже слов не понять, дух всё равно уловишь. Если от сердца споешь хорошую песню, тебя поймет и тот, кто не знаком с твоим родным языком. Однажды на Кубе при великолепном расположении духа я так самозабвенно спел песню «Ай Лачин», что находящиеся в комнате кубинцы покачивали в такт головой с приятной улыбкой на лицах – они всё прочувствовали и поняли.

В прошлом году на языковых курсах одна женщина из Новой Зеландии во время перерыва между занятиями спела песню и все мы были оча-

рованы, ибо всё поняли. Когда она закончила петь, мы в один голос заявили, что песня эта о любви. «Совершенно верно, – сказала наша подруга, – это маорийская народная песня, называется «Покаре-каре Ана».

В «секонд хэнд» букинистических я часто беседую с «иномязычными» книгами. Как называется? Кто автор? Когда издано? О чем повествуется? Интересно, сколько читателей прочли? Интересно, в чьей квартире все эти долгие годы пролежала книга и чем занимался ее владелец? Почему же книгу сдали букинисту? Простой владелец скончался или сдал букинисту потому, что переезжал и не стал обременять себя лишним грузом?

Вот книга, изданная 50 лет тому назад, но ее ни разу не раскрывали! Эх, знал бы хорошо язык, прочел бы от корки до корки! Как возрадовалась бы душа автора?! Прочсть книгу, которую не раскрывали на протяжении 50 лет – это как прочсть молитву за упокой души скончавшегося автора! Это как заново привести в движение застывшую в произведении жизнь, замершее время!

Так странно увидеть некогда прочитанную книгу сейчас, на иностранном языке... как мне это описать? Да ведь и не опишешь! Например, “Slot-tet”, то есть «Замок» Кафки, «Мадам Бовари»

Флобера.

«Замок» издан в 1971-м году и прочитан раз или два, если меня не подводит чутье. К тому же прочитан очень давно, возможно, сразу после приобретения. Сохранность хорошая.

А «Мадам Бовари» несмотря на «молодость» чуть ли не рассыпается. Невозможно прикинуть сколько раз ее читали и перечитывали. Многие читатели оставили заметки на полях. Одни карандашом, другие ручкой. Почерка не разобрать, путано, полустерто. Но оборотной стороне обложки отчетливо читаются слова “Till min kärlek Ann-Kristin”. Мужчина по имени Бьерн подарил эту книгу своей возлюбленной по имени Анн-Кристин. И дату поставить не забыл, «1993.08.29».

Давала ли Анн-Кристин подругам прочитать книгу, подаренную ей любимым? В противном случае откуда взялось столько читателей у книги, подаренной близким мужчиной? Что этим она хотела сказать? Откуда знать! Не так-то просто понять белокурых шведок!

На книги в соответствующих отсеках «секонд хэндов», напоминающих бакинские букинистические развалы прошлых лет, смотришь как на старых друзей, здороваешься как со знакомыми, которых не видел долгие годы: с одним обнима-

ешься, другому протягиваешь руку, а с третьим довольствуешься приветственным кивком издали.

Книги как люди: у каждой своя судьба. Читаная-перечитанная похожа на издавшую виды, старая на мудрого старца, ни разу не раскрытая на «горемычного молодого человека», испещренная множеством карандашных заметок на кокетливую красотку, которую ежедневно заваливают любовными письмами и записками сходящие по ней с ума парни...

В тот день в «секонд хэнде» возле Кунгсмаркенской церкви мой взгляд выхватил среди сотен томов точно взгляд хищной птицы одну-единственную книгу. Что же мне тут написать, чтобы передать вам охватившее меня чувство?! Эх, если бы у меня имелась способность запечатлеть на бумаге хотя бы малую толику чувств и переживаний...

Вспомните сцену, когда герой фильма «Отец солдата» Георгий Махарашвили сталкивается в далеком Берлине с такими родными для него виноградными саженцами! Я радовался точь-в-точь как тот старик. Среди тысяч «чужих» томов я встретил родное для меня произведение.

Я говорю о книге Чингиза Айтматова «Прощай, Гульсары!» – книге, моя дружба с которой

имеет давнюю историю.

...После возвращения из армии летом 1988-го года я первым делом взялся за чтение повести Чингиза Айтматова «Прощай, Гульсары!». Я уже писал об этом в одном из своих прежних текстов. Значит, во время «учебки» в армии среди бесчисленных солдат из Средней Азии выделялись два киргиза, у меня с ними ладилось и потому большую часть времени мы проводили вместе. Они как и я пришли отслужить из института. То, что я был наслышан о «Манасе», Чингизе Айтматове, Иссык-Куле, рассказывал о фильме «Белый пароход» сделало меня уважаемым человеком в их глазах. Вечером того дня, когда я расхваливал «Прощай, Гульсары!» Айтматова как один из шедевров мировой литературы, я забрался в свою койку и честно признался себе, что поступил плохо, расхваливая с пеной на губах доселе непрочитанное произведение. Я утешил себя (попытался оправдать постыдный поступок) тем, что сразу по возвращении домой прочту эту повесть.

Я сдержал обещание. Летом, после демобилизации я прочел «Прощай, Гульсары!». Прочел и сконфузился. Мне, несмотря на разделяющие нас тысячи километров, стало стыдно перед теми киргизами, которых я учил уму-разуму словно малых

детей, упрекал, что они, будучи земляками такого гения как Айтматов, не читали его бесподобный любовный дастан «Прощай, Гульсары!». Оказывается, героем повести Айтматова была не девушка по имени Гульсары, а конь. Эти киргизы, вернувшись домой, тоже примутся читать повесть Айтматова и увидят, что Гульсары вовсе не девушка, а конь. И, получается, вот как я наврал им с три короба...

Книга издана в 1976-м году в Москве, к тому же с англоязычными комментариями. На задней обложке значится цена «1р. 03к.». Объемистая книга с яркой обложкой, отливающим красным цветом шрифтом и дорогой бумагой, похожа на сувенир. Так и пролежала она как сувенир на протяжении сорока лет, к ней никто и не дотронулся, ее ни разу не раскрыли. Первым ее читателем после сорока лет стал я.

Как она сюда попала? Ее привез в Швецию какой-то советский дипломат? Или ее занес сюда советский ветер пропаганды? Но что могла бы пропагандировать эта книга? Жизнь в колхозе? Горести, причиненные герою новой жизнью, одним из строителей которой был он? Может, книгу отправили сюда с целью привлечь внимание членов Шведской Королевской Академии, определяющих лауреата Нобелевской премии? Откуда знать?!

Книга ни разу нераскрыта, значит, ее не прочли и члены Академии.

Хотя имя Айтматова неоднократно попадало в список претендентов, «нобелевку» Айтматову не дали. Согласно завещанию Альфреда Нобеля премия дается «литературе, завоевавшей успех с учетом политико-идеологических мотивов». То есть, мало того, что произведение гениально, оно вдобавок должно отвечать политико-идеологическим вкусам и требованиям членов академии. У Айтматова был лишь один путь отвечать данному требованию – как и Танабай в «Прощай, Гульсары!» он не должен был терпеть несправедливость, бесправность, ложь и швырнуть свой партбилет в лицо советской власти. Ведь Айтматов ничем не хуже других советских писателей-нобелиатов, а по большому счету даже на голову выше!

...На сей раз я прочел повесть при ином расположении духа. Я уже не двадцатилетний юноша, вернувшийся с армии, мне сейчас чуть ли не больше лет, чем герою произведения Танабаю.

Дочитав книгу, я уселся под беседкой на берегу любимого Бастасье и смотрел на озеро. На сей раз спектакль на водной глади «разыгрывал» не ветер, на сей раз «сцена» находилась во власти дождя. Небесные стрелы-капли вонзались в озерную грудь и опускали тюлевую занавеску между мной и сценой.

По ту сторону тюля я видел долгую-предолгую дорогу. На обочине дороги сидел Танабай, тяжело дыша вместе со своим другом. Гульсары на сей раз опустил наземь не для передышки, а для того, чтобы испустить дух. Танабай гладил коня по гриве, беседовал с ним, листал страницы жизни. И небо, и озеро, и лес пришли стать опорой Танабаю в трудную минуту. Стекающие с листьев капли мешались со слезами Танабая и падали в озеро.

Затем всё оказалось так, как в финале книги.

«Шел Танабай по степи, перекинув уздечку через плечо. Слезы стекали по лицу, мочили бороде. Но он не утирал их. То были слезы по иноходцу Гульсары. Смотрел сквозь слезы старик на новое утро, на одинокого серого гуся, быстро летящего над предгорьем. Спешил серый гусь, догонял стаю.

- Лети, лети! - прошептал Танабай. - Догоняй своих, пока крылья не устали».

...А я всё смотрел и смотрел на озеро, уберегая от дождя и прижимая к груди найденную в шведском «секонд хэнде» книгу достойного «нобеля» писателя. Выйдя из-под навеса, я стоял на самом берегу, омываемом волнами.

Танабай оседлал Гульсары и умчался вдаль.

Февраль 2016

Карлскрона, Швеция

Калейдоскоп времен и судеб

*О мемуарах Чингиза Гусейнова
«Минувшее – навстречу»*

Не стану забегать вперед, но в 712-страничных мемуарах Чингиза Гусейнова «Минувшее – навстречу» нет ни одной скучной, неинтересной страницы.

Возьмешь в руки книгу и с первой же главыпустишься в воображаемую прогулку по старому Баку, по Баку 50-70-летней давности – Ичеришэхеру и его окрестностям, познакомишься с его многонациональными обитателями, увидишь и ощутишь дорогие сердцу мгновения жизни.

Так обстоят дела и с другими главами – они покажут тебе как ретро-фильм не столь отдаленную во времени историю родины. Порой ты попытаешься ощутить сегодняшним своим сердцем романтические любовные истории тех времен, а порой кожа покроется мурашками от страха репрессий. Ты весь обратишься в понимание к судьбам, уничтоженным политической системой, и весь – в поминание тех, кто, выдержав неимоверно тяжелые душевные и физические страдания, сумел сохранить свою честь.

Ты будешь смотреть словно захватывающий исторически-детективный фильм разворачиваю-

щиеся на страницах писательские интриги при тоталитарном режиме, солидарность литературного сообщества в деле уничтожения одних и спасения других, отношения между человеком искусства и властью, между центром и провинцией, космополитизмом и национализмом.

Этот фундаментальный том воспоминаний появился на свет на основе дневника, систематически ведущегося с начала 60-х годов. Здесь повествуется не только о жизненной стезе маститого писателя, но также дается точное отражение сталинских репрессий, хрущёвской «оттепели», брежневского «застоя», горбачевской «перестройки» – испытаний, выпавших на долю некогда существовавшего в истории советского народа. Книга отражает также и жизнь в Азербайджане во время тех вышеперечисленных эпох, освещает многие неведомые нам темные уголки знакомой истории. Знакомит с сотнями живых персонажей, исторических личностей, заводит речь об интересных событиях.

Сколько, оказывается, я не знал... А прежде твердо был уверен – «Знаю!».

К примеру, я не знал, что за 10 лет до Шыхали Гурбанова предложение провести на государственном уровне запрещенный праздник Новруз выдвинул Абдульрахман Везиров. Работая на

должности первого секретаря комсомола, он выступил на собрании с такой вот инициативой. А раньше Везирова, еще в годы войны такое смелое обращение к партийному руководству сделал Мирза Ибрагимов.

Карабахский шахид хрущёвской эпохи

Невозможно, чтобы новоприобретенные знания не рождали новых вопросов!

Как неотвязный вопрос о следующих друг за другом загадочных смертях в 60-х годах видных государственных деятелей, руководящих национальных кадров, о которых повествуется в главе «Шыхали Гурбанов или «Люди долга и чести».

При желании можно предположить виновников смерти секретаря Азербайджанской Коммунистической Партии Назима Гаджиева в возрасте 38 лет, но истинные причины смерти Шыхали Гурбанова в возрасте 41 года, 1-го секретаря комсомола Максуда Ализаде в возрасте 34 лет до сих пор остаются тайной.

В книге упомянуто много имен, но мне хотелось бы чуть подробнее написать о Назиме Гаджиеве, особо привлечшем мое внимание.

В мемуарах я прочел, что Назим Гаджиев за два года до скоропостижной кончины перенес

сильный стресс. Думаю, все мы должны узнать причину этого смертельного стресса, от которого он слег в постель.

Армяне, воспользовавшись смягчением отношений с Америкой, обращаются к советскому правительству с просьбой присоединить Нагорный Карабах к Армении. Микоян, приведший в качестве примера приказ о присоединении Крыма к Украине, добивается обсуждения вопроса в Политбюро. По ходу дела создается комиссия. Направленная в регион бригада возвращается со справками. А одна из справок, доказывающая то, что Карабах с исторической и юридической точки зрения является территорией Азербайджана, становится причиной вопросов в центре. Главный идеолог партии Суслов звонит в Баку и вызывает в Москву составившего справку Назима Гаджиева.

36-летний Назим Гаджиев, приводя доводы и доказательства, обосновывает на заседании Политбюро перед выдавшими виды устрашающими лидерами такого гигантского государства как СССР то, что Карабах исконно азербайджанская земля.

Далее читаем в книге:

«Хрущёв: «У кого вопросы к докладчику?»

Микоян – Гаджиеву: «Ты же (принято ты-

кать) яркий националист! Как могли рекомендовать на такой пост?»

Хрущёв: «Не персонифицируй, скажи о своей позиции».

«Считаю, что, исходя из принципа интернационализма, надо удовлетворить просьбу армянской диаспоры, тем более что с Америкой у нас устанавливаются дружеские отношения».

Хрущев подводит следующий итог долгим дискуссиям, прошедшим с бесповоротной настойчивостью Назима Гаджива: **«Станем перекраивать границы (не сам ли дал повод, подарив российский Крым Украине?), такой бардак начнётся, костей не соберём! Так что будем жить дружной советской семьёй».**

Ясно одно: еще в то время существовали всяческие «интернациональные принципы» для передачи Карабаха Армении. Назим Гаджиев единолично, ценою собственной жизни смог защитить Карабах, который спустя годы не смог сохранить целый народ. Стресс, испытанный им на том заседании, последующие давления, угрозы и преследования сделали свое дело – немного спустя Назим Гаджиев слег в постель и скоропостижно скончался. Может, были и другие причины ускорившие его гибель.

Эти политические деятели, радеющие за язык, традиции и обычаи, родину, заняли бы более

высокие посты. Однако Кремлю такие преданные национальные кадры были не нужны!

Столкновение лицом к лицу молодого партийного деятеля со «старыми волками» коммунизма не могло не вызвать чувство уважения и приязни. Я ввел в поисковые сайты имя и фамилию «Назим Гаджиев». Лишь русская википедия опубликовала о нем биографическую сводку. А на азербайджанском языке упоминаний встретил крайне мало: Азиз Мирахмедов, Джамиль Алибеков, Ильяс Тапдыг, Нодар Шашыгоглу упоминали его имя в своих статьях и интервью. Я прочел, что Осман Мирзоев написал о нем очерк, но самого очерка обнаружить не смог. В Баку есть 400-метровая улица имени «Назима Гаджиева», но мне не удалось уточнить тот ли это Назим Гаджиев или нет.

Вот выдержка из интервью «Михайло» нашего кинематографа Нодара Шашыгоглу: «В те времена была такая личность по имени Назим Гаджиев – секретарь отдела агитации и пропаганды ЦК. По всей вероятности, ему предстояло занять более высокий пост. Но ранняя смерть этого не допустила. Я всегда с глубокой благодарностью его вспоминаю. Этот человек так самоотверженно радел за азербайджанское искусство, что вплоть до мелочей знал как и чем живет каж-

дый деятель искусства, в чем тот нуждается, знал и помогал. В том числе, он помог мне получить квартиру».

Если в твоей душе живет верность тому, что ты считаешь истиной, неважно какой идеологии ты служишь, ибо идеологии как и власть недолговечны. Главное, в наши дни ура-патриотизма уметь различать истинных патриотов, знать их, помянуть, приводить в качестве примера для подражания. И в особенности таких полузабытых, как Назим Гаджиев – карабахского шахида хрущевской эпохи!

В мемуарах есть страницы, повествующие о многих людях, проживших разные судьбы. Обо всех их хочется написать заметку или более развернутый текст. Сцены жизни людей, проживших тоскливую, трагичную, горькую и в то же время интересную как роман судьбу, заставляют надолго задуматься читателя, не отпускают его. Самед Вургун, Лев Антопольский, Абидин Дино, Назым Хикмет, Егише Чарентс и его вдова Изабелла, Азиз Шариф, Мехди Усмиев, Иосиф Гринберг, десятки других... и таких, как Назим Гаджиев.

“Нет пророка в своем отечестве”

Воспоминания Чингиза Гусейнова позволяют увидеть во всей наготе общественно-политиче-

скую и литературную жизнь советской эпохи. Писатель не стал прибегать к дополнительному художественному украшательству, он записал всё так, как в свое время видел, заносил в дневник, помнил. Творческая среда той поры изображена не только в черно-белых тонах, но с использованием всех цветов палитры.

Трагедией творческих людей в тоталитарных системах было не только то, что им не позволяли творить от души, что не было свободы. Трагедия начинается тогда, когда ты вынужден вместо того, что лежит на душе творить затребованное другими! Боль творческого человека, у которого отняли свободу, напоминает боль матери, рождающей свое дитя в муках!

Счастье человека состоит в свободе душевного и духовного самовыражения, сопровождающегося любовью. Точь-в-точь как мать, рождающее на свет дитя от любимого мужа, как писатель, пишущий то, что лежит на душе, композитор, сочиняющий свою музыку, художник, рисующий свою картину, актер, играющий свою роль...

Иван Бунин объяснял причину своего нежелания возвращаться в СССР тем, что они захотят принудить его говорить то, что он не желает, верить в то, во что он не верит.

Я уже писал подробно в своем тексте «Право

молчания» о коммунистическом режиме, ставящем человека искусства в такое безвыходное положение.

Наряду со всеми этими применениями силы, запретами и лишениями в стране советов была дана широкая арена и большие возможности тем творческим людям, которые умели «говорить на языке», «ловить пульс» политической системы. Сейчас на фоне безлюдных библиотек и театров Баку это кажется невероятным, но в ту пору было именно так – коммунистический механизм управления мог посредством русского языка явить всему миру приходящегося ему по нраву «провинциального писателя», пишущего на «национальном языке».

Целая литературная система обратилась в «фабрику перевода», перелагающую произведения национальных поэтов и писателей на международный язык. Наши нынешние писатели, замкнутые в своей локальности, могут завидовать собратьям из той эпохи лишь по одной этой причине.

За исключением пары-тройки писателей в Азербайджане все, можно сказать, пишут на родном языке. Наш язык не является международным! Я испытываю всю тяжесть этого факта за все те годы, как перебрался в Швецию – со своим язы-

ком, который оставляешь позади, переступив порог квартиры, тебе не постучаться не только в двери шведских издательств, возносящих писателей до Нобелевской премии, но даже в редакционную дверь местной газеты какого-нибудь крохотного городка.

Один раз я уже об этом писал, ничего, повторюсь – написанное на нашем родном языке невозможно вынести на «рынок» мировой литературы. Либо у нас должны быть писатели, пишущие на общемировых языках либо сильная школа перевода, переводящая написанное на ведущие языки мира.

Билингвизм позволяет писателю не только переступать границы, но и открывает перед ним широкие горизонты свободы. В книге Чингиза Гусейнова есть много примеров того, как национальные писатели, перед коими закрылись все двери на родине, добились блестящего успеха в столице. Так случилось и с самим Чингизом Гусейновым: его не прошедшие цензуру в Баку произведения были опубликованы на русском в Москве, а затем во многих и многих странах в переводах на иные языки.

«Нет пророка в своем отечестве» – фраза из Евангелия от Матфея – то есть, находящиеся рядом люди не увидят твоего таланта и гениаль-

ности, не поверят в истинность твоих слов.

Успешность творчества в жанре мемуаров связана также с искренностью автора. А это получается не у каждого автора – выпячивание собственной роли встречается в мемуарах довольно часто. Листая страницы жизни Чингиза Гусейнова, удивляешься его способности обуздывать ностальгические эмоции, выражать чувства без лишней патетики (ведь книгу жизни, как правило, листаешь, предаваясь меланхолическим чувствам!), и точно также испытываешь симпатию к его искренним признаниям.

В годы независимости мы столкнулись со многими литераторами, которые выдавали за диссидентский выпад какую-нибудь свою строку или мысль, высказанную в советский период. А Чингиз Гусейнов, чья большая часть жизни прошла среди недовольной режимом творческой интеллигенции, пишет следующее: **«Понимая, что к чему, я, консультант Комиссии по национальным литературам в СП, сознательно отгораживался от всего, что было связано с так называемым диссидентством, видя, однако, при этом, что правы протестующие, несогласные, из-за чего власти их давят, преследуют, что... – но открыто встать на защиту инокомыслящих?! Нет, это было выше моих сил».**

Но всё это не прошло мимо него, накапливающаяся годами «протестная энергия» впоследствии стала ведущей линией в творчестве Чингиза Гусейнова.

1450-ый человек в мемуарах

Листая книгу страница за страницей, я ощущал не вполне объяснимое сродство душ с автором. Оказывается, совершенно другой человек, к тому же намного раньше тебя прожил, испытал чувство, которое ты не мог никому объяснить на протяжении долгих месяцев и лет, чувство, которое порой оставалось неясным даже самому тебе. Людей сближают одни и те же чувства, прожитые ими! А время и пространство тут никакого значения не имеют.

Наконец, в связанной с Назымом Хикметом главе мемуаров источник этого сродства душ стал мне ясен — ведь я и сам знал, что тоска никогда не покидает чуткого (читай: творческого) человека, живущего за пределами своей родины, даже когда тот смеется или радуется.

В книге приведена следующая цитата из Назыма Хикмета:

**«Страна моя, страна моя, страна моя,
ты сейчас в седине моих волос,
в инфаркте моего сердца...»**

Чингиз Гусейнов же пишет следующее: «Для писателя беда, когда не видишь читателя, не слышишь родной речи, оторван от друзей, близких, лишён духовного общения, задыхаешься».

Не переживший на собственном опыте всего этого и не поймет всей глубины трагедии!

Но еще более ужасная боль начинается когда ты видишь, что читатели, близкие и друзья не ощущают глубины страданий, причиненных разлукой с ними – не понимают, что ты сейчас нуждаешься в них в сотни раз больше, чем прежде на родине... Бывает, получаешь порой удовольствие от такого вот состояния, но это дело другое, другая тема!

Творческому человеку близки не те, кого он считает родными, но те, кто читают его тексты и книги, понимают, ощущают его переживания... и говорят, пишут ему об этом. На чужбине человек порой испытывает одиночество вроде запасного пути с заржавевшими рельсами рядом с полноценной железной дорогой, запасного пути, по которому больше не ездят поезда. Рядом с домом, где я жил, проезжали поезда, там пролегали и рельсы, по которым поезда больше не ездили. Где-то бурлит кипучая жизнь, ты жил там прежде, но тебя там больше нет!

В концовке тома приводится именной указатель – 1449 человек. Но там есть еще один – 1450-ый – чье имя не упомянуто. Этим тайным человеком является читатель, поделивший с автором во всех главах книги его мысли и чувства! Это я...

Мне бы очень хотелось, чтобы «Минувшее – навстречу» издали на азербайджанском и его прочел каждый, в особенности взявшиеся за перо молодые авторы, общественные активисты, политики, историки, исследователи.

Еще и потому, что это – дастан о любви к родине писателя, которому выпала чужбина, где он прожил 70 лет своей жизни, о любви, не покидавшей его ни на минуту...

*Декабрь 2015
Карлскрона, Швеция*

Фильм «Ад»

*О книге Вюсали Мамедовой
«Великий вопль в аду»*

«Дюжий армянин достал из кармана штык-нож, смял в кулак платье стонущей на столе девушки и разорвал ткань на груди. Только-только округлившиеся груди девушки уже находились в его ладонях. Верзила изо всех сил мял и тискал груди девушки... «Нет, хороши. Мне нравится!», – с этими словами армянин отрезал начисто штык-ножом в руке груди, которые держал в ладони... Пройдут месяцы, годы, десятилетия, но вопль девочки-подростка никогда не покинет слуха пленных, собранных в этом подвале... Девчушка кричала в беспамятстве. Она уже не звала на помощь даже отца, а просто кричала и кричала. Среди ее воплей можно было с трудом расслышать возглас «Аллах!». Но нечеловеческая боль заглушала, прерывала и это слово... Может, вовсе и не аллаха она призывала в страдании... Дюжий армянин взял в руки ее только что отрезанные груди и отошел от стола. Лежащая на столе девчушка выла, ухватившись за искалеченное тело... Верзила-му-

читель с хохотом подбросил в воздухе кровавую плоть, а затем швырнул ее вверх. Отрезанная плоть шмякнулась об лицо рыдающего мужчины, всё это время пытающегося вырваться из удерживающих его рук армян, шмякнулась об лицо и скатилась к его ногам. Лицо отца запачкалось кровью... Но самым ужасным было то, что среди заложников находились еще четыре девочки-подростка. А это означало, что зарыдают еще четыре отца, еще четыре матери потеряют сознание, еще четыре ребенка примутся кричать и выть на столе и четыре пары грудей будут подброшены в воздухе и разлетятся в стороны, забрызгав кровью лица обезумевших заложников... Еще многие годы спустя в снах спасшихся от плена заложников будет взмывать в воздух отрезанная женская плоть и станут рыдать отцы...»

Это – фрагмент из книги Вюсали Мамедовой «Великий вопль в аду». Там много таких надрывающих сердце сцен. Герои книги – не вымышленные художественные образы, а реальные люди, пережившие страшные пытки. Я слышал о зверствах, учиненных над пленными. Я встречался в Агдаме с освобожденными и потому был в курсе их состояния, того, что им выпало испытать.

Возможно, именно поэтому книга с первой же страницы втянула меня в воронку горьких воспоминаний...

Если не записать случившееся, не сложится история, и все факты канут в беспросветный мрак самой же истории. Не напиши Варлам Шаламов «Колымские рассказы», а Солженицын «Архипелаг ГУЛАГ», кто и как прознал бы об ужасах советских лагерей, кто детально расписал бы всё человеческое страдание?!

Умение отобразить все грани гнета и страдания связано с талантом писателя. Когда речь заходит о таком вот страдании, мне в первую очередь вспоминается повесть «Джан» Андрея Платонова. Достоевский, Гюго, Шолохов тоже умело живописали страдание. Но в этом моем тексте разговор идет о страдании, доставляемом телесными и душевными пытками. Сколь бы полно не воплощались образы в художественных произведениях, будучи порождением писательского воображения, они так и остаются вымышленными персонажами. Совсем другое дело, когда герой – сама жертва, живой свидетель.

...В одну из своих визитов в Крым двадцать лет тому назад я познакомился с группой молодых крымских татар, получающих гранты от ино-

странных фондов. Они заводили беседы с пожилыми людьми, сосланными из Крыма в ночь 18 мая 1944-го года, и записывали на видео и аудио их речь. Их целью было запечатлеть в книгах устами живых свидетелей трагедию народа, перевести на ведущие языки эти свидетельства и распространить по всему миру. Кто мог бы лучше самих живых свидетелей поведать обо всех ужасающих обстоятельствах высылки?! Читая «Вопли в аду», я вспомнил тех самых молодых крымских татар.

Летом 1984-го года подростком я посетил в селе Петрищево близ исторической области России Бородино дом-музей Зои Космодемьянской, зверски замученной и убитой фашистами. То, что я там увидел и услышал потрясло меня вплоть до того, что руки и пальцы покрылись мурашками, будто это мне вырвали ногти.

Пять лет тому назад в лагере смерти Освенцим поблизости Кракова смотря на музейные экспонаты, освещающие самое жестокое преступление в истории – на волосы, сложенные в виде стогов, очки пленных, сваленные в кучу в отдельном помещении, детскую обувь, камеры пыток, бараки, газовые камеры, крематорий, – я представил, что виденные прежде лишь в фильмах ужасы некогда действительно имели здесь место, пред-

ставил и всё мое существо содрогнулось, пришло в страх и трепет. Ни один фильм, ни одна книга не способны представить истину во всей ее обнаженности так, как на это способны живой свидетель, вещественное доказательство.

Читая «Великий вопль в аду» мне пришло на ум, что освободив в будущем Карабах (я всё еще в это верю), мы должны превратить в музей тюрьму в Шуше, милицейское отделение в Аскеране, и в особенности, подвал, который пленные называли «комнатой с печью». Пусть будущие посетители этих музеев узнают всю правду об изощренных пытках, которым здесь подвергались пленные женщины, дети, старики, мужчины.

В ходе переписки с ВюсалеЙ Мамедовой я предложил ей написать сценарий фильма на основе своей книги. Мое предложение она встретила с сомнением. Кто станет финансировать такой фильм? Кто проявит интерес к этой истории?

Есть много фильмов, снятых на основе живых свидетельств и завоевавших мировую популярность. Простому зрителю хорошо известны «Пианист», снятый о польском еврее, знаменитом пианисте Владиславе Шпильмане, и «Список Шиндлера», повествующий о самоотверженности немца Шиндлера, спасшего от неминуемой смер-

ти около тысячи двухсот евреев, но, безусловно, список лент не ограничивается этими двумя картинками.

Сценарного материала в книге Вюсали Мамедовой хватит на десяток таких фильмов. Дурданэ, Егяна, Мушфиг, Арзу, Мехрибан – живые образы, а прожитое в милицейском отделении Аскерана не нуждается в художественных дополнениях. Это готовый сценарий. Сюжет столь же трогательного и проникновенного фильма, как «Список Шиндлера». Знаете, во сколько обошелся фильм Спилберга? Всего за 22 миллиона долларов!

Сюжет проникновенней, чем сюжет «Пианиста» пишет гитарист Валех Гусейнов, пишет собственными пальцами, ногти на которых вырывали на глазах у армянских женщин. Фильм Романа Полански снят за 35 миллионов долларов. Интересно, что могло бы донести до всего мира трагедию еврейского народа лучше, чем эти фильмы, являющиеся шедеврами истории кинематографа? Оказывается, всего за несколько миллионов можно достучаться до сознания и сердца людей, донести всю правду. Разве эти миллионы большие деньги для богатой нефтяной страны, где деньги пускают по ветру, тратят бездумно налево-направо?!

Вовлекая в разговор своих героев, прошед-

ших через ужасающие пытки и мучения, Вюсалья Мамедова вписала в историю историческое преступление – проделала очень значимую, огромную работу. Предполагаю, она сохранила аудио-версии тех бесед, записанных на свой диктофон и преподнесет их «музею пыток», который создадут в будущем.

Остальное уже не в ее власти. Должны найтись люди, организации, способные постоять за тем, что ей написано. Государство или фонд, а может, некий состоятельный человек. Если подобные книги не будут переведены на иные языки, если по ним не будут сниматься ориентированные на мирового зрителя фильмы, то к чему вообще всё затевать? Для самих себя? Но разве мы сами не знаем всю правду?!

В фильме братьев Тавиани «Гнездо жаворонка» по книге итальянской писательницы армянского происхождения Антонии Арслан «Усадьба жаворонков», в одной только Италии переизданной восемь раз, переведенной на многие языки мира и завоевавшей многочисленные награды, показываются события, развернувшиеся в 1915-м году в Турции.

У армян много фильмов на эту тему.

Первый фильм под названием «Растерзанная

Армения» (“Ravished Armenia”) снят в 1919-м году в США. Откуда у новоприбывшего в США беженца-армянина могли взяться средства на съемку такого фильма? Имя Генри Моргентая (Henry Morgenthau) в списке лиц, благодаря которым состоялась лента, это и есть ответ на вопрос, озвученный выше.

Моргентая – посол США в Османской империи в годы I Мировой Войны, он в то же время представлял интересы Антанты, воевавшей против нее, писал бесконечные письма президенту Вильсону о политической выгоде использования армянского переселения в качестве политического давления на врагов – Германию и Османскую империю. Именно его написанные в 1918-м году «Трагедия армянского народа. История посла Моргентая» (“Ambassador Morgenthau’s Story”) будут взяты за основу в развязывании «армянского геноцида», то есть войны против турков. Я писал об этом подробнее в своем эссе «Бейсбол на шахматной доске», потому далее не развиваю данную тему, так как она отклоняется от нынешнего текста.

Фильмы на эту тему, снятые в разные годы и в разных странах, переполнены сценами насилия. Написанное Вюсалеи Мамедовой гораздо ужаснее снятого армянами, но армянам своим отснятым

материалом удалось создать собственный много-страдальный образ. Эти фильмы вызывают сильное сочувствие армянам и столь же сильную ненависть по отношению к туркам. Даже у немецкого кинорежиссёра турецкого происхождения Фатиха Акина в его фильме «Шрам» (“The Cut”) много подобных драматических эпизодов. Однако, на мой взгляд «Гнездо жаворонка» «удачнее». Ибо в этой ленте «зверство турков» преподносится зрителю гораздо мастерски – на фоне нескольких турков-гуманистов.

Литературу, искусство с примесью политики понять где-то можно, время от времени мыслители доносили посредством искусства свои политические воззрения. Но если искусство независимо от цели полностью приносится в жертву какой-либо идеологии, политике, то оно меняет свою суть, перестает быть искусством и превращается в материал пропаганды, агитку. Бесмертны те художественные произведения, которые призывают к миру и перемирию, опираясь на истину и справедливость. Такие произведения понимают, любят, читают и смотрят все, таким произведениям сопереживают все и, наконец, извлекают из них назидание, поучительный пример. Невозможно указать на великий роман,

фильм, картину, скульптуру, музыку, призывающие к насилию и мести.

«Великий вопль в аду» богат устрашающими сценами насилия. Прочитирую несколько фрагментов:

«Бессильные мужчины кричали и за изнасилованных женщин»;

«Пуля, пущенная в ладонь 12-тилетнего Ахмеда... затем кипяток, которым ошпарили эту рану...»;

«Осколок ранил Сэрхана – полуторогодовалого сына Мехрибан – в лицо и ногу. Дитя, лежа на голой земле, корчилось в предсмертных судорогах прямо на глазах матери»;

«Ей до родов оставался еще месяц, но они взрезали ей живот, отняли плод, положили туда котенка и зашили. Котенок начал царапаться внутри. Говорят, оперировавший ее в Агдаме врач не выдержал этого кошмарного зрелища, умер от разрыва сердца. А женщину спасти тоже не удалось...»

«Зону боевых действий первым покидает Бог!».

Войнам присуще причинять неимоверные пытки плененному врагу. На каждой войне можно встретить людей, о которых говорится в книге Вюсали Мамедовой. Таких мучителей-убийц возвращи-

вают упомянутые и неупомянутые мной выше десятки армянских фильмов и книг, пробуждающих и культивирующих насилие. Они – хищные зомби, прошедшие через промывку мозгов в спецлагерях. В такой среде каждый из нас может превратиться в жестокого преступника. Таких ненавидит каждый и даже сами армяне, сохранившие хоть каплю сострадания.

Успех «Великого вопля в аду» заключается также в том, что автор даже после стольких жестоких сцен не призывает читателя к насилию, не раздувает гнев и ненависть, пробуждающиеся при прочтении, а всего-навсего показывает всё так как это было. Вюсаля Мамедова в очень печальном «Послесловии» своей книги опять же не нагружает читателя агрессией и ненавистью.

Советую читателям посмотреть фильм режиссера Заза Урушадзе «Мандарины», посвященный известному грузинскому актеру Левану Абашидзе, погибшему во время грузино-абхазской войны. Выращивающий мандарины крестьянин прячет у себя в доме и лечит двух раненых, принадлежащих враждующим сторонам. Его гуманизм побуждает взаимную ненависть врагов обратиться в уважение друг к другу.

Раны мира можно вылечить лишь любовью!

Мастерски, со вкусом снятый фильм адресован мировому зрителю. Фильм попал в список претендентов на «Оскар», завоевал немало международных наград благодаря тому, что снят не на локальном, а мировом языке. Каждый зритель, независимо от места своего проживания, видит настоящую правду, понимает увиденное. Режиссер одним удачным фильмом попал в две цели: создал произведение искусства и показал истинного виновника войны. Он привнес политику в искусство крайне мастерским приемом – в финале фильма два бывших врага сражаются вместе против русских солдат.

И такой вот фильм снят всего за 650 тысяч евро!

Вюсаля Мамедова написала книгу, насыщенную фактами, способными потрясти весь мир. Она должна продолжать в том же духе! Должна найти помощь в лице Министерства культуры или другой организации, фонда или состоятельного мецената. Можно ведь написать отличный сценарий и снять фильм, который покажется интересным мировому зрителю.

Каждый год в наших посольствах проводятся мероприятия в связи с резней в Ходжалы. Тратятся миллионы на многочисленные кампании агитационного характера. Я понимаю, всё это

тоже необходимо. Но мне больше верится, что успешный фильм, снятый на основе «Великого вопля в аду», даст эффект в разы больше, чем все эти кампании. Именно в таких случаях надо доказывать не на словах, а делом, что мы любим Карабах больше, чем армяне.

«Взоры всех пассажиров в автобусе устремились назад, туда, на маленькую площадку перед милицейским отделением, где вместо мяча валялась отрезанная голова турка-месхетинца Ахмеда... Автобус отъезжал вдаль от милицейского отделения и по мере этого движения голова Ахмеда посреди площадки становилась всё меньше и меньше и его глаз, смотрящих им вослед, было уже не различить...»

Дописывая этот текст, я наткнулся на одном из сайтов на новость: от сердечной недостаточности скончался Мехман Гусейнов – переживший все ужасы плена инвалид Карабаха, послуживший прототипом главного героя фильма «Стон» (“Fəryad”, 1993). Я был с ним знаком. В 1991-м году он покинул свое место директора автовокзала и отправился на фронт. В плену сломать его не смогли, но нашему обществу сломать его удалось. Свою земную жизнь, прожитую в омуте социально-бытовых забот, сопровождающихся психо-

логическими травмами, он завершил как квартирант на родине, ради которой пожертвовал всей широтой своего сердца.

...А я только и делаю, что говорю о фильме да о фильме!

Май 2015

Карлскрона, Швеция

Клятва Мустафы Джемилова

(Политическое эссе-заметка)

«Нас затолкали в товарные составы, многие были в ночной одежде, даже одеться по-человечески не дали. Поезд всё шел и шел многие дни. Моя младшая сестра изнывала от жажды. Мать перерезала себе вену и поднесла к губам сестры, а малышка пила эту кровь вместо воды».

Это сказала мне в 1996 году пожилая крымская татарка, имя которой я забыл, но слова ее хорошо помню. Она продала свой дом в поселке Хырдалан под Баку и вернулась в Бахчисарай.

ЭПИЗОД ИСТОРИИ ОДНОЙ СЕМЬИ

Те, кто более-менее интересуются политической историей, знакомы с историческим отношением России к крымским татарам. Многовековая политика России по отношению к Крымскому ханству имела закономерный итог 18 мая 1944-го года ссылкой выживших после всего пережитого людей. В ту страшную ночь последние 200 тысяч крымских татар были высланы в Узбекистан, Ка-

захстан, Мордовию из родных краев, где некогда их проживало 7 миллионов.

Жещина продолжила рассказ этой страшной истории своей семьи:

«Бедняжка умерла в вагоне. На каждой станции военные проверяли эшелон, выволакивали из вагонов умерших. Так же поступили и с телом моей сестры. Она снилась мне каждую ночь долгие годы».

Я обошел Крым, можно сказать, вершок за вершком, глядел глазами своих друзей – крымских татар на следы их былой жизни, стертые временем, царизмом, а еще больше “интернациональной” советской властью. Гостил во многих здешних семьях и интересовался обычаями, оказавшимися мне близкими и родными. Слушал рассказы о годах изгнания, слушал песни, и эти слова и музыка были родными, а речь казалась мне одним из диалектов азербайджанского языка...

«EY GÜZƏL KIRIM»

Было очень трогательно видеть рвение народа, особенно в первые годы возвращения на родину, народа, который принялся возводить себе стены на пустом месте, старался восстановить

пропавшие материально-культурные ценности. Молодая девушка-татарка так радовалась находке куску ковра величиною с ладонь, что, казалось отыскала сокровище. Да этот фрагмент ковра и был сокровищем. Девушка была ткачихой и говорила, что у нее теперь есть представление о национальном ковре, и теперь по крохотному фрагменту ей удастся восстановить весь ковер.

Фольклорные образцы, созданные крымскими татарами в изгнании, отражают горькую судьбу и историю народа. Баяты, песни... В интернете легко найти такие песни, как “Bahçesaray aralıkları”, “Ey güzel Kırım”. Послушайте песню “Ey güzel Kırım”, и вы почувствуете, что я хочу сказать.

В 1956-ом году крымских татар реабилитировали, как и другие народы, которые подверглись сталинским репрессиям. Но за ними не признали права возвращения на родину. Ради признания этого права Национальное Движение Крымских татар долгие годы вело борьбу, многие ценой своей жизни, как и Муса Мамут, обвиненный в 1978-ом году в Крыму в нарушении паспортного режима. Муса Мамут сжег себя, чтобы не сдаваться милиции, приехавшей его арестовать. А впоследствии об этом была написана поэма «Факел над Крымом».

РУКОПАШНАЯ ЗА РОДИНУ

Хотя на протяжении истории в Москве сменялись политические режимы, их отношение к крымским татарам оставалось неизменным. Неизменным по сей день. Приведу один пример. В 2012-ом году со всех сайтов «пропала» полная версия фильма Ахтема Сеитаблаева «Гайтарма», повествующего о последней депортации крымских татар. Остался лишь трейлер на несколько минут. Случайность? Кто способен удалить с сотен сайтов неудобный и неугодный фильм?!

Сложно представить не только правовую сторону переселения тысяч семей из одной страны в другую, но и материальную и физическую тяжесть преодоления пути, тянувшегося тысячи и тысячи километров. К тому же на исторической родине их никто не встречал с распростертыми объятиями. Лачуги, с таким трудом возведенные крымскими татарами за одну ночь, сметали начисто бульдозерами. Но наутро местная власть обнаруживала на руинах новые постройки. В ту пору органы спецслужб записали тайно на пленку рукопашные драки крымских татар с теми, кто разрушал их дома, сожжение тракторов, акции протеста. Впоследствии активисты из числа крымских татар каким-то образом заполучили те

самые записи. Каждый, кто видел эти записи, изумляется их отваге и мужеству.

Вот таким образом народ строил себе дома, закладывал деревни и поселки на исторической родине. Они хотели лишь одного: не помощи правительства, а его невмешательства. Благодаря этой нестигаемой воле численность крымских татар на полуострове поднялась от 0 до 12 процентов, они стали с общественно-политической точки зрения самой организованной общиной на территории бывшего СССР.

ЗНАКОМСТВО С МУСТАФОЙ ДЖЕМИЛЕВЫМ

Когда депортировали татар из Крыма в 1944, Мустафе Джемилову шел всего лишь год.

Впервые с Мустафа агой я встретился летом 1994-го года на Съезде Тюркской Молодежи мира, состоявшемся в Бахчисарае. Тогда принимающей стороной были крымские татары, часть которых вернулась на родину недавно. Простота, заботливость, теплый юмор в скором времени сделали Мустафу Джемилева всеобщим любимцем. Когда спустя несколько лет я участвовал в качестве гостя на Съезде Меджлиса Крымских татар и слышал

ответы Джемилева как председателя Меджлиса на критику, упреки, претензии членов общины, то был очарован демократической атмосферой, атмосферой свободы мнений, созданной этим политическим деятелем и национальным лидером, отсидевшим 15 лет в советских лагерях, а также его широким мировоззрением, интеллектом, искренностью.

Впоследствии мы встречались с ним и в Крыму и в Киеве. В 2003-м году мы пригласили его на встречу Международной Сети Центров Плюрализма, состоявшуюся в Баку. Баку он видел впервые, он приехал с большим воодушевлением, будто к себе на родину.

«ВАШИ СТРАДАНИЯ УЖАСНЕЕ»

Впоследствии его сестра Дилара Сеитвалиева также гостила у нас в Баку. Когда она рассказывала моей матери об ужасах, приключившихся с ее семьей, моя мать, вкусившая горечь изгнания, горечь жизни беженки, сказала со слезами на глазах:

«Ваши страдания ужаснее наших!».

В то время, когда один из азербайджанских политических лидеров говорил о том, что надо во-

друзить в Китае наш тюркский флаг, а мы при этом теряли Карабах, другой – говорил о спасении народа, а сам, зомбировал людей, по сути, превратив народ в бесправную массу, Мустафа Джемилев занимался более реальными делами: он искал пути возвращения своего народа на историческую родину.

Убеждал людей в том, что надо вернуться на родину, вел переговоры с руководителями Узбекистана и Украины по поводу помощи переселению семей, без устали уговаривал руководство Крыма, чтобы те хотя бы не мешали строить лачуги да хибары, озвучил проблемы крымско-татарского народа в ООН и других международных организациях.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО МУСТАФЫ ДЖЕМИЛЕВА

Я смотрел интервью лидера крымских татар Мустафы Джемилева российскому телеканалу «Дождь» после того, как Мустафа ага провел телефонную беседу с президентом России Владимиром Путиным. Интервью напомнило мне его последнее слово, сказанное на одном из очередных судебных процессов в Ташкенте лет 30 тому назад. Это последнее слово, которое я помню чуть

ли не наизусть, мы в свое время перевели на азербайджанский и опубликовали в журнале III Sektor.

Последнее слово Мустафы ага, сказанное им более 30 лет назад на советском суде, 15 февраля 1984-го года, завершалось следующими словами:

«В конце похожего шестидневного процесса, проведенного четырнадцать лет тому назад в Ташкентском городском суде, я, когда мне дали последнее слово, поклялся, что никто, никогда и ни при каких условиях не заставит меня отказаться от своего долга и обязательств, обусловленных моим национальным достоинством, совестью и честью.

Сегодня я могу повторить эту клятву и надеюсь, что мне хватит моральных сил оставаться верным этому принципу до конца своей жизни».

За последние 25 лет я был свидетелем, а порой и участником многих исторических событий в Азербайджане и за его пределами, имел возможность наблюдать вблизи многих известных политиков. Так что, смело признаюсь, второго такого человека, верного своим жизненным принципам, политической чести, национальным, и в то же время общечеловеческим ценностям, как Мустафа Джемилев, среди знакомых мне политиков я не встречал.

БЕСЕДА С ПОЛКОВНИКОМ КГБ

Ничего не изменилось, и во время беседы с президентом России Путиным, когда президент великой державы попытался втянуть известного советского диссидента в недостойный торг по поводу судебных Крыма, Мустафа ага противопоставил его давлению и жесткости свои неизменные принципы, убеждения, честь и достоинство.

Во время интервью по каналу «Дождь» я понял, что Мустафа Джемилев остался верен своей клятве и в беседе с полковником КГБ, ставшем президентом.

Сейчас крымские татары перед новым испытанием. Они поневоле стали региональными игроками международного конфликта, и в то же время его заложниками. Верю, что крымские татары справятся и с этим, что и на сей раз мужественный народ с честью выйдет из тяжелых испытаний.

*16 марта, 2014
Карлскрона, Швеция*

Светлый лик черного хлеба

Витаутас Ландсбергис

То, что я не соглашаюсь с неискренними словами, какими бы верными они не были, исходит, видимо, от моей восточной эмоциональности. Есть те, кто соглашается с верными словами, сказанными безлюбо и даже с ненавистью. Я не из их числа. Чтобы подействовать на меня мало сказать правду, нужно еще, чтобы это было искренне. Скажите ПРАВДУ, к тому же ИСКРЕННО и я приму, сколь бы горьким и тяжким это не было. Будьте уверены!

Я собирался прочесть принятую на прошлой неделе в Парламенте Европы резолюцию «О свободе выражения в Азербайджане» «краем глаза» как один из членов нашего общества, которое давно приобрело иммунитет против подобных решений. Заявления многочисленных международных организаций или их представителей о правах человека в Азербайджане, свободе слова, коррупции и тому подобном уже меня совсем не трогают (во многом по причине своей неискренности); они столь «беззубы», что пройдя немалый путь до меня, оказываются не в силах вызвать даже легкое дуновение. Но на сей раз вышло иначе...

...В тот вечер, когда член Сейма Польши, сенатор Збигнев Ромашевски после конференции, организованной Восточноевропейским Институтом Демократии (IDEE), пригласил группу участников к себе домой, уличные фонари вонзали снежинки в грудь варшавских сумерек как пущенные из лука стрелы. Чтобы не идти с пустыми руками я достал с радостной улыбкой из дорожной сумки коньяк «Гянджа» и удивился тому, что он пролежал столько дней непочатым. Мы все оставались в одном отеле, поэтому дошли до квартиры сенатора в одно и то же время. На старинном комоде в углу комнаты, где царил полумрак, чешская «Бехеровка», грузинская «Хванчкара», белорусская водка, киргизский «Кыргызыстан»... и буханка черного ржаного хлеба рядом с моей «Гянджой» напоминали натюрморт.

Интересные беседы, политические анекдоты, мудрые тосты сменяли друг друга. Один рассказывал политический анекдот, сочиненный в мордовском лагере, другой вспоминал дни, когда даровал счастье диссиденту Владимиру Буковскому, обмененному на лидера чилийских коммунистов Луиса Корвалана и ринувшегося из кишящего болезнями темного арестантского угла СССР в лоно свободного мира. А третий смаковал подробности того, как закидывал политическую

литературу в открытые окна поездов, держащих путь в коммунистические страны.

Все эти речи слетались, как пчелы в один улей – главной темой были раны, причиненные коммунизмом народам и то, чьи раны глубже. У каждого имелась своя версия. В ту пору я только что вернулся из Белоруссии. Еще не остыл жар моей статьи «Черная судьба белой России», опубликованной в газетах «Зеркало» и «Авропа». Поэтому я уверенно заявил, что больше всех от коммунизма пострадал белорусский народ и поведал об ужасающих злодеяниях, услышанных от пожилых людей и патриотов интеллигентов.

Именно в эту минуту он вышел из угла цвета принесенного им в дар черного ржаного хлеба с бокалом изысканного аргентинского вина и подошел ко мне. Погладив седую бородку, которая еще больше подчеркивала его европейский аристократизм, он мягко сказал: «О мой бакинский друг, все мы вышли из коммунизма с тяжелыми ранами. Разве не у вас, азербайджанцев, самые глубокие раны?»

Увидев, что его слова вызвали интерес слушающих, он продолжил: «Но лучший шанс для того, чтобы залечить эти раны тоже у вас. У вас больше, чем у других возможностей, чтобы показать свое умение воспользоваться этим шансом».

Затем он сел за пианино и вонзил луч света в грудь ночи своей новой композицией, осветил светом своего лица всё вокруг. Я и видел, и слышал как звуки, издаваемые клавишами пианино растекаются по сердцу словно бальзам. Все попали в странную атмосферу между двумя мирами.

...Влиятельный демократ-идеалист Европы, один из создателей знаменитого движения «Саюдис», бывший президент Литвы, 77-летний член Парламента Европы Витаутас Ландсбергис осторожно, искренне и по-дружески высказал на прошлой неделе следующие слова: «За короткий срок случилось много событий, показывающих ухудшение ситуации в Азербайджане и это вредит положительному имиджу Азербайджана, сформированному в Европейском Союзе. Мы хотели бы видеть Азербайджан в процессе непрерывного развития. Очень хотели бы, чтобы Азербайджан приблизился к Европейскому Союзу по всем вопросам, в том числе и в сфере свободы медиа. Если эти стандарты не соблюдаются, мы должны высказать свои претензии друзьям. В Азербайджане в сфере применения законов случается много событий, напоминающих положение в России. Азербайджан должен сделать выбор – хочет ли он больше походить на Россию или же стремится быть европейцем».

Он ПРАВ и ИСКРЕНЕН, как и в ту холодную варшавскую ночь, каким бы тяжелыми и горькими ни были его слова. Разве кто-то в этом сомневается?

21 декабря, 2009 г.

Смерть с миссией спасения

*Светлой памяти Президента Польши
Леха Качиньского*

Я был потрясен случившейся на прошлой неделе трагедией в Киргизии, превратившей в кровавое море родину многих моих любимых друзей. К тому же тех друзей, которые неоднократно доказывали готовность пожертвовать жизнью ради этой страны. Я был свидетелем их сверхчеловеческих стараний посадить древо свободы на своей родине. А теперь становлюсь свидетелем того, как хрустят их растоптанные мечты.

Не успела осесть пыль недоброй вести из Киргизии, как весть о смерти президента Польши нависла надо всем как туман, шокировала весь мир. Его самолет попал в катастрофу близ Катыни, где покоятся останки тысяч польских офицеров. Президент Лех Качиньски отправлялся возложить венок на могилу, выкопанную по отданному 70 лет тому назад приказу, но вместо этого отдал жизнь.

До того, как приступить к этой статье, я успел посмотреть привезенный из Польши два года назад фильм «Катынь». Я не понимал по-польски

ничего за исключением нескольких общеславянских слов, но фильм понял полностью. В тот же вечер заново просмотрев фильм на одном из российских телеканалов, я увидел, что понял суть по прежнему просмотру верно. Этому есть одно объяснение: радость бывает разная, а вот горести и несчастья изъясняются на одном языке.

Я нашел на карте Катынь. Затем Бишкек. Взгляд невольно остановился на городе между ними, чье название было написано самыми большими буквами – МОСКВА...

Нас с Лехом Качиньским познакомила в 2005-ом году Ирена Ласота. Мы тоже присоединились к выставке, организованной городской мэрией. Мэр Варшавы был одним из наиболее реальных кандидатов на пост президента. Польские друзья смотрели на него с надеждой, говорили, что в случае его победы пройдут серьезные реформы как во внутренней, так и во внешней политике Польши. Он был похож на улыбчивого, шутящего со всеми, искреннего человека. В отличие от нас – людей восточных, житель Запада, и в особенности политик постоянно улыбается, старается выглядеть дружелюбно, тем более в преддверии выборов. Мое скептическое отношение к полити-

кам наверное продиктовано тем, что я гражданин посткоммунистической страны, всё еще не установившей желанную демократию. А друзья настаивали на том, что он особенный политик, идеалист, который прошел с незапятнанной репутацией сквозь годы «Солидарности», одним словом «наш человек». Кому еще кроме друзей я бы мог поверить?! В тот год его избрали президентом, в последующие годы он подтвердил сказанное друзьями и заставил их гордиться.

В Европе вряд ли найдется другая, испытывавшая столько бед страна, как Польша. Веками чужие войска пересекали ее с востока на запад, с запада на восток, дробили, делили, держали в плену, уничтожали граждан и интеллигенцию, равняли с землей города. Однако никому не удалось сломить польский дух, наоборот воля этого народа закалилась как сталь, заняла передний край борьбы с фашизмом и коммунизмом, стала маяком свободы многих других народов. Сохранить свое человеколюбие даже после стольких мучений (я не встречал там ультранациональных сил, охвативших ныне страны Европы и даже не слышал о них), не питая ненависти к своим мучителям выказать смелость на пути чаяний Павла II, сказавшего «Европа должна дышать обоими лег-

кими» – это феноменальное событие, миссия сострадания...

Наверно, пресса еще долго будет писать о тысячах предполагаемых версий этой авиакатастрофы. Столько же сомнений на долгие годы угнездится в сердцах. В мире живет столько «состарившихся» сомнений и подозрений: моцартовское подозрение «ходит с клюкой, согнувшись в три погибели»; смерть Кеннеди еще «свежа» на вид, гильза от пули, пущенной Агджой в Папу, еще не остыла. Подозрения по поводу первой Катыни длились 70 лет. Рассеется ли за 70 лет туман подозрения над второй Катынью?

Российская диссидентка Валерия Новодворская убеждена, что «Лех Качиньский расплачивается за поддержку Грузии, героический визит в Тбилиси, выделения мест и стипендий в университетах белорусским студентам, предоставленный чеченским беженцам и сайтам кров, обвинения в адрес Ярузельского, антисоветскую и антикоммунистическую деятельность, ориентацию на Запад, фильм «Катынь», связанные с Катынью вопросы и активность в НАТО».

Он показал всем место Польши в объединенной Европе. Подтвердил ее статус и миссию в Восточной Европе.

Лех Качиньский отправился вместе с супругой и группой польской элиты, состоящей из военных, политиков, деятелей науки и культуры освободить стонущие годами души тысяч соплеменников, заблудившихся в лесу той страны, которая доставила столько мук его родине. Он попал в водоворот радости, образованный от столпотворения свободы заключенными в оковы душами, прождавшими 70 лет в тоске. Отдав в качестве залога собственную душу, он вызволил из плена армию душ – пламенных сердец, светлых голов своего народа. И отправил их в Польшу, проживающую лучшие свои времена за последние 200 лет.

...Катынь все еще остается лагерем душ на западе России. И продолжит оставаться до тех пор, пока не придет новый спаситель.

15 апреля 2010

РАССКАЗЫ

Мелодия Огинского

В прошлое воскресенье дети подвергли его испытанию. «Мы проверим твой музыкальный вкус. Выслушай, что мы играем, а потом напиши свои мысли», - сказали они. Он должен был написать свои впечатления, навеянные мелодиями, которые они ему сыграют по очереди.

Конечно же, выслушав в их исполнении за пару часов множество музыкальных отрывков, было бы невозможно погрузиться в каждый из них, поэтому он с самого начала сказал, что, то, что он напишет, не полностью отразит мысли и чувства, которые в нем пробудила музыка.

«Хорошо!», - согласились они. По их словам, у них тоже были такие «тесты», и «ответы» вышли очень смешными.

Шведская протестантская церковь Бурсерида в городке с населением около тысячи человек, является самой древней среди многочисленных церквей, расположенных в соседних деревнях и городах. Фундамент церкви был заложен в 1752 году, а ее бронзовый колокол был и того старше, по крайней мере, так гласила дата на нем: 1691.

Крест, построенной на возвышенности церкви, был виден со всех сторон села. Окружен-

ный с четырех сторон кладбищем, этот Божий дом напоминал Акрополь, уголок, отличающийся от остального мира. Вокруг могил были посажены разные цветы. Как будто бы хозяева могил соревновались друг с другом в выращивании цветов. На простых надгробиях были написаны имена умерших, даты рождения и смерти. Ближе к церкви были древние могилы, а подальше от церкви могилы «молодели».

Посаженные цветы и зажженные свечи на могилах тех, кто умер сорок, пятьдесят и даже семьдесят лет назад, показывали, что есть еще те, кто их помнит и навещает.

Во всем мире кладбища служат зеркалом обычаев, мировоззрения и культуры местного населения. Надписи на могильных камнях показывают насколько долгой или короткой была их жизнь. Эта северная страна - страна долгожителей. В среднем тут живут восемьдесят лет.

Единственно, что здесь казалось ему родным – дубовые деревья. Один из таких дубов, шишки, которых он в детстве называл «стакан-с-блюдом», вырос у изголовья могилы деда. Пока взрослые молились, он собирал в карманы желуди. Каждый раз, приходя в церковь, он вспоминал, оставшееся далеко во времени и пространстве детство, и его посещало странное чувство, что он,

переносясь на крыльях воспоминаний, навещал деда, покоившегося в теплой южной стране...

В церкви были две входные двери. Боковая дверь всегда открыта. А парадная дверь открывалась только по большим религиозным церемониям. Помимо отпеваний тут проводились и венчания, и церковь заранее украшалась, соответственно поводу. Древний колокол и множество исторических экспонатов хранились в прихожей. Здесь же деревянная лестница из пятнадцати ступеней, ведущая на второй этаж. Ступени вели на внутренний балкон, где располагался церковный орган, и к колоколу. Посетители проходят в основной зал, через эту комнату.

У входа в молельный зал, в первых рядах были собраны подушечки для сидения в холодное время, а также различные детские игрушки. На полках на стене стояло свыше 200 экземпляров Псалтыря в красных переплетах. Справа и слева в зале были расположены рядами семнадцать скамей, на каждой спокойно могли сидеть восемь человек. Зал был тридцать метров в длину, десять в ширину и семь в высоту. Из трех больших окон с каждой стороны в зал поступал свет, когда света было мало, зажигались свечи в крупных подсвечниках, находящихся справа и слева по бокам окон.

Под занимающим пространство почти в десять шагов у входа внутренним крыльцом вмонтирован орган церкви. Ему очень нравилась органная церковная музыка, поэтому он посещал большинство служб и, по обыкновению, слушал, сидя в задних рядах.

После рядов скамей, напоминавших зрительный зал, за прикрепленными к полу в стиле зрительного зала сидений начинался похожий на сцену подиум, на котором была кафедра, где пастор читал проповеди, отделанный железом и похожий на таз круглый тяжелый камень, где крестили младенцев, круглый подсвечник-глобус, сделанный из металлических прутьев, с одной большой свечой посередине и двадцатью шестью маленькими свечками вокруг. Верующие после молитвы зажигали свечу и ставили в одну из выемок.

На боковой стене висела таблица с номерами псалмов Евангелия: их читают во время службы. Все входящие в зал брали с полок священную книгу, находили читаемые строки, молились вместе с пастором, слушали органную музыку и присоединялись к церковному хору. Настенные горящие свечи и сумеречный свет свисающей с высокого потолка церкви люстры создавали особый фон во время богослужения.

На основной стене зала большое изображение

распятого Иисуса. На этой картине, созданной более двух сотен лет тому назад, изображены также разбойники, распятые вместе с Иисусом, Дева Мария, лежащая без сознания у его ног, Понтий Пилат, восседающий на коне, последователи Иисуса с выражением ужаса на лицах. Перила в виде полукруга перед картиной отделяют эту часть от зала.

В этом пустом пространстве располагается кафедра с восьмью деревянными ступенями. На ограде кафедры были изображены христианские святые. Это самая древняя часть церкви. Хотя молитвы написаны на латинском, дата изображена арабскими цифрами – 1632. Видимо, кафедру привезли сюда готовой из другой церкви.

Среди этой древности, единственный современный предмет – пианино под кафедрой. Но и оно тут не кажется чужим, как будто божественная рука пристроила его сюда. Пианино выглядело невинным, как юная монахиня, посвятившая себя служению Богу.

По приезде в деревню, он первым делом принялся искать пианино для детей. Они месяцами не видели инструмента, забывали и теряли навыки игры. Пастор с удовольствием разрешил играть в любое время, когда нет служб. И они каждый день приходили сюда и играли часами, вспоминая ста-

рое, начиная новые произведения, как будто готовились к большому концерту.

Они не называли ни произведения, ни их авторов. Он выслушал, и начал коротко записывать впечатления, которые каждое из них у него вызвало. Мелодии были ему знакомы, много раз слышанные. Но сейчас, нужно было не просто слушать музыку, а прожить ее, чтобы описать чувства, вызванные ею...

В окне виднелись цветущее маленькое церковное кладбище, деревушка с домами, выстроившимися в такие же аккуратные ряды, как могилы, лес на пригорке, тень которого падала на озеро - детство, юность, прожитые годы, один за другим, проходили перед ним как кадры киноленты. У дома его деда, где он провел детство, поднимаясь вдоль лестницы на балкон, цвела груша, ее белые лепестки дрожали от утреннего ветерка, и были свидетелями его первых любовных переживаний, которые вместо длинного романа можно было уместить в одно слово. Он видел влюбленного провинциального молодого человека, который сойдя с утреннего поезда на столичном вокзале, гулял с любимой весь день по улицам города, согревая покрытые опавшими листьями сиденья скамеек в парке, слушая шепот морских волн на

приморском бульваре, прячась вечерами от света ламп, стоя в темноте лицом к лицу, а потом провожавшего вагон метро взглядом полным невинной грусти и боли прощания.

Самая неприступная граница в этом мире ни колючая проволока, ни толстые стены, а прозрачное оконное стекло. Смотреть через окно, видеть и не иметь возможности попасть туда, куда хочешь, это особенная мука. Так и жизнь чужестранца в чужой стране, остается за таким стеклом. В увиденном тобой новом мире, ты и есть, но в то же время тебя нет. Чтобы ты ни делал, между тобой и этим миром остается прозрачное стекло, так же как и слой тоски между воспоминаниями. И как бы ты не хотел, не сможешь переступить эту границу.

Человек, живущий на чужбине, как покрытый ржавчиной запасной путь железной дороги, по которому не ходят поезда...

Человек – подтверждение времени. Без человека нет времени! Исполняемая музыка уносила его туда в то место и время, которое он хотел, и сводила его с теми, с кем он хотел увидеться. То, погружала в дебри прошлого, то на крыльях надежды отправляла в будущее. И среди этих мгновений не было настоящего, только тоска по прошлому и мечты о будущем.

Как только дети закончили играть, они взяли у него из рук тетрадь и начали читать, что он написал. И читая, смеялись до потери сознания. Если бы кто-то смотрел со стороны, сказал бы, что дети над ним смеются. Но что их так развеселило? Они не поняли, что он написал?

...Детям взрослые, которые не могут что-то объяснить, кажутся смешными!

Дети в ряд записали произведения, которые они играли, вместе с его записями. Один диктовал, а другой записывал. А потом, протянули ему тетрадь со словами «Посмотри, как получилось». В тетради было написано:

- *«Волнующий миг, когда поезд, путешествующий в выбранное Время, прибывает к месту назначения»* - Мишель Легран «Шербургские зонтики»;

- *«Обида соседской девочки – колышущаяся тюль в окне»* - Стив Вандер “I just called to say: I love you” ; (“Я позвонил сказать, что люблю тебя”)

- *“Стучишься, стучишься, стучишься в двери детства, но...не открывают»* - Тото Кутуньо “Soli”;

- *«Интересно, она получила мое сообщение? Прочитала? Ответит!.. ли?..»* – Пьер Башле, “Эммануэль”;

- *Говорит «прощай!» мелькнувший в окне по-*

езда силуэт уходящего счастья» - Джо Дассен "Salut";

- *«Бег с высоты Учмых в Шуше в сторону Джыдыр Дюзю, как будто падая в глубокую бездну, как в объятия матери, ощутить счастье полета птиц в небе Родины»* – Демис Руссос "Сувенир";

- *«Эхо воспоминаний капель дождя, танцующих по ночной крыше»* – Фредерик Шопен «Весна ор. 74 № 2»;

- *«Мечта никогда не достигших берега волн разбиться о скалы»* – Иоганн Себастьян Бах, «Прелюдия»;

- *«Ветерок от крыльев пары бабочек, танцующих в солнечном свете»* - Иоганн Штраус, «Вальс Голубой Дунай»;

- *«Попытка распутать клубок мыслей»* - Мориц Мошковский, «Этюд ор.72 № 2»;

- *«Игра в прятки шаловливыми глазками»* – Вольфганг Амадей Моцарт, Соната номер 26. C-Dur”;

- *«Снова не смог сказать»* – Вагиф Мустафазаде отрывок из «Баяты Шираз»;

- *«...»* – Михаил Огинский, «Прощание с Родиной»;

- *«Страх потери последней надежды...»* – Франс Шуберт, «Экспромт 12»;

- *“Дрожащие пальцы соседки Евы, сажающей цветы на могиле умершего 53 года назад мужа».* Томазо Альбинони, «Адажио»;

- *“Взгляд на бумажный кораблик, который ты спустил на воду»* - Феликс Мендельсон, «Песни без слов Op.30 № 6».

Несколько раз перечитав, он вернул тетрадь, то, что развеселило детей, его наоборот опечалило.

В тот день, когда он, сидя у церковного окна, в которое бил дождь, слушал музыку, его взволновала только одна мелодия – та, в списке, где он вместо слов поставил многоточие, та, о которой дети спросили, «А тут ты почему ничего не написал?», а он не смог ответить.

Та мелодия, что вывернула ему сердце наизнанку. Как рентгеновский аппарат, просветившая все самые темные уголки его сердца. И сейчас был виден каждый мелкий корешок его жгучей боли. Выросшее много лет тому назад Древо боли не высохло, оно пустило корни в самые глубинные слои сердца, оно было покрыто пожухлыми листьями. Рядом с желтеющей тоской, были и почки печали.

Когда они выходили из церкви, он нацарапал пальцем пару слов на запотевшем от дыхания оконном стекле: «Песня тоски». Это был след,

оставленный на окне вздохом души, вызванным мелодией, в ответ на которую он поставил в тетради многоточие.

На улице шел дождь. Хотя и был день, было темно. Он возвращался в деревню. Направляясь в «светлую жизнь», созданную в «темной стране» хладнокровными жителями севера. Он еле шел, в ушах звучала мелодия Огинского, в голове были мысли о солнечной родине, превращенной в страну тьмы, а в сердце распускалась листьями печали Боль.

Идущие навстречу люди с интересом смотрели на этого человека, с выскальзывающим из рук зонтом, во рту у него была промокшая и погасшая сигарета, его лицо напоминало лик Иисуса на распятии. Как будто по улице шел каменный памятник. Он не чувствовал холодных капель дождя. Дождь омывал его душу, утрамбовывал растущие там камни, утолял жажду дерева Боли, поливая его.

Дети, бегущие впереди него, счастливо играли под дождем. Они уже не смеялись над отцом, они все забыли и погрузились в свой мир...

...А в воздухе был странный фейерверк. Свет фонарей, отражаясь в каплях дождя, превратился в стрелы и разлетелся на тысячи частей. Один

крупный огонек, рассекаясь на миллионы частиц летел в небо. Как будто блеск одного фонаря собирался осветить все небо.

Январь 2013

Карлскрона, Швеция

Чистилище

(Фантасмагорический рассказ)

«Если ночью внезапно солнце взойдет...»

(Р.Ровшан)

Когда он поудобнее устроился на Стене был уже полдень. Всё вокруг было видно, как на ладони. В бескрайнем зеленом Саду росли деревья и цветы, резвились животные со всех уголков земли. Его взгляд моментально засек арктического медведя вдалеке, бегущую по центру антилопу из саванны и одинокий баобаб, индийского слона в раскинувшихся справа «джунглях» и амазонского попугая, тараторящего слева. Фонтаны были полноводны, как артезианские источники.

Гигантский, красочный Дворец на другом конце Сада напоминал Таджмахал, был даже еще больше. К Дворцу вели три дороги, берущие начало с трех разных сторон. Каждая дорога была усеяна многочисленными Дверьми. По сути, их даже нельзя было назвать дверьми, так как видны были лишь рамы. Эти рамы напоминали детекторы безопасности в аэропортах, официальных зданиях. Но здесь никого не проверяли.

Одна из дорог начиналась с того места Стены, где стоял он – с будки похожей на пограничный контрольно-пропускной пункт. Двери на этой дороге, как и на двух других, постепенно уменьшались. Первая Дверь возле Стены была в средний человеческий рост, но для того, чтобы пройти через остальные, нужно было пригнуться. А последняя Дверь у самого Дворца была очень маленькой, еле-еле просматривалась издали.

Входа и выхода из Сада не имелось, чтобы пройти внутрь необходимо было влезть на Стену. Здесь были ступеньки для спуска в Сад, но Снаружи не было даже лестницы. Высокая и широкая, как Великая Китайская Стена, Стена напоминала древние крепости. Служители Сада бросали верёвочную лестницу приглашенным, чтобы те могли вскарабкаться наверх.

Снаружи Стены всегда толпились люди. И сейчас мужчины в галстуках, женщины в официальных нарядах жадно ждали момента, чтобы вскарабкаться наверх. Однако были приглашены лишь единицы, оставшиеся же покорно ждали у Стены долгие годы, надеясь, что однажды им улыбнется судьба. Они были лишь наслышаны о той стороне Стены. Их представления о Саде были крайне бедны. А о Дворце они, можно сказать, ничего не знали. Знали только то, что счастье по ту сторону Стены. Что все прелести мира со-

браны по ту сторону Стены, а Снаружи ничего не осталось.

Миловидные служители встречали с улыбкой на Стене взобравшихся по веревочной лестнице и приглашали их в особо отведенный для этого зал ожидания. Гости здесь по очереди ждали пропуска в Сад.

Он тоже был среди гостей. Приглашительное письмо пришло внезапно, он даже представить такого не мог. Поначалу он хотел отказаться, но по прошествии времени интерес взял свое. Именно интерес привел его сюда. Попасть на ту сторону Стены казалось ему таким же привлекательным, как отправиться в рай, который религиозные книги называли «тем светом».

Находившиеся на Стене были отобраны из числа людей Снаружи, но заметно отличались от последних. Здесь нельзя было встретить непривлекательных, мужчины были статными, представительными, а женщины одна краше другой. Эти многоуважаемые Снаружи люди словно околдовывали тебя своими умными глазами. Казалось, их чары неземного происхождения.

Многих он видел Снаружи. Одних знал лично. Некоторых знал еще с молодых лет, со времени Великого Катаклизма, они часто были вместе.

Они не могли поздороваться, здороваться

здесь было запрещено. Будто бы никто никого не знал, при встрече лицом к лицу они отводили взгляд либо отворачивались в сторону.

На Стене ничего необыкновенного не происходило. Все ожидали спуска, одни должны были вернуться к людям Снаружи, другие – спуститься в Сад. Главное попасть в Сад. И сразу же слиться с потоком.

Даже привлекательная внешность тех, кому предназначалось спуститься в Сад, не устраивала служителей Дворца. Они с помощью специальных гримеров превращали гостей в райских ангелов, а затем провожали их к первой Двери.

Последующий ход событий всей своей притягательностью захватил его интерес. Приглашенные проходили через первую дверь со счастливой улыбкой на лице. А как же еще? Они проживали не каждому доступное событие, о котором мечтали все Снаружи.

Следующая Дверь была ниже на голову, поэтому приходилось эту самую голову склонить. В третьих Дверях сгибались плечи, в четвертых – спина.

Пройти через следующие Двери в полный рост было невозможно, все становились на колени. Пройдя через пару дверей на корточках, очередную приходилось пройти только ползком. Солнечные лучи били прямо в его глаза – разо-

брать что происходит в последних Дверях он не мог. Солнце мешало ему ясно видеть.

Он крепко протер глаза, открыл и закрыл веки и зрение вернулось. Еще раз осмотрел проходящих сквозь Двери. По мере прохождения через эти Двери менялся облик у прекрасных юношей, ангелоликих девушек, статных мужчин и прекрасных женщин. В каждом проходе они превращались в разных существ. Разобрать что это за организмы было затруднительно. Существо, напоминающее прямоходящую обезьяну, проходило через следующие Двери в виде четырехконечного зверя. Когда они сгибались вдвое, опустив руки на землю, их торчащий сзади хвост напоминал по длине и толщине лисий, а по прямизне и вилянию собачий.

Дойдя до еще меньшей Двери, они ползли как ящерицы. Эти четырехконечные, пресмыкающиеся чем-то походили на знакомых ему существ, но тем не менее были иными. Причудливые создания-мутанты. Снаружи Сада такие организмы ему не встречались. Привлекательные служители, которых он видел на Стене, тоже превращались в Саду в странных, неземных существ.

Когда Солнце за Дворцом скрылось из виду, он увидел выходящих из Дверей. Стало тошно — страшные создания выходили ползком из самой последней Двери в облике рогатых улиток.

Слизистые улитки, робко озираясь вокруг, ползли по ступеням Дворца, оставляя за собой блестящий след. Оставленный ими след, читался ясно, как слова рекламы.

Этот след выводил на ступенях имя своего владельца! Эти письма, отчетливо просматривающиеся со Стены – имена, повергли его в шок. Он знал их владельцев. Чьих только имен здесь не было!

Колония улиток входила в Дворец через нижнюю дверь и выходила через другой конец, через высокие ворота. Вернувшаяся улитка выходила с обрезанными рожами.

Возвращающийся из Дворца поток двигался точно так же, как поток, направляющийся в Дворец. Улитки ползли через те Двери, меняли облик, обретали и теряли хвосты и на сей раз через каждый проход выпрямлялись на голову. При выходе из последних в полный человеческий рост Дверей возле Стены, они обретали еще более величественный, чем прежде, облик. Невозможно было засечь момент, когда уродливые мутанты становились ангелоподобными созданиями. Может быть, время эволюции человечества от обезьяны до современного человека было короче этого – так ему казалось.

Рослые служители Сада поднимали гостей по ступенькам Стены и ждали захода Солнца, чтобы

те спустились на ту сторону. Контакт с той стороной Стены происходил лишь ночью, встреча новых гостей, проводы старых совершались лишь в темные часы суток. Этот закон был непоколебим на протяжении долгих лет. Он на Стене внимательно осматривал тех, кто ожидал часа возвращения к людям Снаружи. Женщины уже не пытались прикрыть лицо шелковым платком, повязанным на шею, а мужчины воротом пиджака. Они лучились счастливой улыбкой.

Наконец, пришли ночные охранники. Уходящих спустили к людям Снаружи, приходящих проводили в Сад, а затем удалились. Он не стал спускаться в Сад, сказал, что за ним придет служитель Дворца и принялся ждать до утра.

Всю ночь он не мог уснуть. Раздумья о гостях, покинувших Сад, не давали ему покоя. Имена, выведенные слизью улиток, втемяшились ему в голову словно гвозди. Кто только не прошел через этот Сад, кто только не вошел через Двери в этот Дворец!!! Столькие, которых Снаружи почитали за героев, проходили ползком через Двери и входили в обличье улиток в Дворец...

Он опешил. Всё было как во сне. Он не знал как поступить, что делать. Он нарушил правила. Влез на Стену не ночью, а ясным днем. Это и было первым его условием: «Я заберусь на Стену днем, у всех на виду!». Его увидели все. Это его

не беспокоило. Желание забраться на Стену, желание увидеть Сад, о котором ходило столько легенд, перевесило всё. Он не знал ошибочно или нет забраться на Стену днем, когда туда было направлено всеобщее внимание...

После он узнает, что его поступок, когда он забрался на Стену днем у всех на виду, был верным.

Его станут обвинять в том, что он влез на Стену, что даже спустился в Сад, вошел в Дворец. Бесчисленные акулы пера, чьи имена он прочел на ступенях Дворца, напишут об этом в газетах, политики и общественные деятели станут кидаться двусмысленными намеками, строить кислую мину. Лишь хорошо его знающие друзья поверят, что он не спускался в Сад, не входил в Дворец, что вернулся обратно со Стены.

Одним прекрасным днем он повстречается на улице с очень любимым Человеком. Они, как обычно, поздороваются, поговорят по душам. Прощаясь Человек внезапно спросит, словно это только что ему вспомнилось: «Говорят, ты тоже залезал на Стену, это правда?». Этот неожиданный вопрос обратит в лед кровь в его жилах, заставит его потерять дар речи. Вопрос вместе с ответом, который он сможет дать, повиснет на сердце тяжелым камнем. Сердце не вынесет этой тяжести, разобьется. Из разбитого сердца потечет черная-

пречерная кровь, затем свернется, станет сгустком. Когда он захочет сорвать эту корку, станет больно. Лишь тогда он поймет, что это болит Совесть.

Вопрос не был укором героев Снаружи, чьи имена он читал на ступенях Дворца, чтобы отнестись к нему с иронической усмешкой. Не был он также доверием друзей, чтоб найти утешение. Это было удивление Человека, говорящего о том, что даже нахождение на Стене является грехом, не говоря уже о спуске в Сад и вхождении в Дворец.

Так и есть, человек находит себя, когда его ценит другой!

Всё это случится потом. А сейчас он находился на Стене. Не спал до самого утра. Движение на дорогах, процесс прохода через Двери не останавливались ни на секунду. Теперь должны были прийти и за ним. Он тоже должен был пройти путем трансформации от ангела к улитке, от улитки к ангелу, войти в Дворец и выйти из него, вернуться к людям Снаружи с гордо поднятой головой, с величественным видом.

Было тревожно. Его душу бередили безответные вопросы. Он не находил оправдания причинам, побудившим его забраться на Стену. Там откуда он пришел, Снаружи, жизнь совсем опустела, там он никому не был нужен, у него не осталось человека, которому можно было бы

открыться. Надежды умерли. Мир, где он мог бы жить, сузился, сузился... и исчез. Но он знал – путь спасения не на Стене. Но это проклятое его любопытство взяло верх. Увиденное же здесь, в Саду привело его в ужас.

Утром он очнулся весь в холодном поту, с перебитым дыханием. Ветерок дующий со стороны Дворца принес вместе с собой резкий запах. Он был точь-в-точь похож на запах часто сжигаемых костей в мясокомбинате в нижней части города, где он жил в детстве. В Дворце сжигали отрезанные рожки улиток!

За ним пожаловал сам служитель Дворца, чтобы спустить его в Сад. Устрашающее создание. Он передвигался, как человек, но человеком не был, а походил на смесь различных существ. Лицо его было обветренным, как кора столетнего дерева, покрытая лишайником. Взглянуть в его алые зрачки не представлялось возможным, казалось это кровавое озеро, где тебе предстоит пойти ко дну. По мере того, как ужасный служитель поднимался по ступенькам Стены, его тело менялось, он постепенно превращался в человека. Он изумился тому, как служитель на последней ступеньке стал благородным, вежливым человеком с просветленным ликом.

Вопрос «Говорят, ты тоже залезал на Стену, это правда?» повис на его шее, как в Судный день.

И стал тянуть вниз. Служитель Дворца вежливо его поддержал, взял под руку, не давая упасть. Почтительно указал дорогу к Саду. Однако он не смог сделать и шага. При каждой попытке висящий на шее Вопрос тянул его вниз. Шея была во власти Вопроса, а рука – служителя Дворца. На помощь пришли и другие служители. Цепь не поддавалась. Он удивился силе Вопроса. Цепь дрожала, но не оставляла его в покое, упорно тянула вниз.

Наконец, он вылетел, как стрела из лука. Поначалу не смог понять из чьих рук выскользнул. Он повалился на землю и потерял сознание.

Очнувшись, обнаружил себя возле Стены. Он очутился Снаружи!

...Встал и оттряхнул с одежды пыль. Жизнь Снаружи шла по обыкновению. Он шагал по улицам города, оставляя за собой проулки.

Улицы ломились от людей. Никто из встречных не обращал на него внимания, будто бы совсем не видел. Он походил на героя знаменитого произведения – «человека-невидимку». Чувствовал себя голым, ежился, словно пытался прикрыть причинное место. Но никто на него не смотрел. А он видел всех. Заглядывал в лица как пограничник в паспорт, казалось пытался прочесть на их лицах увиденные на ступенях Дворца имена.

На площади, мимо которой проходил, он уви-

дел огромную толпу. Трибуну заполнили величественного вида люди. Толпа с воодушевленным криком поддерживала слова высокорослого Ора-тора, чье имя он прочел на ступенях Дворца: «Долой обитателей Дворца, бесчинствующих над народом!». Надежда, поблескивающая в пламенных глазах людей, освещала всё вокруг. Все смотрели на трибуну, лица были обращены лишь в одном направлении – вперед. Он вспомнил слова Гюго: «Горестные не оборачиваются. Они слишком хорошо знают, что их злая участь идет за ними следом. «Надежда» – слово, которое Данте стер с врат Ада, а Бог начертал на челе каждого человека».

В хвосте толпы группа людей обсуждала какую-то газетную статью. Он приблизился. Заметил заголовок статьи известного Писарья: «Глава Дворца пьет кровь людей Снаружи!». Теперь он читал в газете написанное большими черными буквами имя автора, которое ему уже довелось читать на ступенях дворца: имя, выведенное блестящей слизью улитки.

Другая группа состояла из знаменитых Снаружи людей, столпившихся кружком. Они не вмешивались в ряды митингующих, то выслушивали выступающих, то о чем-то тихо переговаривались.

Он в последний раз осмотрел огромный поток людей от самой трибуны до конца столпо-

творения. Теперь он видел вживьем многих, чьи имена читал со Стены.

Он покинул площадь!

Все мысли в голове смешались, этот бесконечный поток мыслей находился в каком-то подвешенном состоянии — они напоминали коренья растения в стеклянном сосуде. Коренья, не нашедшие опору, куда они могли бы пуститься, спутались между собой, образовав узлы.

...Миновав последнюю улицу, он вышел из города.

Стоял закат, последние лучи солнца на небе окрасили горизонт в алый цвет. Глаз отдыхает, созерцая даль, также как на сердце становится легко при уверенности в завтрашнем дне. Скоро столько звезд засияет в той дали, куда сейчас он смотрел... Он пойдет вслед за звездами, с хрустом гаснущими под стопой Творца. А затем непременно взойдет Солнце.

...Он поднялся, поднялся по дороге, уходящей Снаружи вверх... и исчез за горизонтом.

*Ноябрь, 2012
Бурсерид, Швеция*

СТАТЬИ

Бейсбол на шахматной доске

Размышления о геноциде

Десятилетний сын поздравил меня с «мужским днем» 23 февраля, подарив «крылатую ракету» с острым кончиком и толстым корпусом, которую сделал в школе из бумаги. Длинная лестница внизу ракеты, на которой был нарисован флаг Азербайджана, говорила о ее громадности. И была она похожа на советскую ракету дальнего действия СС-20. А если добавить и эту мерзость, изготавливаемую из урана, она будет называться атомной бомбой.

Я хоть и принял подарок, но объяснил сыну, что 23 февраля – это дата основания советской армии, поставившей точку на нашей независимости в апреле 1920 года, державшей нас под игом в течение 70 лет, совершившей январскую резню 1990 года, помогавшей армянам в захвате Карабаха, то есть, чуждой, враждебной нам армии. Потребовал, чтобы он выразил своему учителю возражение от моего имени из-за этого пропахшего нафталином «праздника 23 февраля».

Затем поинтересовался почему сделал именно ракету. Даю короткий диалог из разговора с ним как есть.

- Почему сделал ракету, а не что-нибудь другое?

- Тебе не нравится?

- Нравится. Интересно.

- А если будет настоящая, бросил бы в Армению?

- Почему?

- Я бы бросил.

- Знаешь, сколько городов, сел разрушится тогда?

- Пусть! А они почему разрушили Агдам? Помнишь, ты принес кассету, тогда бабушка еще жива была, как она плакала, когда смотрела?

- Если ты бросишь эту ракету, погибнет много народу. Матери, отцы, бабушки, дедушки, дети.

- Пусть погибнет! А что они убивали в Ходжалы стариков, гасили сигареты о глаза детей, резали им уши, головы?

Эти слова не я говорил ему. Не мог ведь говорить 10-летнему ребенку... Дом, улица, школа, радио, телевидение... Везде слышался тяжелый отзвук той трагедии – через три дня Ходжалинскому геноциду исполнилось бы 18 лет.

- Те, кто сделал это – головорезы, убийцы, ты тоже хочешь стать убийцей? Убийцей, лишаящей жизни детей, отцов, матерей?

Слово «убийца» выговорил так, словно соби-
рался проглотить что-то, но выплюнул, узнав, что
оно гадко. Он хоть и не понял значение этого
слова полностью, но по моему лицу прочел, что
это нечто плохое. Задумался, пока я объяснял. Не
ответил на мой вопрос. Вместо этого, меня, как
мокрое полотенце, окутал более страшный во-
прос: «Неужели я воспитываю в своем доме
УБИЙЦУ?»

Тропа памяти

Уединяюсь в своей комнате. Страшные, бо-
лезненные и кровоточащие воспоминания, кото-
рые я пытался спрятать в самые глубины памяти,
снова оживают. Я отложил их туда подобно боль-
ным, замораживаемым до тех пор, пока будет най-
дено лечение. Ведущий туда путь подобен
тропинке, направление которой не различить в
темноте.

...Зрачки глаз устремляю в кельи памяти в
своем мозгу. Иду не наружу, а внутрь себя. Про-
никаю в складки своего мозга рассекая, раздавли-
вая, растрескивая, будто открывал себе путь в
дебрях, клетки его липнут к моему лицу подобно
мокрой улитке, жилки цепляются к моим ресни-
цам, как паучья паутина... Идти в темноте к

своему Страху – самый страшный и мучительный путь в мире.

...Город Агдам располагался в 18 километрах от Ходжалы. Наутро Ходжалинской резни, 27 февраля 1992 года прибыл в Агдам, в то время он еще не был городом блуждающих духов, живой был. Хоть и обещал газете, где работал, статью, ничего не вышло, руки не могли писать то, что видели глаза. Все прибывали тела детей с выколотыми глазами, женщин с разорванными животами, мужчин с отрезанными носами, ушами, мужским достоинством...

Агдамская мечеть еще никогда не видела столько трупов за раз. Не хватало дров, чтобы сжечь, воды, чтобы кипятить, людей, чтобы обмывать тела, савана, чтобы завернуть трупы. Город оцепенел. В оцепенении встречал раненых, обменивал пленных. Замершие глаза устремлялись в Ходжалинскую дорогу, остолбеневшие руки рыли могилы. У города не было слез, чтобы выплакаться. Страх высушил «слезы» города.

Повисшие руки, ползущие по земле ноги, которых впоследствии поразит гангрена... Эти люди, сбежавшие, спасаясь, в одной ночной рубашке, босые по тайным тропинкам, пройдя 18-километровую дорогу за несколько дней через снежные горы, леса, по пять, по десять человек

прибывали в Агдам. Рассказывали об увиденном не словами, не предложениями, а отрывисто, по слогам. Будто врач, боясь, что доза вызовет у больного шок, поставил систему и вводит лекарство каплями.

Никто не знал, сколько народу попало в плен. Командиры местных батальонов вели переговоры для получения трупов и пленных, группами получали и привозили пленных вместе с трупами. Освобожденные от плена рассказывали об учиненных пытках, оскорблениях. Страх как дух проникал в тех, кто слушал...

В городе господствовал Страх. Враг добился желаемого: массовый страх, коллективное потрясение удалось. В те дни город переживал самую жуткую историю своей жизни. Спустя год сам Агдам – его дома, улицы, сады будут отрублены, разрушены, перевезены, сожжены, превращены в развалины.

Болезнь ненависти

Эта война была и 100 лет назад. Бабушка рассказывала: *«Когда мы были детьми, армяне перебили много турков. В то время нас называли турками. Они убивали нас повсюду. Отрезали соски женщин, нанизывали на шнурки, бросали в*

наши окопы как четки. А тех, кто не выдерживал этого и выходил вперед, застреливали. Привязывали на спины людей горячий самовар и заставляли бегать...»

Но бабушка никогда не говорила: ты тоже ненавидь армян! Знаю, слышал, что армяне растят своих детей с младенчества с чувством ненависти к тюркам, азербайджанцам. У нас этого не было. Ненависть связана с памятью. В нашей памяти ненависть не сохранилась. Поэтому впоследствии десятки тысяч азербайджанских мужчин полюбили армянских девушек, женились на них, привели в свою семью. Сотни тысяч отцов, матерей, бабушек, дедушек приняли в свою семью армянских девушек. В этих смешанных семьях родилось тысячи детей. Даже после того, как столькие развелись, покинули страну, в Азербайджане и сегодня живет 30 тысяч армянок со своими семьями. Это официальная статистика, неофициальная намного больше.

Разве могла нация, полная чувством ненависти, поступить так? Извольте, покажите армянских мужчин, женившихся на азербайджанке, покажите армянских отцов, матерей, бабушек, дедушек, принявших в свою семью азербайджанскую девушку невесткой. Я говорю не о единичных случаях, а о тысячах, 10 тысячах.

Пылающие справедливостью

...Сербы убили в Сребренице около 10 тысяч боснийских мужчин и мальчиков. За то, что они мусульмане. В 1997 году своими глазами видел душеспипательные опустошенные села Боснии.

...В Руанде за 100 дней было убито около 800 тысяч людей, за то, что они не принадлежали к истребляющему народу. Здесь скорость уничтожения людей опередила фашистские лагеря в пять раз.

...За одну ночь город Ходжалы был стерт с лица земли. Армяне убили 613 человек, 487 человек изувечено, 1275 мирных жителей – стариков, детей, женщин взяты в плен и подвергнуты неопостижимым уму пыткам. За то, что они азербайджанцы. Судьба 150 человек до сих пор не известна. 106 человек из убитых женщины, 63 малолетние дети. 8 семей уничтожены полностью, 24 ребенка потеряло обоих родителей. Только 335 человек из погибших похоронено. У 200 человек гангрена обмороженных ног.

Эти события произошли не в какие-то отдаленные эпохи истории, а в начале 1990-х годов, когда ООН было 50, ОБСЕ 20 лет. Перед глазами мира, ставшего цивилизованным, гуманным после двух мировых войн.

Событиям в Руанде, Боснии политическая оценка была дана, совершившие эти резни были преданы суду, наказаны с обвинением в геноциде. А совершившие Ходжалинский геноцид остались без наказания. Наоборот, Роберт Кочарян, который в то время был лидером сепаратистов, сначала был избран премьер-министром, а затем президентом Армении. Был принят в зарубежных странах, говорил о демократии, правах человека с трибуны ООН. На Парламентской Ассамблее Совета Европы рассказал о содеянном им с гордостью, как герой. Серж Саркисян, который в то время стоял во главе армянской армии в Карабахе, руководил этим геноцидом, тоже раньше был премьер-министром. А теперь президент Армении. Смотрите, как он «искренне и жестоко» (выражение Т. Де Вааля) признается в совершении геноцида против мирных жителей в Ходжалы в своей беседе с автором известной книги «Черный сад», британским журналистом Томасом де Ваалем: *«Мы предпочитаем об этом вслух не говорить... Много было преувеличено... Но скажу, что до Ходжалы азербайджанцы думали, что с нами можно шутки шутить, они думали, что армяне не способны поднять руку на гражданское население. Мы сумели сломать этот стереотип»*².

² Thomas de Waal. "Black garden", p. 172. New York University, 2003 (Tomas de Vaal. «Черный сад»)

Преступление, совершенное для создания массового страха, было не деянием группы бандитов, а политическим решением, рассчитанным на удаленные цели. Создать панику, утратить, выгнать, вести этническую чистку, стереть следы хозяев с расчищенных территорий, и «восстановить древнюю армянскую» землю...

Создать много, очень много армянских земель и расширить их до площади между тремя морями. Земли, на которые армяне претендовали в Парижской Мирной Конференции в 1919 году, охватывали Каспийское, Черное и Средиземное море³. Их претензии не изменились и по сей день. Армения, насчитывающая 3 миллиона населения, претендует на территорию, где живет более 300 миллионов людей. А не логичнее ли претендование 3 миллионного монгольского народа на территории империи, созданной некогда Чингисханом, где ныне проживает более 3 миллиардов людей?

Геноцид – правило современной политической игры

4-го марта 2010 года комитет по внешним связям Палаты Представителей Конгресса США, принял постановление, официально признав по-

³ См: Капты http://www.jdemirdjian.com/Armenians/Armenians/Armenians_1.htm

литику, проводимую в Османской империи против армян в 1915 году, армянским геноцидом. Данный шаг был предпринят в Конгрессе США вопреки всем усилиям Турции, возможно, на следующем этапе данный процесс будет приостановлен, но в принципе, это ничего не меняет. «Шахматная» игра в политику Збигнева Бжезинского начата давно.

Во время последнего визита в Вашингтон мой друг Ирена Ласота подарила мне книгу Гюнтера Левина «Армянские резни в Османской Турции: спорный геноцид» (Guenter Lewy The Armenian Massacres in Ottoman Turkey: A Disputed Genocide). В этой книге автор пишет, что депортация армян с Восточной Анатолии преследовала цель не политики геноцида, а предотвращения сепаратистского сотрудничества с врагом в военное время, мятежей, резней, учиняемых тюркам. Убийства не носили характер геноцида, так как организация их правительством не была доказана: *«То, что депортация в действительности имела цель перебить армян Турции по заранее продуманному плану, не соответствует многим аспектам и особенностям переселения».*

Дело в том, что переселены были армяне, проживающие в приграничных с Россией регионах, в восточной и центральной Анатолии. Из

таких городов, как Стамбул, Измир и Халеб, армяне депортированы не были. Погибшие на пути при пешем переселении в восточных районах страны, где не было железной дороги, никоим образом не согласуется с принципами геноцида. *«Османское правительство хотело организовать упорядоченный процесс, но не располагало средствами для его осуществления».*

В другом разделе, он, основываясь на источники таких историков, как Чарльз Доусет и Малкольм Э.Япп (Charles Dowsett, Malcolm E.Yapp), таблицы официального представителя США в Парижской Мирной Конференции по Ближнему Востоку Джорджа Монтгомери (George Montgomery), а также цифры Армянского Национального Совета в Стамбуле, доказывает, что число погибших в тот период составляло не полтора миллиона, как утверждается, а 642 тысячи. *«В тот период не существовало какой-либо статистики смертности».*

Одним из важных моментов этой книги являются письма Генри Моргентау. Генри Моргентау, руководивший избирательной кампанией Вудро Уилсона на президентских выборах 1912 года, с ноября 1913 по февраль 1916 гг. был послом США в Стамбуле, а также представлял интересы Антанты, воевавшей с Турцией.

Моргентау сообщает свое предложение для содействия победе государства США в военной политике президенту Уилсону письмом, написанным 26 ноября 1917 года. Здесь Моргентау выражает отсутствие надежды в связи с оппозицией и войной, и пишет, что может издать книгу, способную совершить перелом в этой ситуации:

«Хочу написать такую книгу, чтобы разоблачить не только влияние Германии на Турцию и Балканы, а также подобного типа системы, возникающие в любой стране мира. А что касается Турции, тут мы видим самое ядовито вредное воздействие Германии – и это дошло до своей кульминационной точки в убийстве каждого независимо от возраста, жутком умерщвлении беспомощных армян и ассирийцев. Относительно этой отдельной детали данной истории и поощрении этого деяния Германией, думаю, что обращение к американцам, проживающим в маленьких городах и районах, было бы самым удачным средством уверения их в политике ведения войны с победным исходом»⁴.

Здесь суть армянских расправ искажается намеренно. Вражеский образ Турции, в частности Германии, оправдал бы политику войны правительства США на том берегу океана.

⁴ Guenter Lewy. "The Armenian Massacres in Ottoman Turkey: A Disputed Genocide", p. 140. The University of Utah Press, 2005

Предложение принимается и основной документ, на который впоследствии армяне будут ссылаться в качестве доказательства армянского геноцида, издается в 1918 году в виде книги «Воспоминания посла Моргентая» («Ambassador Morgenthau's Story»). Данное его предложение позже становится новым методом, используемым в отношении и других стран в качестве политики давления, инструментом политической игры с термином «геноцид».

Армянская наука

Сайт armenianew.com пишет, что Институт Молекулярной Биологии Национальной Академии Наук Армении ведет научные исследования для изучения генетического состава армян. До настоящего времени к данным исследованиям привлечено 2500 армян. Тест ДНК бесплатный. Правительство для данного научного исследования выделяет 30 тысяч драм (81 доллар) на душу. Автор идеи и профессор института Левон Епископосян предполагает, что благодаря подобным опытам будет возможно восстановить часто искажаемую генетическую эволюцию и историю армян. *«Мы пришли к такому важному для нас выводу, что армяне живут в провинции Сюник и*

Нагорном Карабахе со времен появления гомо сапиенс, то есть за 40-50 тысяч лет до нашего времени. Подобные исследования не проводятся в соседних Азербайджане и Грузии, так как эти нации недостаточно гомогенны, то есть однородны»⁵.

Армянское государство выделяет на данное исследование миллионы денег, чтобы доказать существование на территориях, где совершены Ходжалинский Холокост, Агдамская Хиросима, армян 40-50 тысяч лет назад. А моя генетическая память говорит, что 40-50 тысяч лет назад на этих территориях люди только-только учились выпрямляться и ходить прямо.

Не заражайте нас “армянской лихорадкой”!

...За Ходжалы не может быть отмщено совершением еще одного «Ходжалинского» геноцида в Армении. Вопрос будет исчерпан, когда виновники этого геноцида будут преданы суду (как Нюрнбергский суд) и армянские интеллигенты, а затем и весь армянский народ искренне будет сожалеть и испытывать стыд за данную трагедию (как немцы, стыдящиеся за Холокост).

⁵ Читайте здесь: http://www.armenianow.com/news/21032/armenian_genetic_history

...Восстановление справедливости проходит не через ненависть к врагу, а через любовь к Карабаху. Ненависть, злоба, как чувство, в первую очередь уничтожает не объект, на который оно направлено, а самого человека. Съедает человека изнутри, лишает человека человечности. Ненависть портит нравственность, делает человека далеким от объективности, лишенным рационального мышления.

...Мне не известен больший грех, чем сеять в душе младенца ненависть, годами взращивать эту ненависть, воспитать из него убийцу. Мне не известен закон, решение, оправдывающее подобное преступление, не известна религия, прощающая подобный грех.

...В медицине есть такая болезнь, именуемая «армянская периодическая болезнь». Несмотря на то, что она распространяется на такие народы Ближнего Востока, как арабы, евреи, иногда турки, название связано с армянами. Боли в брюшной полости сопровождаются высокой температурой. Но мне известна и другая болезнь, именуемая «армянская ненависть». Об этом могут знать только их соседи. Болезнь заразной бывает, не хотелось бы, чтобы она и нас заразила. Не заражайте нас «болезнью ненависти», этим вирусом!

Если бы меня слышали, сказал бы конгрессменам, проголосовавшим 4-го марта в США за решение: «Не верьте в ложь, начавшуюся с политики Генри Моргентау. Справедливость не может сопутствовать политике. Справедливость заложена в совести. Мы хотим справедливости и для армянской резни 1915 года, и Ходжалинской резни 1992 года. Пока НЕНАВИСТЬ не пустила корни и в нас, не стала нашим генным носителем, устройте это правосудие! Устройте ради будущего человечества! Не смотрите, что мы турки, не сторонитесь из-за того, что религия наша – ислам! Не дайте нам заразиться!»

Вернулся к сыну. Не знал, что он продумал, даже не спрашивал. Поставил его подарок на книжную полку, на виду. Чтобы защищал нас от болезни НЕНАВИСТИ, как талисман...

Защитит ли?

*Февраль, 2010
Баку, Азербайджан*

Черная история Белой Руси

Последняя поездка в Беларусь, с которой мы долгие годы находились в едином политико-идеологическом пространстве, в силу чего, как мне казалось, мы достаточно осведомлены об этой стране и ее народе, произвела на меня впечатление, которое долго еще не отпустит меня. Оказалось, что и множество прочитанных книг, и увиденные фильмы, услышанное, наконец, предыдущие краткосрочные поездки служили – совсем как бескрайние болота этой страны – лишь сокрытию правды об этом народе. На примере судьбы моего народа я хорошо знаю о бессилии ИСТОРИИ перед политикой, но я представить не мог, что историческая правда может оказаться в таком неограниченном рабстве у политизированной идеологии. Последняя поездка в Беларусь, проведенные в городах, поселках и деревнях этой страны беседы с крестьянами, водителями, гостиничными служащими, официантами, политиками, представителями неправительственных организаций, журналистами, правозащитниками, историками, коммунистами, демократами, патриотами, людьми без убеждений, православными, католиками и мусульманами, а также знакомство с памятниками далекой и недавней истории начисто

перевернули все мои прежние представления о Беларуси. Ясно было одно: если белорусы и имеют те или иные этнические связи с русскими, эти народы значительно отличаются друг от друга, а в чем-то эти различия имеют полярный характер.

Россия – Родина-Мать?

Прожитая, но ненаписанная история говорит об ином: нет второго народа, который Россия подвергла бы такому духовному и физическому геноциду, как белорусов (я не имею в виду начисто ассимилированных русскими), но одновременно трудно найти на-род, который любил бы Россию так, как ее любят белорусы. Факт парадоксальный – и трагичный.

Моя собеседница, женщина лет 35-40, с горечью говорит об истории своего народа, безуспешно пытаясь подавить отчаянную безнадежность: “Нас, белорусов, называют робкими и покладистыми. А какими нам быть, если наших мужчин периодически истребляли, а матери растили детей трусливыми, маменькиными сыночками? Как еще может быть, если матери у нас только и говорят сыновьям: не суйся, куда не просят, не лезь вперед, не отходи далеко от меня, не водись с посторонними? Сколько веков уже, как

через каждые 30-50 лет наших мужчин, интеллигенцию, да и всех, кто хоть немного приподнимет голову, косят как пшеницу. Это наложило отпечаток на национальный менталитет: наш народ управляется страхом”.

В отличие от белорусских коммунистов и обрусевшей части населения националистические силы народа продолжают считать себя частью Великого княжества Литовского. Основанием для такого суждения служит общность истории, близость национальных традиций и фольклора, ряд других факторов. Мой собеседник – историк сказал об этом: “В этнокультурном отношении Беларусь никогда к России не относилась. Она куда ближе к культурной литовско-польской общности. Государственным языком Великого княжества Литовского был белорусский. Никогда не было такого народа – русские. Обратите внимание: Белорус, Поляк, Литовец – это имена существительные, названия, тогда как «русские» – прилагательное, это что-то определяет. В религиозном отношении сейчас мы разнородны, а до середины XIX века 80% населения были католики. В 1839 году указом русского царя католицизм был запрещен, людей заставили принять православие. Нацию раскололи по религиозному признаку, католиков стали называть поляками, православных белорус-

сами. Теперь большинство белорусов православные, католиков не более 20-25%. Сейчас вот мы как будто независимы, но государственная политика продолжает служить русификации, нас силой толкают в русские объятия. Культура и язык белорусов считаются второсортными. Однако русские построили свою культуру на основе белорусско-литовской, присвоили ее, а потом стали отрицать”.

Эти суждения были до боли близки и знакомы мне по нашей собственной истории. Как выясняется, наша точка зрения о том, что одну из основных ролей в формировании русской культуры сыграли древние тюрки (хотя сами русские оспаривают это), не оригинальна. С тем историком и другими собеседниками мы обменивались мнениями о следах древних тюрков в их стране, но они, к сожалению, или не видели этих следов, очевидных для нас, или не придавали им значения. В городе Полоцке, название которого, по мнению многих тюркологов, представляет собой древнетюркское слово, я рассказал собеседникам случай, происшедший во время моей недавней прогулки в королевском парке Варшавы. Старая знакомая полячка, рассказывая мне о парке и его истории, указала на конную статую литовского короля Яна III Собесского (это государство – важный этап в истории Польши и Белоруссии), остановившего

османские войска у ворот Вены, и за-говорила о его храбрости. Это была бронзовая статуя, отлитая более двухсот лет назад, у ног которой два вражеских бойца просят милосердия. Не сомневаясь, кто эти просители, я все же осведомился об этом. Знакомая сказала, что это османские солдаты. Приблизившись, я заметил, что у одного из этих солдат волосы собраны в косу. “Ведь османы не сплетали волос, это солдат Аттилы, а османский солдат вон тот”, – с этими словами я показал на второго, в чалме. Знакомая ответила “возможно” и хотела переменить тему. Я же продолжил:

- Двести лет назад, когда отливалась эта статуя, в Европе еще сохранялся тюркский дух, так что скульптор создал эти образы не случайно. Говорят, до прихода в Европу османов военные и некоторые официальные распоряжения здесь издавались на древне-тюркском языке. Возможно, приход османов был исторической ошибкой – тем самым они, сами того не осознавая, обновили тысячелетний тюркский дух и в конечном счете стали причиной стирания этого следа. Скульптор хотел сказать, что одержанная королем победа положила конец тысячелетним следам древних тюрок в Европе.

...Моя знакомая, указывая на плавающих в озере лебедей, стала говорить об их красоте. Этот

рассказанный мной случай вызвал немалый интерес у моих белорусских собеседников. Независимо от желания европейцев, появляются новые научные доказательства исторической роли древних тюрок в формировании европейской культуры. Они пока не стали предметом обсуждения на международных конференциях, но в ряде научных кругов уже заговорили об этом. Тюрки не только сыграли решающую роль в мусульманизации Азии, им принадлежит важная заслуга и в христианизации Европы. Религия тенгрианства, которую исповедовали древние тюрки, существовала задолго до зарождения христианства, а в период его возникновения и укрепления уже представляла собой достаточно оформившуюся монотеистическую религию. Священные атрибуты христианства – крест, икона, храмы, а также обычай украшать в новогодние праздники сосну и многое другое суть новшества, принесенные в Европу древними тюрками в ходе Великого переселения народов. В традиционных белорусских обрядах купала, в песнях купала невозможно не разглядеть древнетюркский дух.

Многое услышанное мной от отдельных собеседников в этой стране лесов и болот, представлялось удивительно родным. Достаточно бросить взгляд на историю Азербайджана последних двух-

сот лет, чтобы легче стало понять горькую судьбу и этого миролюбивого народа. И впрямь, до чего знакомая картина: Суворов, Минин и Пожарский, Сусанин и прочие русские герои демонстрировали свой воинственный пыл в первую очередь на белорусах. Земля белорусов служила для русских постоянным театром военных действий, здесь они воевали и со шведами, и с другими противниками. Отец Петра I Алексей Михайлович в войне 1654-1667 гг. истребил более половины этого народа. А вот как об этом говорилось в советской истории: “Русский царь повелел: не убивайте белорусов, не жгите их хижин, не топчите их равнин”.

Последняя победа белорусов над русскими была одержана 8 сентября 1514 года у города Орша, где они наголову разбили силы Московского княжества. Сегодня белорусские националисты требуют придания этой дате статуса Дня героизма. В прошлом году члены белорусской Организации молодых фронтовиков отметили эту дату, подбросив во двор посольства России куклу с внешностью президента Путина, незадолго до этого предложившего Беларуси объединиться. На кукле была сделана надпись: “Путин, руки прочь от Беларуси, или получишь вторую Оршу”. Организатор этой акции Дима Дашкевич был подвергнут аресту на 15 суток.

Основная часть истории Беларуси повествует о войнах с русскими. Белорусы не одно столетие отстаивали свою свободу, но и после официального включения в состав России в 1796 г. не прекратили освободительной борьбы. История этого народа, как и других бывших советских народов, в корне отличается от писаний советских историков.

Советский Союз – Кульминация Русской Империи

Не подлежит сомнению, что проводившаяся большевиками в течение 70 лет политика русификации была успешнее, чем та, которую столетиями осуществляли русские цари. За указанный период число народов, живших на территории СССР, сократилось приблизительно со 190 до 90. Не случайно сегодня на каждом шагу можно встретить русских, узкоглазых как азиаты, черноволосых, как южане и светловолосых, как скандинавы.

Трагедия белорусского народа в советское время достигла своего апогея. Это земля стала местом разгула красного террора, а после объединения Восточной Беларуси с Западной начался настоящий геноцид. Наиболее безжалостные репрессии НКВД были обращены на “западных”.

Проводившаяся политика была нацелена на раскол народа, противопоставление восточных – православных и западных – католиков. Жителей Западной Беларуси объявили поляками. Во время второй мировой войны белорусский народ понес наибольшие после войны 1654-1667 гг. потери – была уничтожена четверть народа.

В представлении старшего поколения белорусы предстают, прежде всего, как народ партизан. И действительно, бесстрашный партизан, сражающийся насмерть среди болот в окружении врага, был излюбленным образом в советской литературе и искусстве. А вот что говорят о партизанах пожилые жители Молодеченского района: “До создания партизанских отрядов немцы обращались с населением нормально. Приказ о создании таких отрядов был спущен из Москвы. Население не испытывало к немцам симпатий – как-никак захватчики, но и особой ненависти в первые годы не было. Расправы начались именно после создания партизанских отрядов – они думали, что местное население помогает партизанам. Продовольствие у нас отнимали и немцы, и партизаны; то, что прятали от первых, находили вторые. Немцы во многих случаях платили за взятые продукты, хоть эти деньги нам были и ни к чему, а “наши” брали, будто собственное. Деревни

сжигали как немцы, так и партизаны”.

“В первые годы немцы обращались с нами нормально, они пришли сюда надолго и не хотели портить отношения с местным населением. Один немец привез из отпуска семена огурца и посеял их, стал выращивать. Кусты стали давать неплохой урожай. Мы только при немцах и поели досьта. Они ликвидировали колхозы и разделили их между жителями... Больше всего лютовали представители НКВД и СС. Местные полицаи и карательные отряды, набранные из числа других народов, были самыми безжалостными. Народ же не хотел воевать. Бывало, что один брат у партизан, другой у немцев – вечером ложатся под одной кровлей, а утром расходятся по разные стороны... Люди думали только о выживании”.

Беседы с людьми, встреченными в разных концах этой страны, опровергли еще одно устоявшееся представление: в советское время бытовало сильно преувеличенное мнение об особом статусе белорусов и украинцев. Да, в определенных сферах, например при назначении на высокие государственные и военные посты они пользовались привилегиями, но в национальном вопросе с белорусами обращались наиболее безжалостно. Сегодня белорусские патриоты не склонны забыть эти несправедливости и обвиняют бывший СССР

и нынешнюю Россию во многих бедах своей нации.

Когда речь заходила о коммунистах, наш водитель кривился. Указывая на поднимавшийся вдаль над зеленым лесом белесый дымок, он заметил: “Это горит торф. Советы начали осушать болота, не думая о последствиях. В результате разразилась экологическая катастрофа. При малейшей засухе торф загорается”. Другой наш собеседник заговорил об еще более острой проблеме: “Наверное, вы слышали о трагедии Чернобыля. В те дни радиоактивные облака двигались от Беларуси в сторону Москвы. И знаете, что они сделали? Стали обстреливать облака из орудий, поворачивая их обратно на Беларусь. Долго потом на нас лились радиоактивные дожди. Вот вам наглядный пример любви Москвы к нам”.

А.Лукашенко: “Я Православный Атеист”

Подписанный в Беларуси Беловещенский договор принес независимость многим советским народам, но сам белорусский народ очень мало изведал радость истинной свободы и независимости. Сейчас белорусы вспоминают годы правления Шушкевича добрым словом как период демократии. Провозгласив независимость в 1991

году, Беларусь пользовалась благами свободы и независимости до 1994 года. За этот период были возрождены национальные атрибуты, страна стала на путь демократического развития. Начался процесс возникновения политических партий, неправительственных организаций, других демократических институтов. Но этот процесс длился недолго. Проведенные в 1994 году первые и пока последние в истории страны свободные выборы завершились победой бывшего директора совхоза, а затем инструктора общества “Зна-ние” Александра Лукашенко. Новый президент стал тянуть страну назад в союзное прош-лое. Восстановилась власть номенклатуры и пенсионеров. В итоге такие понятия, как независимость, демократия, национальный язык и рыночная экономика, стали для одних предметом иронии, а для других – руководством к борьбе. Приступив к выполнению президентских обязанностей с изменения государственных атрибутов – флага, герба и гимна, Лукашенко наделил русский язык статусом государственного. Очень скоро стало ясно, что он намерен проводить курс на максимальную интеграцию с Россией. В результате Беларусь превратилась в сателлита бывшей метрополии. Местные специали-сты указывают на многие тяжелые последствия такой политики. Достаточно отметить

тот факт, что сегодня в Минске, насчитывающем два миллиона жителей, действуют всего четыре школы с белорусским языком обучения. Те, кто говорит по-белорусски, в прежние времена воспринимались как “деревенщина”, сегодня – как оппозиционеры. Московские телеканалы занимают в системе электронных СМИ Беларуси позицию гегемонов. Белорусскоязычные газеты можно пересчитать по пальцам. Национальный банк страны уже составил календарь перехода на русский рубль. Сегодня Лукашенко искренне считает себя самым реальным кандидатом на пост главы объединенного российско-белорусского государства, а созданные им в областях России торгово-промышленные представительства даже рассматривает как свои потенциальные опорные пункты.

Сегодня Беларусь с территорией в 208 тыс. кв. км имеет население в 9 миллионов. Прирост населения равен нулю или даже имеет отрицательные значения. Проведенные опросы показали, что 86% школьников хотели бы покинуть страну, а подавляющее большинство женщин – выйти замуж за иностранцев. Самые престижные профессии – чиновника в аппарате президента и программиста.

В стране полновластно царит авторитаризм. Должностные лица управляются по принципу

кнута и пряника. После последних президентских выборов 172 чиновника были премированы автомобилями “Мерседес” за счет государственного бюджета. С другой стороны, против должностных лиц в стране возбуждается более 20 тыс. уголовных дел в год. Это делается для того, чтобы держать управленческий аппарат в страхе. Местные специалисты сравнивают кадровую политику президента с большевистской. Так, генеральный прокурор – военный, майор танковых войск, не имеющий юридического образования. Национальный банк возглавляет строитель по образованию, бывший директор треста, и т.п.

Сегодня в стране действуют 18 зарегистрированных и 3 незарегистрированные партии. Ни одна из них сама по себе не представляет реальной силы. Даже объединенная оппозиция по сравнению с президентом, даже не имеющим своей партии, бессильна. Оппозиция в Беларуси неоднородна. Часть ее обвиняет Лукашенко в недостаточной интеграции с Россией, другая часть – в жертвовании национальными интересами в пользу бывшей мет-рополии.

Словом, сегодня Беларусь, которая не может (написал бы “не хочет”, если бы не немногочисленные патриоты) выйти из сферы влияния России, занимает почетное место в списке стран, где

в массовом порядке нарушаются права человека. Политика самоизоляции подарила Беларуси “статус” страны, нежелательной для Европы, а Лукашенко – президента “нон грата”.

P.S. *Народы похожи друг на друга: своей историей, своей судьбой...*

...Народы непохожи друг на друга – будучи столь же сильны, сколь беспомощны, и столь же беспомощны, сколь сильны.

P.P.S. *Хочу выразить свою признательность за эту поездку IDEE-Вашингтон.*

*Май, 2003
Минск, Беларусь*

Демократические выборы в авторитарных режимах?!

Статья-доклад

**«Восстания против тиранов –
это послушание богу».**

*Томас Джефферсон,
Третий президент США*

ЗДРАВСТВУЙ, НОВЫЙ ВЕК!

Минувшее столетие вошло в историю как эпоха великих открытий и новшеств в научной, технической, экономической, политической и других сферах, которые послужили во благо не только отдельной нации или государства, а всего человечества. Распад многовековых империй с одной стороны, и войны невиданных масштабов с другой, характеризуют парадоксальность общественной жизни прошлого столетия. Возможно, именно такая парадоксальность стала лейтмотивом того, что в XX столетии защита прав человека, ликвидация расовой, половой розни, создание независимых государств в колониальных странах, вос-

приятие демократии как самой ценной идеи на пути обеспечения наилучшего образа жизни, укоренение гражданского общества в развитых демократических режимах стали приоритетными направлениями общественной жизни.

Нынче определяются приоритеты XXI века, и выдвигаются новые призывы. В наступившей новой эре, в отличие от прошлого века, в котором наука и технологии стояли превыше нравственных ценностей, понятие демократии приобретает новый смысл, существенно отличающийся от ее классического понимания. Однако, демократия, признающая даже право каждого на «стремление к счастливой жизни», не всегда и не везде может обеспечивать право на «свободную жизнь».

Если сравнить начало и конец прошлого столетия с учетом изменений, происшедших на идеологической карте мира, мы можем наглядно увидеть, насколько расширились цвета демократии. Теперь родиной демократии можно считать не только Запад, но и Восточную Азию. В эту семью устремляются Центральная и Восточная Европа. «Вирусом» демократии заражены многие страны Азии, Латинской Америки и Африки. В список носителей «вируса» демократии можно добавить и большинство Новых Независимых Государств. Хотя названные регионы резко отличаются

друг от друга по уровню развития, всех их можно расположить в одной плоскости с точки зрения качества проведения выборов – основного критерия демократии. Следует отметить, что именно фактором выборов обусловлены указанные изменения на идеологической карте мира.

ВЫБОРЫ, – КАКИЕ ВЫБОРЫ?

На сегодняшний день можно пересчитать по пальцам те государства, в которых еще не установлен институт проведения выборов. Почти во всех странах, независимо от исторических традиций и политической системы, правительства формируются путем выборов. Однако существуют достаточно много государств, для которых выборы – это только формальность, а политические авторитеты в таких государствах остаются у власти до конца жизни. (В качестве примера можно привести референдум, состоявшийся недавно в Ираке, в результате которого период правления С.Хусейна продлен еще на семь лет).

А почему? Ответ на этот вопрос нужно искать не в политико-философских и нравственных аспектах, что чревато возникновением новых вопросов, а в современной практике и новых правилах общественной жизни. Эти правила диктуют

необходимость демонстрации и доказательства того, что власть приобретена на основании выборов (не зависимо от того, были ли они демократическими или нет). В проведении выборов нуждаются, к примеру, и президенты США, и лидеры Африки или СНГ. Конечно же с серьезными отличиями в мотивации: для одних выборы это средство для решения судьбы власти и доказательство приверженности к демократическим традициям, для других же это просто демонстрация не отставания от моды, или, в лучшем случае, средство для того, чтобы придавать и без того приобретенной власти вид легитимности.

С учетом лишь фактора выборов, мы можем назвать режим древней Греции «рабовладельческой демократией», а режим средневековой Англии «феодальной демократией». Можно ли считать, что бывший Советский Союз существовал в демократическом режиме, ссылаясь на существование там института выборов? Какая это будет демократия? «Коммунистическая»? А как быть с Ираном? Можно сказать, что в Иране проводятся достаточно демократические выборы, так как там не используются привычные для нас методы фальсификации. Точнее, к выборам допускаются только муллы и среди них проводятся вполне прозрачные выборы. Что это? «Исламская

демократия»? Несомненно, понятия «выборы» и «демократия» в различные времена воспринимались по иному. В зависимости от места и времени эти понятия носили различные значения – от основного метода управления до элементарной политической демагогии.

В прошлом столетии термины «демократия», «выборы», «демократические выборы» были окрашены в различные цвета, как в практике, так и с теоретической точки зрения. Они превратились в самые модные термины политики. Термин «демократические выборы» был использован на практике фашистами, пришедшими тогда к власти в Германии. А большевики использовали этот термин в теоретических вопросах, включив его в текст конституции. И по сей день, понятия «демократия», «выборы» являются украшением конституций многих государств, сущность которых на практике совершенно не подходит истинному значению этого слова.

Лидеры, представляющие самые различные политические системы, не называются своим именем. И автократы, и диктаторы получают удовольствие, именуя себя «демократами». Почему? Интересный вопрос, на который каждый может ответить по-своему. Политологи могут искать объяснение этому, начиная с геополитических инте-

ресов и кончая бытовыми, экономисты же могут связать причины данного явления, например, с опасностью утраты международных источников финансирования и т.д. и т.п. Но может быть, один из лучших вариантов ответа – это «современность». «Демократия» – это один из редких терминов и понятий, который с момента рождения и по сей день, не утратил свою современность и «модность».

Нынче выборы являются средством самоутверждения не только для демократов, но и для автократов и диктаторов. Каждый год в различных странах проводятся сотни выборов разного назначения. Часть из них служит усилению демократии, расширению прав человека и улучшению его благосостояния. Другие же, особенно в странах третьего мира, используются лишь для продления жизни диктаторского режима. А в режимах, где правят автократические лидеры, безудержно повторяющие оправдания типа «нужно учитывать менталитет и реальности», или же «необходимо осознавать существующую действительность», выборы способствуют установлению «стабильности». К сожалению, такая стабильность похожа на бутылку – наполовину полную, наполовину пустую. Смысл этой фразы – тема другого мероприятия.

СВОБОДНЫЕ ВЫБОРЫ – ЭТА ОБРАЗ ЖИЗНИ СВОБОДНЫХ ЛЮДЕЙ

На протяжении долгих столетий велась кровавая борьба за избирательные права. Борьба за демократические выборы, которая ведется сейчас, порой тоже не обходится без крови. За последние 20 лет около 40 стран сменили авторитарный режим на демократический. Все эти переходы стали возможными вследствие демократических выборов. Если попытаемся классифицировать такие страны, придется найти ответ на множество вопросов. Например, почему в Центральной Европе этот переход осуществляется быстрее и легче, чем в странах постсоветского пространства? Обычно, отвечая на такие риторические вопросы, исследователи справедливо выпячивают исторический фактор.

Невозможно говорить о традициях демократии и выборов в странах, образовавшихся после развала Советского Союза вне контекста крепостной, а затем большевицкой России. Подобно тому, как Советская Россия унаследовала законы, принципы управления (особенно в вопросах национальных отношений) и другие традиции от крепостной России, точно так же и новые независимые государства не могут избавиться от совет-

ских традиций (хотят они этого или нет, это уже другая тема). Что касается государств Центральной Европы, большинство из них в прошлом входили в состав Австро-венгерской империи – носителя либеральной классической автократии. Здесь не было демократии, но существовал конституционный либерализм, верховенство законов и правовое управление. В Гонконге, который в течение 150 лет управлялся генерал-губернатором, назначенным Британским королевством, не проводились выборы аж до 1991-го года. Однако, его правительство защищало права граждан и оставалось приверженным системе демократического управления и справедливого правосудия. Британия и другие европейские империи придерживались правового (хотя не демократического) управления и в отношении своих колоний. Поэтому, это одна из причин различия темпов перехода в рассматриваемых нами странах.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ЛИДЕР, АВТОКРАТИЧЕСКИЙ ЛИДЕР

Одной из основных проблем, характерных для авторитарных режимов – это частые случаи отсутствия у лидера чувства ответственности, или же не осознание всей полноты той ответственно-

сти, которую он несет в соответствии с его положением и полномочиями. Нельзя смешивать понятие автократического лидера с авторитетным. Авторитарные режимы мешают рождению авторитетных лидеров. В отличие от эпохи рыцарей, в настоящее время основным условием появления авторитетных лидеров являются выборы. В современном историческом периоде, который называется «переходным», лидеры, осознающие свою ответственность, еще не потеряли шансов повлиять на судьбы своих народов. Авторитетный Джордж Вашингтон, вопреки желаниям многих приближенных, предпочел стать демократическим президентом, а не королем. Это действительно пример героизма.

Невозможно точно анализировать и однозначно оценить выборы, проведенные в автократических режимах. Это связано с тем, что в настоящее время термин «автократия» тоже не отражает его подлинного классического значения и приходится различать полную автократию от частичной.

Иногда предметом обсуждения становится тема перехода в демократию автократическими методами. Конечно же, этот тезис подвергается жесткой критике и мы, подключаясь к числу оппонентов, хотели обратить внимание на опыт

наших стран. Я бы попросил исследователей, выдвигающих указанный тезис, в первую очередь дать определение существующей у нас в данное время политической системы. Так называемый переходный период продолжается уже более десяти лет. Большинство государств, которые до недавнего времени были вместе с нами в едином политическом пространстве, уже давно преодолели переходный период. Некоторые определили методы и рычаги перехода. А как обстоят дела у нас – в странах СНГ? Разве у нас демократия? Авторитария? Диктатура? Рыночная экономика? В нашем случае невозможно употреблять ни одно из этих понятий в их классическом смысле.

Некоторые исследователи, ссылаясь на опыт стран Восточной Азии, утверждают, что демократии должно предшествовать экономическое процветание. Предметом обсуждения является вопрос – что должно быть первичным, демократия или экономическое развитие, или возможно ли их совмещение.

Каждый из этих подходов имеет своих сторонников и оппонентов. В этой полемике выдвигается тезис о том, что сытые и образованные граждане являются куда более умелыми носителями демократии, нежели полуголодное и незрелое население.

Не вдаваясь в детали этой дискуссии, можно лишь констатировать, что в новых независимых государствах попытки построения демократического общества в обход коренных экономических реформ, не дают пока ощутимых результатов. Попытки построения демократии, пренебрегая темпами развития рыночных отношений, можно сравнить, с попыткой ставить телегу впереди лошади. С другой стороны, перспективы стабильного развития рыночных отношений вне демократии, также порождают сомнения.

В государствах Центральной и Восточной Европы (Польша, Венгрия, Чехия и др.), которые преодолели переходный период, реализуя одновременно мероприятия, направленные на установление демократии и экономическое развитие, ситуация несколько иная – адекватная, с нашей точки зрения, положению стран СНГ, особенно южно-кавказских государств. У нас тоже экономические реформы, вроде бы, сопровождались процессом введения демократических институтов. Однако, в отличие от первых, которые уже на пороге Евросоюза, мы еще только вступили в ряды Совета Европы, да и то с определенной натяжкой в вопросе о том, насколько мы созрели для членства в этой структуре.

ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ ИДЕИ И ГРУСТНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Хотя демократические идеи конституций наших стран во многом сходятся с принципами и традициями Совета Европы, этот факт еще не гарантирует установление демократии в регионе в ближайшее время. Если и впредь тотальная фальсификация результатов выборов будет оцениваться как «шаг в направлении демократии», то было бы наивным надеяться, что когда-нибудь у нас победит демократия. Это невозможно, как невозможны молния и ливень в солнечную и безоблачную погоду.

Деятельность международных организаций, миссия которых заключается в содействии развитию демократии и проведению демократических выборов в постсоветских странах, оценивается вовсе не однозначно. Отмечается, что в некоторых случаях международные организации не могут адекватно построить свои действия (например, деятельность представительства ОБСЕ в Белоруссии во время президентских выборов 2001 года). А иногда итоговые заявления международных организаций о результатах выборов, становятся причиной всеобщего удивления. Фраза «шаг в сторону демократии», превратившаяся в основной

подтекст подобных заявлений, вызывают сожаление и горькую усмешку. Если сравнить первые выборы, проведенные в этих странах сразу после приобретения независимости, с последующими, то мы можем наглядно увидеть, на сколько эти «шаги» соответствовали «направлению демократии». Анализы показывают, что первые выборы, проведенные в странах нашего региона, были куда более демократичными, чем все последующие. От выборов к выборам уровень фальсификации не только не уменьшается, а наоборот, растет. Так, например, если по итогам первых выборов в Азербайджане победитель набрал всего 59 процентов голосов, в последующих эти показатели стали увеличиваться с каждым разом и достигли уровня, соответствующему показателям советских времен. Отдаление от демократии в той или иной форме проявлялось и в других странах региона.

Необходимо обсудить и подвергнуть открытой критике сомнительную позицию, проявленную некоторыми популярными международными организациями по поводу результатов выборов, потому что такая позиция не только способствует отрицанию фальсификаций и незаконной легитимации, но и порождает много других, более серьезных побочных явлений, свидетелями которых мы являемся – порождает пессимизм у народа,

приводит к чувству сожаления и апатии у оппозиции, и наконец, воодушевляет «лидера-победителя» на еще более антидемократические деяния. Иногда подобные деяния связываются с «потребностью» не стабильных режимов в «железной руке». Однако, автократические лидеры, «решившие» все проблемы внутри страны без какого-либо сопротивления, на следующей стадии начинают пропускать мимо ушей умеренные «замечания» международных организаций и иностранных государств, словно между ними заключено какое-то взаимное соглашение.

СНГ – СОДРУЖЕСТВО АВТОРИТАРНЫХ ГОСУДАРСТВ

Лидеры наших стран чувствуют себя вполне комфортно в таких «выгодных» для них организациях как СНГ. СНГ – это содружество авторитарных государств, правители которых приобрели возможность периодически консультироваться, поддерживать друг друга на выборах и обеспечивать неприкосновенность своей власти.

Рассмотрим некоторые значимые сходства этих государств:

1. Во всех этих странах у власти находятся бывшие коммунистические боссы или представители номенклатуры.

2. В этих странах не сформировалась средняя прослойка населения, считающаяся наиболее свободной общностью в системе, без чего не стоит рассчитывать на демократические выборы.

3. Перманентно уменьшается количество и тираж независимой прессы, влияние которой, на общественное мнение постепенно сводится к нулю. О независимых телеканалах и говорить не приходится. Они, как правило, если в период между выборами и претендуют на имидж «независимого», то во время предвыборной кампании и в вопросе освещения результатов выборов служат властям намного эффективнее, чем государственные каналы. Власти, используя различные механизмы (подкуп, экономическое и административное давление, угрозы и т.д.) добиваются полного контроля над СМИ.

4. Ни в одной из бывших «братских» республик не был сформирован институт профсоюзов, а имеющиеся профсоюзы находятся под контролем властных кругов или же олигархов.

5. Не чувствуется существование интеллигенции, считающейся совестью общества. Часть из них превратилась в восхвалителей властей, а другая часть хранит «мудрое» молчание. Есть и те, кто предпочел просто эмигрировать.

6. В последние годы все более быстрыми

темпами развивается институт НПО. В начальной стадии возлагались большие надежды на перспективу формирования мощного третьего сектора. Как и рыночные отношения, НПО было новым явлением для бывших коммунистических боссов, и они поначалу не могли адекватно реагировать на этот процесс. Однако научились. В настоящее время во многих странах СНГ учреждены подконтрольные властям НПО, позиции которых все более укрепляются. Такие НПО находятся под щедрым покровительством чиновников и служат формированию искусственного демократического имиджа правительства. А наиболее существенную выгоду из этих НПО власти извлекают именно во время выборов – представители патронажных НПО превращаются в «независимых наблюдателей» и распространяют заявления о демократичности выборов.

«ЗНАК КАЧЕСТВА» МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Новое избирательное законодательство и кодексы этих стран, как правило, получают положительную оценку международных организаций. В особенности, эксперты Совета Европы склонны отмечать, что принятые законы соответствуют

международным стандартам (невольно вспоминается «знак качества», присущий советским временам). Однако после вступления в силу эти законы подвергаются существенным изменениям уже без соответствующей оценки западных экспертов (например, президентские декреты в Беларуси, инструкции и протоколы ЦИК в других странах СНГ). Наблюдения показывают, что большинство этих изменений и поправок, по своей сути противоречат демократическим принципам. Судьбу же выборов предreshают именно эти изменения, поправки и протоколы. В конечном итоге выходит так, что чем демократичнее избирательное законодательство, тем более крупные масштабы приобретают фальсификации.

Особое значение приобретают мнения международных наблюдателей по итогам выборов. Многолетний опыт подсказывает, что наблюдатели из Западной Европы не могут видеть и осознать чуждые для них методы фальсификации, используемые в практике наших стран (конечно же, есть исключения – наблюдатели не раз выполнявшие эту миссию в наших странах имеют достаточный опыт). Наблюдатели, приглашенные властными кругами, особенно из стран СНГ, прибывают в Азербайджан как на «маевку». Суть их миссии заключается в формальном раздувании ко-

личества наблюдателей, а вся эта волокита завершается банкетом, устроенным в их честь по инициативе важных государственных боссов и итоговыми заявлениями, текст которых мало отличается от тостов в адрес «победителей». Порой они приезжают с уже готовыми рапортами о том, что «выборы полностью соответствовали принципам демократии».

Лидеры существующих режимов понимают, что оценка независимых наблюдателей куда эффективнее воздействует на формирование общественного мнения, нежели соответствующая оценка политических сил, побежденных (законным или незаконным методом) на выборах. Учитывая этот фактор, в ряде стран власти не допускают представителей НПО на избирательные участки в качестве наблюдателей, или же допускают лишь подконтрольные для них общественные организации.

ДЕМОКРАТИЯ, И ТОЛЬКО ДЕМОКРАТИЯ

В заключение, хочу повторить известный для всех нас тезис о том, что развитие наших стран зависит от формирования демократии, а улучшение благосостояния граждан возможно только путем

установления и укрепления рыночных отношений. А все это не достижимо без демократических выборов.

Европа должна избавиться от автократии, давно пора! Цивилизованный мир управляется не автократами, а технократами. Установление и упрочение демократии – это гарантия нашей безопасности, потому что демократические государства не воюют друг с другом. Демократы не начинали Балканскую войну, результаты которой еще долго не оставят в покое Европу. Зачинщиками второй мировой войны были не демократические режимы Британии или Франции, а фашистская Германия и коммунистическая Россия.

Известные лидеры-демократы Европы должны тщательно изучать политические силы и определить приоритеты в выборе своих истинных партнеров, с которыми им придется сотрудничать. В новых независимых государствах действуют известные всем демократические силы. Нужно просто замечать такие силы и поддерживать их. Единственное, что мы можем перенять у автократов, это их умение своевременно и эффективно помогать друг другу. Давно настала пора проявления подобной солидарности и между демократами. Автократические лидеры не способны на

проведение демократических выборов, и проблема здесь не только в сущности этих режимов, но и в природе самих автократов. Все надежды на демократов и слово за ними.

Май, 2002
Тбилиси, Грузия

ЧАМАЙРА

КУБИНСКАЯ ТЕТРАДЬ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

К книге Вахида Гази «Чамайра. Кубинская тетрадь»

У меня давно вызывает уважение способность талантливых публицистов строить свои тексты лишь на реальных фактах. Сам я в своих сочинениях всегда использую «допинг» в виде вымысла, и именно он придает им художественность. Это, как в прыжках в высоту – кто-то рассчитывает лишь на силу своих ног, а другой прибегает к допинговым таблеткам, чтобы легче преодолеть земное притяжение.

Читая Кубинскую тетрадь Вахида Гази, я порадовался тому, как описывая свое пребывание на острове Свободы, рассказывая о реальных людях, их жизни и проблемах, связанных с общей политической атмосферой в стране, автор сумел рассказать об этом с такой силой художественности, что сам стал главным героем повествования. И в результате читатель, вовлеченный в мир чувств и мыслей писателя, воспринимает его отказ от сексуальных услуг прелестной Чамайры, как собственную нравственную победу. Можно привести в качестве примера много других эмоциональных эпизодов, но важнее, мне кажется, то, что все произведение в целом написано, как добротная художественная проза.

Удивительно и то, что за двадцать лет независимости Азербайджана, при всех особенностях существующего у нас демократического режима,

сформировался тип человека с активным неприятием любых форм тоталитарно-авторитарного строя. Люди моего поколения, выросшие в стране, похожей на то, что увидел Вахид Гази на Кубе, относимся более спокойно к отсутствию элементарных свобод, где бы это ни происходило.

Общественно-политические убеждения автора книги «Чамайра» сквозят в каждой строчке, и они настолько искренни, что в них веришь безоговорочно. Такое возможно, лишь когда становишься соучастником описанных в книге событий. Именно это и произошло со мной.

И еще. Кубинская тетрадь насыщена интереснейшей информацией. И я, побывавший на Кубе и читавший об этой стране, узнал о ней много нового. Отрадно, что наша публицистика достигла уровня лучших образцов этого жанра. И Кубинская тетрадь Вахида Гази – убедительный этому пример.

Рустам Ибрагимбеков

Свобода в отеле

Вот уже второй вечер я тонул в мягком кресле, облокачивался на левый бок, когда уставал на правом, затем наоборот, возвращался в прежнюю позу, ища удобного положения, потягивал ром «Варадеро», вкуса которого еще не разобрал, слегка затягивался толстой сигарой с шоколадным вкусом и без усталости провожал и встречал взглядом сквозь завесу дыма, напоминающую вуаль невесты, уходящих и приходящих. А другого выхода и не было, я нашел незаменимое занятие против скуки...

В толпе я никогда не скучаю. При том условии, чтобы никто со мной не имел дела, не пытался разговаривать, не задерживал на мне взгляда, будто меня вовсе нет. По сути в столпотворении человек человека совсем «не видит», здесь все «слепы», как в муравейнике.

В студенческие годы я обожал вокзалы, а теперь не устаю в аэропортах, больших отелях. Здесь каждый подобен страницам захватывающей книги, которую ты читаешь, не успеешь перевернуть одну, как следует другая.

Фойе большого отеля похоже на зал аэропорта. И здесь люди проходят порознь, вдвоем, втроем или целой группой. Странно то, что это на первый взгляд шумное пространство обладает своеобразной тишиной, тут можно найти покой, которого ты не находишь

в другом месте. В толпе человек видит других не обособленно, а в виде групп, точь-в-точь как звук, в шумихе слышишь звуки не обособленно. Хаос звуков содержит в себе некую тишину. Может, безмолвие космоса вызвано хаосом звезд, откуда знать! Не знаю как у других, у меня же так: от встречи с одним человеком устаю быстро, но в компании могу сидеть часами. В комнате, где раздается лишь один звук, заснуть не могу, но если раздается много звуков, будь это хоть оркестр, засну, ей-богу.

Известный советский диссидент, выменятый в 1976-ом году на лидера чилийских коммунистов Луиса Корвалана, которого режим Пиночета сделал политическим героем, Владимир Буковский, влившийся в свободную жизнь Европы после лагерей и «психбольниц» СССР, в один из последующих визитов в Москву на вопрос журналиста «Где бы вы хотели жить – в Кембридже или Москве?» ответил следующим образом: «В отеле!».

Прямо в яблочко. Я тоже обожаю отели. Может потому, что здесь всё делают за тебя, к тому же чисто и аккуратно. Лентяи аккуратны!

Один из самых больших отелей Гаваны «Navana Libre». Его внешний вид и история придают ему еще больше величия – до января далекого 1959-го года это место называлось «Hilton». Поднимаясь по ступенькам фойе в виде полумесяца на второй этаж, можно уви-

деть в широком коридоре фотографии на стене, повествующие об истории отеля. Кто только здесь не оставил следы? От популярных джазменов 50-х годов до Валентины Терешковой, впервые согревшей космос женским дыханием, от писателя Эрнеста Хемингуэя до советского лидера Леонида Брежнева.

Поначалу кажется, что желудок быстро насытится выпивкой, легкие – сигарой, глаза – полуголыми женщинами. Но это не так, желание поразвлечься манит, как огни казино, аппетит всё разгорается. Если обернешься на игривый тон испанского языка, вонзающегося в ушные перепонки, как пулемётная очередь, и тут же увидишь горячую улыбку кубинской девушки цвета меди, то уши перестанут болеть, сердце станет биться чаще, глаза наполнятся светом.

Здесь всё просто, текуче, мужчины и женщины, шествующие в обнимку перед твоим хмельным взором, будто парят как райские ангелы, а ты их созерцаешь. Счастливые улыбки пар, чья разница в возрасте, расе, поле, тут же бросается в глаза, на первый взгляд могут показаться тебе искусственными, ну и пусть, это ничего не меняет, наоборот, создает особое единство различия. А ты получаешь от этого единства наслаждение, которого раньше не знал.

«Остров свободы», лишенный всяческой помощи после развала СССР, и качестве спасения открывший границы туристам, стал островом свободы в эротическом смысле этого слова – прибежищем свободы для влюбленных. Куба – территория туристов, ищущих

любви, будто все старики мира съезжаются сюда в поисках молодых возлюбленных.

Одна женщина, которой уже за шестьдесят, но вопреки этому не растерявшая пыла, идет под руку с местным мулатом лет 20-25 и старается взять от жизни всё. А этой прекрасной девушке нет и двадцати, она обнимает за морщинистую шею старика, годящегося ей в деды, что напоминает взбирающийся на засохшее дерево зеленый плющ.

А мне всё это не по годам, я не гожусь ни в молодые любовники старухе, ни в старые дяди молоденькой девушке. Даже если подхожу, нельзя!

Я на работе. На дворе 2006-ой год. Мы приехали сюда не кутить, а поддержать борющихся с коммунизмом кубинских дисидентов, общественных активистов, семьи политзаключенных. Подобный визит в такую коммунистическую страну с серьезным режимом, как Куба, опасен. За каждым твоим шагом могут следить, поймают – пеняй на себя. Встрянешь в зубчатые колеса одной из самых отвратительных тюрем мира, станут допрашивать, повесят на шею что угодно и дадут срок. Местное телевидение без усталости показывает и прокликает врага, желающего разрушить коммунистический режим. Правозащитные организации мира встанут на твою защиту, то есть сделают заявления. Надеяться на официальных лиц нашей страны не стоит, скажут «сам виноват, что туда сунулся». Наша оппозиция тоже выскажет что-то подобное, «здесь людям житья не дают, а он отправился на край света,

если такой смелый пусть защищает тех, чьи права по-
праны, здесь»...

Меня проинструктировали следующим образом:
«Жди, пока не придут друзья!», «Не привлекай внима-
ния!». «Не забывай, здесь местных шпионов больше,
чем туристов!».

Морозная погода задержала рейсы, одну ночь
пришлось провести в варшавском аэропорту, другую в
парижском, затем ждать два дня в отеле, всё это тре-
бует терпения, для нетерпеливого человека это настоя-
щая мука. Но надо было ждать, другого выхода не
было.

Мне надо было ждать в фойе, пока не появится
незнакомка, считавшаяся моим другом, и не принесет
адреса местных диссидентов. Она должен был встре-
титься со мной не в номере, а при большом скоплении
людей. Потому что никто не мог гарантировать, что в
номере нет подслушивающего устройства либо ка-
меры.

Которая – она в этом кишачем людском муравей-
нике? Бессмысленно определить невооруженным
взглядом, поэтому думать об этом я перестал. Думать
об этом было так же глупо, как искать свою звезду в
гигантском скоплении светил. К тому же, это она
должна была меня найти, потому что узнать меня дол-
жен была она. Вчера до полуночи я прождал здесь –
месте, где просматривались все двери, открывающиеся
в фойе.

А сегодня утром я первым делом отправился в зал отеля с вывеской «Интернет», чтобы написать домой письмо. Интернет здесь работает с 9-ти утра до 9-ти вечера. Не поверите, я потратил 45 минут для того, чтобы написать пару фраз. Задерживаться особо не стал – терпение было на пределе, к тому же стояла длинная очередь. Вернулся на свой пост, в свое кресло, расположенное в стратегической точке.

- Здравствуйте! – когда это красивая блондинка успела сесть со мной рядом, что я этого не заметил?! – Я Маша. Из Комитета по Правам Человека.

- Где это вы пропадали два дня?

- Мы вас видели, но подойти не могли. Не общайтесь ко мне. Здесь их полно.

- Но ведь я их не вижу!

- Вам их не узнать. Именно из-за них мы не смогли к вам подойти вчера вечером... Я выхожу на улицу, следуйте за мной через пять минут. Спускайтесь вниз по левой улице, не оглядывайтесь, поверните налево на первом повороте, стойте и ждите.

Всё было как в фильмах-детektивах. Она процеживала слова так, будто доставала их из морозильника – тело охватывал озноб. Но моя вера в то, что ситуация вовсе не плачевна, приносила спокойствие в душу. Куба уже не та, Фидель уже не тот, чтобы следили за каждым приезжим, шпионили за каждым. Сюда съезжается миллион туристов.

Во всяком случае надо прислушиваться к более опытным.

В ночном мраке я шел навстречу к оглушающей и смердящей тишине чужого города. Машин вокруг не было, но в воздухе висел запах выхлопных газов. Дым от старых автомобилей 40-50-х годов прошлого века развеивается нескоро. Так как революция закрыла двери, страна лишилась контакта с остальным миром, большинство здешних машин дореволюционные. Старые автомобили – бренд Кубы, об этом подробнее я напишу позже. А сейчас я ступаю осторожно, стараясь не задеть консервные банки и другой мусор, чтобы не издавать лишних звуков.

На углу, в неосвещенном месте стоит прежняя девушка. Стоящего рядом с ним человека – своего старого знакомого-москвича я тут же узнаю по силуэту. На сердце отлегло. Здороваясь со своим хорошо сохранившимся старым знакомым, «отсидевшим» с такими известными советскими диссидентами, как Андрей Сахаров, Мустафа Джамилев, я на секунду вспомнил «непривычные пары» в отеле: «Этот тоже с молоденькой девушкой».

Разговор особо не затянулся. После короткого приветствия он сунул мне в ладонь бумажку:

- По этому адресу проживает семья известного диссидента. Сам он в заключении. Есть и телефон. Но звонить не надо, могут прослушивать. Лучше сразу отправиться к ним домой. Его жена из «тех, кто носит белое платье». От нее получите адреса остальных друзей. Остальное знаете сами. Удачи!

«Женщины в белом» самое известное женское политическое движение Кубы. Здесь собраны женщины,

чьи мужья, сыновья, братья арестованы по политическим мотивам. Они с головы до ног одеваются в белое, берут белый зонтик и проводят пикеты протеста.

Мои друзья повернули вниз, постепенно тая во мраке. Лишь распрощавшись с ними я почувствовал, что устал. С трудом волочил ноги, будто пудовые гири. Бумажку с адресом спрятал во внутреннем кармашке.

Я вернулся в отель. Настроение поднялось. После долгих переживаний мне становится легче, настроение улучшается. Но я не забыл побрюзжать в сердцах на старика: «Играет со мной в агентов. Бог знает, чем он занимался два дня с этой девушкой. Будто за ними следят... Зачем он привел сюда эту девушку?! Этих русских не поймешь, разве «едут в Тулу со своим самоваром?» Но чертовка красива, за эти два дня в отеле такую я не встретил. Пусть говорят что угодно, но самые красивые женщины в России. В прошлом были популярны халебские красавицы. Халебских я не видал, говорю то, что видел».

С Сашей (так звали того мужчину) мы были знакомы давно. Впервые его я увидел в Крыму, нас познакомил лидер крымских татар Мустафа Джамилов. Мустафа бей провел в заключении в общей сложности 17 лет. Единственной его виной была защита прав своего народа, депортированного со своей исторической родины. Саша в советские годы тоже был арестован за свои политические взгляды. Теперь такие люди считают своим долгом поддержку борцов за свободу во всем мире. А я в советские годы особой смелостью

не отличался, просто они мне нравятся, именно это и привело меня сюда.

Я открыл дверь номера и вышел на балкон. Центральные улицы города были освещены, но в некоторых кварталах слабо светились лампы. Вершина памятника на площади Хосе Марти доходила высотой до 19-го этажа, где я находился. 23-я улица, берущая начало издалека, проходила мимо отеля и упиралась в залив. Теплый воздух с Атлантического океана окроплял в ночной прохладе росой улицы Гаваны. Я словно ощущал на полуголом теле мельчайшие крупинки каждой росинки.

Беззаботность – вот самое отличное ощущение, даруемое номером в отеле. Я изо всех сил потянулся в мягкой постели и так громко охнул, что чуть ли не испугался собственного рева. «Буковский был умен!». Сначала я вспомнил его ответ журналисту, а потом и самого. Я познакомился с ним в 1998-ом году на III Международной Конференции по Правам Человека, проведенной в Польском Сейме в Варшаве. Мы немало проговорили, а в памяти остались следующие его слова: «Демократическая борьба – долгий процесс. Независимость еще не означает свободу. Вам придется нелегко. Беды от нефти обрушатся на вас потом».

Умный человек, что еще добавить. Ему было известно будущее нефтяных стран, где нет демократии, а еще он испытал даруемое отелем чувство свободы.

Укутавшись в свободу номера в отеле, я погрузился в сон...

Женщина в белом

...Солнце декабрьским утром 2006-го года было занято тем же делом, которым занималось миллионы лет; оно неспешно расстегивало грудь ночи, затем обвивало ее шею, нежно прижимая к себе. От этого слияния рождался в мир белейший, чистейший свет. Свет робко искал себе места на Земле. Из неприкрытого занавеской оконного угла один из его лучей полз по направлению к моей постели. Тяжесть сна таяла по мере того, как этот луч касался моего лица.

Свет солнца прокрадывался воровато, но глаза мои заполонил внезапно.

Я протер глаза, отгоняя остатки сна. Поднялся, не обращая внимания на утомленность мышц и суставов. Отодвинув занавеску, вышел на балкон. Солнечный свет залил мое тело с головы до пят. Солнечные лучи словно развели большой костер в бескрайней широте океана, воды алели пламенем, дыхание «костра» лило мне лицо, согревало всё мое существо.

Вид, открывавшийся с балкона отеля, был занят с одной стороны Мексиканским заливом, с другой – Гаваной. Утро с той стороны океана пришло разбудить город. Каждый квартал, каждая улица города отчетливо просматривалась, будто тот был разложен на столе, как географическая карта. Здесь «солнце коммунизма» возшло не с севера, как некогда у нас, а оттуда, откуда и должно было – с Востока. Возшло, чтобы даровать целому острову, его жителям свет, стать маяком

на пути к счастливому будущему. Чтобы вывести к светлому будущему миллионы людей. Эх, если бы каждый новоявленный свет делал человека счастливым бед было бы меньше...

Сегодня мне предстояло встретиться с одним из тех миллионов.

Я вернулся в комнату и оделся, с трудом достал двумя пальцами из тесного глубокого кармашка брюк бумажку с адресом. В Гаване адреса пишутся не так, как в Баку, наряду с номером дома и квартиры также отмечается на пересечении каких двух улиц расположено здание.

Переводчика Эльнура я нашел в ресторане. Его самолет прилетел в полночь, потому увидеться мы не смогли. Эльнур окончил университет в этом году, знает несколько языков. Найти испаноязычного переводчика в Баку нелегко. Мне повезло. Ему тоже. Ему подвернулся отличный шанс усовершенствовать свой испанский.

Мы встретились в условленное время возле наружных дверей отеля, чтобы отправиться на поиски нашего неизвестного героя. Прошли мимо улыбающихся нам таксистов, будто их и не видели. Такси в Кубе принадлежат государству. Немало и тех, кто пользуется личными автомобилями в качестве такси, но эти машины очень потрепанные. Вообще, здесь большинство составляют американские автомобили 1940-50-х годов и советские 60-80-х. Единственной причиной

того, что машины десятилетиями остаются в одной и той же семье является то, что люди не имеют права продать личные машины, поэтому передают из поколения в поколение.

Мне говорили, что таксисты здесь сотрудничают с органами госбезопасности. Поэтому я сказал другу: «Машину мы поймаем по дороге». Мой молодой друг, увидевший коммунизм воочию, счел меня опытным и с радостью соглашался с моими словами, получал наслаждение от того, что является участником исторической миссии.

Допотопный «Chevrolet» мчался по улицам Гаваны, пуская из глушителя темно-синий дым. Водитель что-то тараторил, заливался соловьем. Не знаю, каким чудом Эльнур различал его скороговорку от ритмической «Мамбы», гремевшей в салоне.

Я не понимал, но видел: его слова интересны Эльнuru, который часто задавал тому вопросы. Эльнур заметил, что на зданиях нет спутниковых антенн. Водитель объяснил это тем, что спутниковые антенны на Кубе запрещены, нарушение карается тюремным сроком. В некоторых случаях люди тайком устанавливают такие антенны. Но органы госбезопасности могут быстро их вычислить с помощью специальных приборов. Да, Эльнур начинал свое первое знакомство с коммунизмом. Я с интересом за ним наблюдал, как сын советского народа, некогда испытавшего это «счастье».

Мы сошли с машины за два угла от того места, куда направлялись. Я не хотел, чтобы водитель знал по какому адресу мы пришли. Прошлись немного пешком.

Ведадо – жилой квартал Гаваны, состоящий из похожих друг на друга двухэтажных зданий. Живущих в этой части города можно отнести по социальному статусу к средней прослойке. Здесь наряду с этими «середнячками» проживают и «стражи революции». По сути и они простые кубинцы, только немного другие.

В каждом кубинском квартале есть контора «стражей революции». Контора чем-то похожа на наш ЖЭК, но неофициальная ее функция – держать жителей под контролем, сообщать в политическую полицию о подозрительных делах. Их долг замечать опасность для революции и сообщать в соответствующие органы, но они суют нос и в другие дела. Одним словом, опасные люди, лучше держаться от них подальше. Трещины в судьбе людей, вызванные страхом и подозрением, знакомы нам по эпохе большевизма тридцатых годов – ни на кого нельзя полагаться, даже на членов семьи.

Адрес мы нашли, оставалось зайти в здание не привлекая внимания. Даже малым детям было очевидно, что мы не местные. Мы были одеты как туристы, это не могло не привлечь внимания, потому что туристы здесь запросто не появлялись.

На балконе второго этажа развешивала белье привлекательная женщина. Выглядела она доброжелательно, задержав на секунду руку она посмотрела на нас с милой улыбкой, как на старых знакомых, так что я на мгновение растерялся. Вне всяких сомнений – она была прекрасна.

Мы миновали здание. Требовалось время для

того, чтобы уточнить адрес, проверить не заперта ли дверь блока, одним словом, прояснить ситуацию. Когда мы возвращались обратно, женщина на балконе посмотрела на нас еще более внимательно.

- Она! – сказал я.

- Откуда знаешь? – Эльнур впервые сомневался в моем опыте.

- Интуиция. Это здание, где живет известный диссидент. Такие, как мы, наверно, появляются здесь не редко.

- Значит, за нами следят...

- Не подавай виду! Спроси-ка!

Эльнур обернулся на 360 градусов и будто бы оглядел всё вокруг с заинтересованностью туриста. Затем обратился к женщине на балконе. Насколько я понял он сказал следующее: «Здравствуйте. Нам нужна госпожа Дальдаго!». Казалось бутоны охапки роз на балконе пришли в движение по божественному волшебству, улыбка женщины распустилась как лепестки розы. Ее пленительные, большие, сияющие глаза улыгнулись. Она указала рукой на блок и вежливо промолвила: «Поднимайтесь к четвертой квартире».

Она открыла дверь и пригласила нас внутрь. Указала место на старинном диване из черной кожи, развесила последнее белье и убрала ванну. После легкой уборки сняла фартук. Познакомила нас с молодой девушкой, будто пришедшей спросонья, и смеясь прошла в боковую комнату. Если б не сказала, что это ее дочь, я подумал бы, что это ее сестра либо какая-нибудь дру-

гая ровесница.

Спустя несколько минут она привела в порядок волосы, лицо, одежду и вернулась с двумя чашками кофе. Поставила чашки на маленький столик и села напротив в кресло. «Гизелла Дальгадо». Она представилась таким образом. Если бы она сидела молча, могло бы показаться, что ты находишься лицом к лицу с прекрасной восточной женщиной. Большие глаза делали ее похожей на известную певицу-южанку Гугуш¹. Лицо без морщин было гладким. Упругость кожи шеи, плеч, рук говорила о свежести ее тела. А свежесть тела второй внешний признак жизненной силы у женщин после блеска глаз.

Она была в зеленой кофте-безрукавке с открытым воротом и длинной юбке. Ее красота бросалась в глаза и без всякой косметики. Пропорции ее тела не были привычными нам пропорциями женщины, являющейся матерью девушки лет двадцати. Если б не легкая седина, я бы и ее принял за молодую девушку. Наверное, подумал я, эта девушка дочь ее мужа от первого брака. Однако наутро я узнаю, что ошибался.

Разговор завязался с первых же слов. Через час со стороны могло бы казаться, что мы знакомы добрую сотню лет. Ее дочь Жизель нашла на карте Азербайджан, удивляясь тому, как он далек, и поглядывала на нас как на экзотических существ. Она не сводила глаз

¹Иранская певица и актриса азербайджанского происхождения. В 70-х годах была одной из самых популярных певиц и актрис Ирана. Хорошо известна также в Турции, Закавказье, США, Средней Азии. В СССР стала известной благодаря фильму «Долгая ночь».

с Эльнура. Как только возникали небольшие паузы в беседе с ее матерью, она встревала с вопросами.

Кофе я выпил в три глотка. Сладость его напоминала кофе, который заваривают крымские татары. Я встал и не переставая беседовать снимал ее с разных ракурсов, старался поймать интересные моменты.

Жизела специалист по компьютерам. Но работать в этой сфере ей запрещено. Причина проста – жена политзаключенного, «врага народа» работать не должна, к тому же с такой стратегической техникой как компьютер.

Ее муж – физик по профессии, знаменитый диссидент. За продолжительную и резкую критику Кастро в зарубежной прессе он осужден на двадцать пять лет. Отсидел пока четыре. На Кубе двадцатипятилетний срок дело обычное. Если бы движение «Женщины в белом», членом которого является и Жизела, не подняло бы голос протеста на весь мир, возможно ее мужа осудили бы на смертную казнь как «изменника родины» либо дали бы пожизненное.

Движение «Женщины в белом» организация женщин, чьи отцы, братья, мужья, сыновья являются политзаключенными. После акций протеста этого движения надевать белое платье запрещено. Но всегда находятся протестующие, не боящиеся этого запрета. Однажды я встретил на улице такую женщину. Когда я захотел ее сфотографировать она умчалась, будто выпорхнувшая из гнезда птица. Мне удалось снять лишь один кадр, на снимке во всей наготе страх в ее глазах,

установившихся в объектив.

Кубинская тюрьма считается одной из самых жестоких в мире. Не каждому суждено выйти живым и здоровым из этого кишащего тысячами заболеваний места – цитадели пыток и унижений. Учиняемые здесь пытки сравнивают с фашистским гестапо и НКВД большевиков. Жизела тоже беспокоится о здоровье своего мужа. Говорит, что тот недавно вышел из карцера. Ноги опухли, идти не может. Мексиканские друзья прислали лекарство, она отнесла в тюрьму, но мало надеется на то, что оно дойдет до мужа.

В это время Жизелла подходит к клетке на стене. Привлекает наше внимание тем, что ласково обращается к птицам и кормит их. Говорит, что когда кормит их ей кажется, что она ухаживает за больным отцом в заключении.

Жизелла учится в Гаванском Университете, естественно, не на факультете дипломатии, куда она хотела, а на факультете, рекомендованном государством. Дочери диссидента не дадут стать дипломатом. Когда мы спросили о причине, она с готовностью принялась нам рассказывать, будто ждала этого вопроса. Мы узнали, что Гаванский Университет основан в 1793-ем году. У него 55 факультетов, звучит невероятно, но это так. Образование на Кубе обязательное. Уклонение от образования преследуется по закону. Родителей учеников, не ходящих в школу, ждет заключение до четырех лет. Одним словом, учиться должны все, но право выбирать специальность за государством. И ее специ-

альность выбрал сам университет.

Затем Жизела познакомила нас со своей библиотекой. Она – координатор 137 общественных библиотек, функционирующих во всех уголках страны. Здесь самая большая библиотека. В Кубе библиотеки заменяют НПО. Теперь осталось 83 библиотеки. Остальные закрыло правительство. Политическая полиция время от времени очищает эти библиотеки от «ненужной литературы». Во всяком случае, здесь можно набрести на интересную книгу, которую не встретишь в государственной библиотеке.

Политическая полиция вроде призрака для диссидентов, их семей, и в целом для тех, кто занимается общественно-политическими делами. Компьютеры, принтеры, печатные машинки, политическая литература из ряда тех вещей, которые совсем не по нраву полицейским. Так что, время от времени они устраивают облаву и забирают эту технику.

Я выразил беспокойство тем, что наш визит создаст для них угрозу. Она ответила, немного повысив голос: «Всё равно правительство считает каждого, кто встречается с иностранцами, оппозиционером. Вы пришли в гости, если не желают нашей встречи, пускай дадут себе труд поставить в дверях караул. Они знают о визите таких друзей, как вы. Возможно, придут после вашего ухода». Она произносила эти слова так отчетливо, будто пыталась их до кого-то донести. Может, она знала: в квартире есть «жучок» и без всякой боязни доносила свои слова до тех, кто этот

«жучок» установил. После этого разговора я решил отдать привезенные для нее ноутбук, политическую литературу на испанском, диски с фильмами и DVD-плеер при встрече завтра в городе.

Назавтра мы встретились с ними в нашем отеле «Navana Libre» и пригласили на обед. Местному населению запрещено без разрешения входить в места с туристами. Жизела каждый день проходила мимо этого отеля, но до сих пор не находилась внутри. Они могли зайти внутрь, так как пришли с нами. Я спросил, насколько это для них рискованно и предложил сходить в другое место. Оно сказала, что повсюду одинаково, всё равно узнают где мы обедали с иностранцами. «Если вы боитесь – другое дело, я их не боюсь», - сказала она, со смехом открыла дверь отеля и уступила нам дорогу. Они впервые видели отель изнутри, смотрели вокруг так зачарованно...

Больше всего их изумили цены в меню. Эльнур переводил беседу матери и дочери шепотом, будто боясь: «Они ничего не хотят есть, говорят, самое дешевое блюдо здесь стоит как месячная зарплата одного кубинца». Мы настаивали. Можно сказать, они ничего не говорили, сидели молча. Без всяких сомнений, здесь все – от официанта до швейцара – сотрудничали с органами спецслужб. Так что, пришлось говорить мне.

Я рассказывал им об Азербайджане, его истории, борьбе за свободу, Карабахской войне, нынешнем положении. Они слушали внимательно, порой задавали

вопросы. По мере того, как исходя из ее вчерашних слов и сегодняшних вопросов росла моя уверенность в том, что Жизела обладает широким мировоззрением, мое удовольствие от беседы с ней тоже росло. (Вообще, беседа с умными женщинами всегда приятна, если такая женщина вдобавок красива, можно к ней привязаться не только умом, но и сердцем.)

Она была начитана. Больше всего ее интересовали борьба народов за свободу, демократию, в особенности польское движение «Солидарность», проблемы посткоммунистических стран в переходный период. Из ее вопросов я решил, что больше борьбы с существующим режимом ее заставляет задуматься положение после свержения режима. Она задавала вопросы о политических свободах в бывших советских странах, многопартийной демократии, политической активности граждан, свободе прессы и выборов. Мои ответы ее удивляли. В ее представлении большинство постсоветских стран, включая Азербайджан, за эти годы должны были немало продвинуться вперед. Я говорил ей о том, насколько трудным процессом является построение демократического общества, что для этого требуются долгие годы и новые поколения. Выслушав меня до конца, она задала неожиданный вопрос: «А чем в таком случае ваша страна отличается от Кубы? Стоило ли столько бороться и жертвовать для этого?».

В тот день я не стал отвечать на ее вопрос, пообещал написать пространное письмо. Жизеле разрешалось раз в месяц отправляться в информационный

центр в посольстве Швейцарии, ее выход в интернет мог осуществляться именно в это время. Она могла читать и отвечать на письма лишь там.

...Прощаясь, она обняла нас как старых друзей. Какой она была простой, искренней... Люди в бедных, закрытых странах такие. Глаза у них тоже чистые, так что можно разглядеть самую глубину. Невозможно передать взоры этих людей на тех, кого они считают счастливее и свободнее себя, это надо видеть. Это так знакомо тому, кто видел как советский человек некогда смотрел на европейцев, американцев. На мгновение я считал себя счастливым гражданином той далекой для Жизелы свободной страны за океаном. Прекрасное чувство. Но жаль – это лишь чувство, такое же мимолетное, как беглое облако в просвете листьев...

Я обнял ее за плечи и взглянул в глаза: «Ваш муж скоро выйдет на свободу. Не останется там не то, чтобы на 21 год, но даже на 21 месяц».

Воздействие твоего утешения зависит от того, насколько ты сам способен поверить в собственные слова...

Мой первый краткосрочный визит на Кубу закончился таким образом. Вернувшись в Баку, я написал ей длинное письмо. Письмо, которое впоследствии будет переведено под заголовком «К женщине в белом» и разойдется в демократическом сообществе Кубы.

Письмо от Нострадамуса

Долгое время от «женщины в белом» не было вестей. Может, письмо не дошло или ей запретили ходить в интернет-центр посольства?! Другие причины в голову не приходили. У нее было разрешение раз в месяц пользоваться интернетом посольства. Каждый раз она с нетерпением ждала того дня. Слежка органами спецслужб за ее электронной почтой была маловероятной, во всяком случае, посольство наверняка предприняло серьезные меры по информационной безопасности. Значит, есть какая-то другая серьезная причина.

Письмо мое, по сути, было большой статьей – пространным текстом на 15 страниц под названием «К Женщине в белом». Трудился я над ней десять дней. Выходило, что и мой труд и деньги, данные на перевод, пошли насмарку. Лишь потом я узнаю: Комитету по Правам Человека понравилось это письмо и он решил распространить его среди кубинских активистов. В отличие от азербайджанской прессы, где появлялись мои публикации, за этот текст дадут приличный гонорар. Всему этому еще предстояло свершиться.

Письмо было ответом на вопрос Жизелы после моей длинной речи об Азербайджане во время обеда в отеле «Navana Libre». А вопрос простым не являлся: «В чем тогда отличается ваша страна от Кубы? Стоило ли ради этого столько бороться и жертвовать?».

Краткое содержание письма было таким:

«Здравствуй!

Сейчас я более подробно задумываюсь о различных темах, затронутых всего при двух встречах с тобой, вспоминаю с приятным впечатлением эти интересные беседы. Наряду с этими приятными воспоминаниями я не забыл о своем обещании ответить на твой последний вопрос, адресованный мне: «В чем тогда отличается ваша страна от Кубы? Стоило ли ради этого столько бороться и жертвовать?».

Сложный вопрос, к тому же он требует подробного ответа. В отеле Гаваны открытый разговор среди официантов-доносчиков, серьезная беседа в стесненных обстоятельствах была невозможна. Писать письмо проще.

...Знаешь, демократия – плод долгих лет, плод, который становится всё вкуснее по мере созревания. Чтобы вырастить этот плод, требуется большая самоотверженность, продолжительный труд, сумасшедшая страсть.

...Демократия похожа на пестование нежного деревца на сухой почве. У этого деревца нет корней, он слаб, нежен, нуждается в заботе. Но если пустит корни, расцветет, то станет гораздо краше тысячи раскидистых деревьев. Как радость семьи, у которой ребенок появился поздно.

...Демократия – пространство гармонического поведения тех, кто состоит в обоюдных отношениях, постоянном общении. Она любит нежное обращение, грубость ей чужда. Демократия – механический поря-

док, в котором у всех участников есть своя роль и лепта: звон часов – продукт «совместного труда», взаимосвязанного движения многих крупных и мелких деталей внутри часов, это не церковный колокол, приходящий в движение за счет мускульного усилия одного человека.

...Проблема демократии, ее сложность в том, что она должна убедить людей. Убеждение лежит в самой сущности демократии. Авторитаризм потребности в этом не испытывает. Убедить людей труднее, чем обмануть. Так что, авторитарное правление легче, чем демократическое.

...Падение Советского Союза дало старт многим народам на пути свободы и демократии. Хотя все находились на одной точке в стартовом положении, немного спустя каждый одолел разное расстояние. Теперь каждый находится на разной точке этого марша. Конечно, и моя страна не смогла продвинуться слишком далеко на этом пути. Мы еще не построили ту демократию, о которой мечтали. Причин много, как объективных, так и субъективных: в качестве помех приводят войну, нефть, мусульманство, то, что мы люди восточные, и еще многое другое... Когда надо найдется тысяча отговорок.

...Хотя мы отстаем от развитых демократий, у нас много свобод. Но я называю их «полусвободами». Есть такая поговорка, стакан с водой до отметки «середина» один видит наполовину пустым, другой наполовину полным. При взгляде из Америки, Европы наша демо-

кратия «наполовину пустая», а при взгляде из Кубы «наполовину полная».

...Я перечислю тебе обретенные нами свободы, разницу определи сама. Разве не стоило бороться за эти свободы, даже если они половинчатые, даже если они часто грубо нарушаются?

Свобода передвижения. Я могу получить паспорт и съездить в любую страну мира, в том числе приехать на Кубу для встречи с тобой. Но если я приглашу тебя в свою страну, приехать ты не сможешь, потому что твое правительство этого не разрешит. Я могу жить и работать в любом городе своей страны, регистрации либо разрешения для этого не требуются. А ты должна получить специальное разрешение для проживания и работы, к примеру, в городе Санта-Клара. Если сделаешь это без разрешения – тебя арестуют.

Право на собственность. Я могу стать собственником, то есть приобрести дом, землю и прочее. У меня есть право продать либо подарить личную собственность. А у тебя собственности нет. Дом, в котором ты живешь, земля, по которой ты ходишь принадлежат государству. «Непослушного гражданина» у вас государство может выкинуть из дома, отправить в один из многочисленных трудовых лагерей – положить жизнь на пути строительства коммунизма.

Коммуникация. Я могу позвонить в любую точку мира, отправить и получить почту, факс. У меня есть право и возможность пользоваться интернетом повсюду: дома, на работе, на улице. А ты для этого

должна идти в интернет-центр иностранного посольства. К тому же это доступно лишь тебе и паре-тройке таких же общественных активистов как ты, у других подобной возможности нет.

Свободный рынок. У нас занятие бизнесом в той либо иной форме зависит лишь от умения. У меня есть право создавать бизнес-контакты как внутри страны, так и за ее пределами. А у вас это не только не разрешается, но все еще считается «остатком буржуазии», проклинается как элемент «загнивающего капитализма».

Выбор. У меня есть право выбора: школа для детей, любая клиника для лечения в стране или в остальном мире, найти и читать любую литературу, выбирать фильмы и музыку, смотреть телеканал любой страны и т.д. А у вас весь этот выбор совершает государство.

Политические свободы. Сюда я добавил бы право создавать политическую партию, участвовать на выборах в качестве независимого кандидата, открыть независимую газету и писать что хочется. У вас ничего этого нет.

Этот список можно продолжить...

До недавнего прошлого мы тоже были лишены этих свобод. Точь-в-точь как у вас. Правда, многие из перечисленных свобод с изъясном, они половинчатые, не на желанном уровне, часто грубым образом нарушаются, год от года уменьшаются, но свобода как вода, как воздух, даже малый ее глоток мил сердцу.

Теперь рассуди сама, не стоило ли ради этого бороться и приносить жертвы?

Недалек тот день, когда вы постройте свободное общество. Это ясно видно!

С уважением,
Вахид»

Спустя три месяца мне пришло письмо. Я открыл его с интересом ребенка, получившего подарок на день рождения. В коротком ответном письме Жизела писала:

«Дорогой Нострадамус!

Твое предсказание сбылось. Невероятно! Роберто отпустили. Он дома! Немного болен, опухли ноги. Главное, он на свободе. Дочь сдержала обещание, как только вернулся отец отпустила на волю птиц из клетки.

Я с тобой согласна, стоит бороться и за полусвободы, которые у вас есть. Мы тоже будем свободны, обязательно будем, к тому же не наполовину!

Обнимаем!
Жизела».

Я прочел письмо. Теплое, приятное, опьяняющее ощущение разлилось, как бальзам, по сердцу и лицу. Я чувствовал как оно ползет будто змея вверх по всему моему существу. Дойдя до лица, оно принялось растягивать в стороны мои лицевые мышцы.

Это было отражением на моем лице радости и удовлетворения. Как же еще? Всего 3 месяца назад, не

находя слов утешения, я сказал ей следующие слова: «Ваш муж скоро выйдет на свободу. Не останется там не то чтобы 21 год, но даже 21 месяц». И вправду «Действие твоего утешения зависит от того, насколько ты сам убежден в собственных словах...»

Следующий мой визит на Кубу прошел через мексиканский город Канкун. Канкун расположен на берегу Карибского моря. Здесь раскинулись бесчисленные пляжи, бесчисленные отели вдоль пляжей. Канкун один из крупнейших курортных городов региона. Его жители небольшого роста, улыбки и искренни. Даже не верится, что эти люди потомки «Пиратов Карибского моря». Не в этом дело, мы тоже не похожи на Бабека² и Кёроглу³, глаза говорят о том, что эти места напоминают рай.

Поднявшийся с Канкуна самолет долетел до Гаваны где-то через час. Была полночь. Я сильно устал. Хотелось поскорее уйти, лечь спать. В Мексике меня помучали. Оказывается, транзитные пассажиры здесь тоже должны были заранее получить визу. Так что, в Канкуне у меня отобрали паспорт и заключили меня в закрытое стеклянное помещение. Кричать смысла не было, никто бы не услышал, да и не разобрал бы чужого языка. После шестичасового мучения в стеклян-

²Руководитель азербайджанского национального восстания хуррамитов против Арабского халифата, охватившего также некоторые области Ирана и Закавказья (около 816 – 837).

³Герой одноименного азербайджанского фольклорно-эпического памятника, сложившегося около XVII века.

ной клетке, представив, что гаванские пограничники осмотрят мои чемоданы, я чуть не сошел с ума.

В моем чемодане находилась чуть ли не целая библиотека с видеотекой – он был полон книгами и фильмами, адресованными независимым журналистам, писателям и художникам, учителям, правозащитникам, религиозным служителям, одним словом, общественным активистам. К примеру, там были «Чума» Камю, «Процесс» Кафки, «Слепящая тьма» Кестлера, «Дорога к рабству», «Конституция свободы» Хайека, «1984» Оруэла, «Колымские рассказы» Шаламова, «В защиту демократии» Шаранского, «Каждый умирает в одиночку» Фаллады, а также книги Кундеры, Милоша, Солженицына и других, фильмы «Восток-Запад», «Дети Арбата», «Доктор Живаго», «Убить священника», «Ганди», «Мастер и Маргарита», «В круге первом», «Площадь Тянанмень», «Андеграунд», ленты Тарковского, Формана, Вайды, Спилберга и многих других. По собственной инициативе я купил для женщин мыло, шампунь, зубную пасту, недорогую парфюмерию – здесь всё это было недоступно.

Здесь тоже есть черные рынки вроде нашей бывшей «кубинки»⁴, но у многих нет возможности что-либо там покупать. Я также не забыл прикупить в аэропортах последние номера испаноязычных газет и журналов. Известить людей, с которыми я собирался встретиться, о свободном мире – хорошее дело, будто

⁴ Район в центре Баку, где в советское время можно было приобрести редкие импортные товары.

даешь свежую газету политзаключенному в тюрьме. Я знал: переходить границу со столькими дисками и книгами – дело рискованное. Правда, сейчас таким вещам большого значения не придают, однако в любом случае прицепиться они могли. У меня наготове имелась фраза: «Подарю новым знакомым».

Конечно, лет 10-15 назад подобный твой аргумент не прошел бы. Раньше невозможно было открытым образом пронести даже одну книгу. Хорошо помню, в 1996-ом году всю страну потрясла весть о том, что мой друг – бывший диссидент незаконно перешел границу в Губе. Когда утром я пришел на работу, мне позвонил один журналист в надежде на то, что получит от меня подтверждение сенсационной новости: «Есть информация, что твой американский друг задержан при попытке незаконно перейти границу в Губе. Агентства со всего мира подняли шумиху. Но наши говорят, что ничего не знают. Я говорю насколько серьезна ситуация, но они все еще не дают подтверждения».

Я тут же стал названивать друзьям, в те времена связь была не такой, как сейчас, не было интернета, мобильных телефонов. Ближе к вечеру узнал, что моего друга задержали не в Губе, а на Кубе, в аэропорту Гаваны. Оказывается, в коробке с детской смесью обнаружили «Архипелаг Гулаг» Солженицына, в других коробках тоже нашли подобную литературу. После трехдневного допроса его объявили «персоной нон-грата» и вернули обратно. Вот как ошибочная информация российских информационных агентств

«благодаря» одному журналисту подняла на ноги наши погранвойска.

Ни мои чемоданы, ни мой портфель осматривать не стали. Я спокойно прошел и вышел в город. Сел в такси и назвал адрес. Послабление в переходе через границу по сравнению с прошлым разом немало развевало мое напряжение. Я отправился уже не в отель, а в квартиру, заранее снятую моим другом-переводчиком Эльнуром.

Как только хозяин квартиры разместил меня и вышел, я тут же уснул. Эльнур тоже спал. Мы знали куда отправимся утром в первую очередь – к Жизеле...

Чамайра

Вышло не так, как я ожидал – вместо нежной, изящной женщины дверь открыл рослый мужчина. На его лице читалась усталость, равнодушие. Я тотчас понял: нашему визиту он не рад.

Мы спросили Жизелу, он сказал, что та придет после полудня. У испаноязычных людей отношение ко времени схоже с нашим, «после полудня» не точное определение, оно на деле означает «Бог знает, когда придет».

Перед нами стоял недавно освободившийся из заключения муж Жизелы, в этом сомнений не было, портрет на стене тоже свидетельствовал об этой уверенности.

Он нехотя указал на место для сидения, а сам уселся на табуретку, на которой во время прошлого нашего визита сидела его супруга.

Он обвиняюще на нас смотрел, вяло и вынужденно говорил с нами недовольным тоном. Он всё более распалялся по мере того, как говорил и тем самым создавал трудности для переводчика. Мы по-настоящему опешили от его обвинений: «Здесь идет серьезная борьба, а помощь диаспоры, международных организаций до нас не доходит. Часть пропадает прямо на месте, а другая по пути».

Мне и во сне бы не приснилось, что я встречусь с подобным обвинением. Я не знал о чем идет речь. В первые минуты не понял чем ответить. Я слышал о помощи богатой кубинской диаспоры в Майами. Правительством раньше не допускало этой помощи, а теперь закрывает на это глаза, потому что немалая часть голодного населения живет за счет помощи родственников из зарубежья. Точно так же, как живут у нас на деньги, что присылают из «Урусята»⁵.

Наверно, он нас с кем-то перепутал. Но я не мог не ответить, так что я сказал так же жестко, как и он: «Мы не раздаем помощь, вы напрасно нас обвиняете. Если на то пошло, мы тоже слышали, что политическая оппозиция, диссиденты и общественные активисты у вас маргинализировались. А сюда мы пришли не ради вас, а ради Жизелы».

⁵ Собирательное просторечное название таких стран, как Россия, Украина, Белорусия и т.д., куда азербайджанцы отправляются на заработки.

Эльнур с азартом перевел мои слова, ему тоже не понравился наш собеседник. Мои слова изменили выражение его лица и тон голоса. «Конечно, я не имею в виду всех», сказал он.

Он нас не узнал. Может, Жизела ничего не рассказывала мужу о «Нострадамусе» из Азербайджана. В противном случае он не встретил бы нас таким образом.

Тему открыли мы сами. Мы рассказали, что были здесь шесть месяцев назад, уверили его супругу, что он вскорости выйдет на свободу, рассказали о письме «Женщине в белом». Он резко встал, будто внезапно что-то вспомнил, обнял нас со словами «Нострадамус». Его поведение за мгновение полностью изменилось. Он нас узнал. Чуть спустя на его лице не осталось прежней усталости и равнодушия.

Роберто один из координаторов нелегального политического движения «Унидос». Эта организация подготовила пакет экономических реформ. Он верит, что за экономическими свободами последуют политические реформы, считает Китай моделью для Кубы.

- Мы внимательно изучаем Китай. Их модель развития подходит нам больше.

- Я не верю, что без демократии какая-либо модель подходит для экспорта. По-моему, у Кубы должна быть своя модель. Страна может быть богатой, у арабов тоже несколько богатых государств, но без политических свобод нет гарантии в стабильном развитии, благосостоянии, передающемся от поколения поколению.

- На Кубе с населением в одиннадцать миллионов 26 журналистов в заключении, в двухмиллиардном Китае – 25. Экономическое развитие дает рост политическим свободам.

- Авторитарные режимы сильнее в деревне, аграрных странах. Экономическое развитие усиливает урбанизацию в стране. Урбанизация подрывает авторитарные режимы. Мощное будущее Китая проходит через симбиоз экономического роста и демократии. А у вас этот процесс может состояться быстрее. Для урбанизации и экономического развития достаточно инвестиций богатой кубинской диаспоры в США.

- Могут возникнуть серьезные проблемы, если они вернутся и потребуют свое прежнее имущество.

- Если будет принят справедливый закон, больших проблем не возникнет. Посткоммунистические страны Восточной Европы успешно справились с этой проблемой. А еще, зачем вы ищите модель в далеком Китае, когда рядом есть Америка?

- Антиамериканизм силен. В умах людей еще живы позиция США до и во время революции, ее политика, плюс антиамериканская пропаганда власти на протяжении 50-ти лет.

Мы немало проговорили. Жизела, которая должна была «прийти после полудня», на пороге не появилась. Нам надо было идти. Мы пригласили их на ужин, договорились о месте и времени и вышли.

Мы сели на такси, проехали по Малеконскому проспекту вдоль берега и оказались в древней части

города – Гаване Вьеха. Мы собирались погулять и пообедать до следующей встречи.

Такси свернуло с проспекта Карлоса Кеспедеса на улицу Эмпедрадо и притормозило. Мы прошли по улице, вдоль обеих сторон которой покоились развалы старых и новых книг, продавались сувениры с изображением Че Гевары и остановились у гигантского здания. У Эльнура не было охоты посмотреть книги, большинство из них были посвящены революции, Че Геваре и подобным темам. Здесь куда ни глянь были книги Хосе Мартина, Кастро, Че Гевары, как и у нас прежде негде было спрятаться от книг Ленина и Брежнева.

Величественное здание было церковью Сан Кристобаль. Возведена в 1748-ом году. По обе стороны церкви высятся, как стражи, башни, в одной из них два колокола. Известный кубинский писатель Алехо Карпентьер уподоблял фасад этой церкви, построенной в стиле барокко, «музыке, обращенной в камень».

Забитая туристами большая площадь перед церковью называется Плаза де Армас. На противоположной стороне площади располагается Колониальный Музей Искусства с ценными экспонатами.

Историческая часть города выстроена в неоклассическом архитектурном стиле. На эти памятники, оставшиеся в основном от колониального периода, сильно повлияла барочная архитектурная школа. Однако, начиная с 18-го века Гавана стала отличаться своей автономной, экспрессионистской архитектурой.

Наряду с классической европейской архитектурой – романским, готическим, мавританским стилями, здесь получила также развитие местная архитектура, известная как антильское барокко. На фасадах зданий явно заметны признаки барокко, андалузские элементы, окруженные с различных сторон стенами, галереями, воротами и перилами открытые внутренние дворы под названием «патио» в романском стиле.

В душную жару ничто не заменит здесь удовольствие от бокала холодного пива!

Фрески на стенах зданий, настенные узоры, резьба по стенам – сграффито, орнаменты, витражи и мозаика дверей и окон радуют глаз. Объемные колонны придают зданиям еще больше величия и древности. Эти вызывающие умиление постройки похожи на состарившуюся женщину, однако не вызывающую сомнений в том, что в молодости красота ее изумляла. При виде облупившихся, заплесневевших, разрушенных от недосмотра зданий чувствуешь: этот город некогда был очень красив.

В середине 20-го века в Гаване под влиянием стиля городской архитектуры США стали возводиться высокие здания. В Мирамаре и других богатых западных районах города строились виллы в эклектической манере, а в раскинувшемся на 7 километров прибрежном Малеконе больше властвует современная архитектура.

...Центральные улицы воняют. Потому что канализационная система в центре города работает неис-

правно. В то время, как ты идешь по улице, на твою голову спокойно могут вылить ушат мыльной воды. Здесь тоже есть проблемы с водой. Жители верхних этажей поднимают при помощи веревки к себе на балконы ведра с водой. Фонтан на площади Плаза Вьеха оградили выской железной решеткой, чтобы люди не таскали воду из бассейна.

Сгорать от жажды жарким летом и при этом смотреть на бьющий фонтан, огражденный клеткой. Эта картина напомнила религиозные полотна эпохи Возрождения...

Эти исторические памятники из-за недосмотра находятся под угрозой разрушения. Хорошо, что есть ЮНЕСКО. Некоторые здания реконструируют за счет этой организации. А правительство затрудняется отремонтировать даже те здания, которые должна. Я указываю Эльнуру на разваливающееся здание и говорю: время, когда это здание оценят в несколько миллионов, еще впереди, придет время и этот город вернется в число самых красивых городов мира.

Мы сели в баре «Флоридита». Бар, расположенный на пересечении улиц Обиспо и Мосерета, действует с 1817-го года. В 1953 году он вошел в число одного из семи самых популярных баров мира. Большую роль в его популярности сыграл выдающийся писатель Эрнест Хемингуэй. Он частенько сюда захакивал, пил свой любимый коктейль «Дайкири».

Не знаю каким по счету баром он может считаться сейчас, думаю, не войдет даже в первые семь тысяч. И

здесь не встретишь ни одного американского напитка, о коле и пепси официант лишь слышал, товар производства вражеской страны увидишь лишь у туристов. Эльнур заказал какой-то мексиканский сок, а я местное пиво Буканеро и чипсы. Пиво принесли, а чипсы нет, потому что о нем лишь слышали, но никогда воочию не видели.

Продающая на улице цветы чернокожая девушка смотрела на нас через открытое окно и смеялась, что-то говорила и снова смеялась. Мы жестом пригласили ее за наш стол. Я никогда в жизни не видел такую красивую чернокожую девушку. Она вошла и села. Мы пригласили ее поест и завели беседу. Беседа началась с вопроса о том, чем она занимается. Чамайра рассказала нам, что приехала с тысячью мук из провинции на поиски пропитания. Законы Кубы этого запрещают, ее могут арестовать в любую секунду. Но другого выхода у нее нет, ей нужно отправлять деньги домой, семье. Ее мать, маленькие братья и сестры, больной малыш голодны. От продажи цветов она зарабатывает за день около 1-2 долларов. Несмотря на это может отправлять домой около 15-20 долларов в месяц.

Чамайра говорит, что каждый зарабатывает здесь как умеет, чтобы не голодать один рисует, другой занимается резьбой по дереву, третий развлекает людей, а кто-то еще продает свое тело. Голод и нужда приводят к гигантскому росту проституции, стремительному распространению СПИДа, падению нравов и общества.

Ее умные глаза впечатляли. Большие глаза походили на звезды, мерцающие в ночном мраке. Она очаровала нас своей манерой говорить, есть и пить, порой погружаться на миг в отчаяние и порой невинно смеяться. Она с особым выражением сообщила, что старый рыбак Сантьяго из рассказа Хемингуэя «Старик и море» из их деревни. Сказала это так гордо и страстно, что захотелось стать тем самым старым рыбаком.

За час мы с ней по-настоящему подружились. За свои цветы на улице она не переживала, если бы оказался покупатель, ей бы сообщили. Хотя мы уже поели, вставать не хотелось. Совсем не хотелось прощаться с этой простой, красивой кубинкой. Когда мы встали и собирались покинуть кафе Чамайра неожиданно что-то прошептала на ухо Эльнуру.

Эльнур совсем опешил.

Чамайра предлагала нам себя.

Что-то внутри меня оборвалось. Я не знал что сказать. Мы вышли на улицу и подошли к ее прилавку с цветами. Ничего не говоря достали 10 долларов и купили по букету цветов. Подарили цветы ей же самой и попрощались.

Я, наверно, никогда не забуду большие, сияющие, тоскливые глаза этой невинной женщины, смотрящей нам вслед. Это были скорбные глаза молодой матери, готовой нырнуть на самое дно жизни ради своего больного малыша.

О Гюго, как ты был прав, говоря «...тирания нарушает границы морали»!

Вечером в 7 как мы и условились Жизела, ее муж Роберто и дочь Жизель ждали нас в кафе «Париж». Жизела встретила нас радостно, как старых друзей, Жизель обняла Эльнура за шею, Роберто поприветствовал меня особым образом изготовленными «домашними» сигарами, не продающимися в магазинах. В тот вечер мы разделили радость этой счастливой семьи, ели, пили, слушали красочные песни, смотрели на танцующих сальсу и румбу, да и сами станцевали ча-ча-ча. В перерывах между шумихой немало побеседовали. Когда мы вышли в полночь из кафе на улицы Гаваны, все радовались как счастливые люди.

Но эта радость, осветившая целую ночь, была не в силах разогнать охватившую мое сердце тоску. Мои глаза искали в пропитанных безнадежностью темных переулках Гаваны – там, где умерла совесть, очаровавшие меня глаза Чамайры и ее беспомощного малыша...

Святой нимб

Рамиз Ровшан⁶ провел интересное сравнение между открытым обществом и закрытым: «Закрытые общества теснят человека, как консервная банка, в них задыхаешься, но не гниешь, потому что нет воздуха. В открытых же обществах не задыхаешься, но в них тысячи сторонних влияний, идет процесс гниения».

⁶ Известный современный азербайджанский поэт, писатель, эссеист, киносценарист, переводчик.

Я бы продолжил эту мысль следующим образом: когда «открывается крышка» закрытых обществ – туда попадает воздух – выясняется, что многие, считавшиеся до сих пор там героями, вовсе не таковы. Для того, чтобы вовремя обезвредить таких «героев» некоторые посткоммунистические страны Центральной и Восточной Европы приняли законы «люстрации». Благодаря этим законам были вскрыты архивы, привнесена ясность в то, кто чем тайно занимался в закрытый период общества, поставлен запрет коммунистам высокого ранга на занятие высоких государственных постов и так далее.

В один прекрасный день стало известно: политик, которому долгие годы верил народ, считал лидером и следовал за ним либо религиозный деятель, считавшийся воплощением высокой морали, были игрушкой в руках какого-то маленького сотрудника спецслужб. Весть о том, что известные церковные служители Польши долгие годы являлись агентами спецслужб понастоящему шокировало польское общество. Таких примеров много. Верно, это болезненный процесс, однако общества, обладающие определенной интеллектуальной подготовленностью и толерантными привычками пережили период «люстрации» с меньшей болью.

Хотя мы не прошли через период «люстрации» в переходный период, у нас тоже было немало подобных случаев, «консервных» героев мы узнали много позже, после многих злоключений, а большинства не знаем и

до сих пор. Если бы вовремя вскрыли архивы, возможно, не случились бы судьбоносные тяжелые события, с которыми в последующие годы пришлось столкнуться народу, например, не был бы потерян Карабах...

Один из моих любимых новых фильмов последних лет «Жизнь других» (The Lives of Others) весьма популярен среди общественных активистов Кубы. Его сняли немцы в 2006-ом году. Фильм освещает влияние тотальной слежки, страха в закрытых обществах на человеческую нравственность, личные и общественные трагедии на фоне вмешательства в человеческую жизнь посредством подслушивающего аппарата, установленного в квартире одного писателя сотрудником Министерства Государственной Безопасности Германской Демократической Республики (Штази).

Я взял с собой много копий этого фильма.

...Лопес Рамос один из руководителей «Пен-клуба». У клуба 40 активных членов, здесь объединены независимые писатели, одного из учредителей осудили на 26 лет. Недавно заграницей вышел последний номер альманаха, состоящего из их произведений. Название издания можно приблизительно перевести как «Глас изменений». Он протягивает нам один экземпляр, мы берем, чтобы подарить другим кубинским друзьям. Рамос председатель комиссии, проводящей отбор для альманаха.

Тесная квартира состоит из одной комнаты. Это и гостиная, и спальня, и рабочий кабинет с библиотекой, вдобавок кухни. Балкон, выходящий на шумную улицу Виа Бланка, расположен внутри квартиры. Советские коммуналки по сравнению с этой квартирой похожи на пятизвездочные отели.

Клуб проводит семинары и встречи с молодыми писателями. Конечно, закрытым образом. После того, как их тексты вышли «самиздатом» в журнале под названием «Куба», полиция арестовала 35 человек. «Принтер – главный враг власти», - говорит Рамос. Я спрашиваю у него интересуются ли люди книгами. «У нас очень большой интерес к книгам, - отвечает он, - каждую привезенную на Кубу книгу читает порой человек 10 – 20».

Не переставая его слушать, я листаю книги из шкафа. «Эти книги не читали не то чтобы человек 10-20, но даже он сам, стоят новенькие», - думаю я.

Смущения своего я показывать не стал. Я вытирал тряпкой, висящей на прибитом к углу шкафа гвозде, пыль с прекрасно изданных в основном в Мексике, Испании книг, и возвращал их на место. Когда я представил радость тех, кто купил эти книги и отправил их борцам за свободу в закрытой остальному миру стране, радость, рожденную от счастья быть участником большой исторической миссии, мне стало совсем плохо. Имитация повсюду имитация, хоть у нас, хоть на Кубе... Я вышел оттуда с мыслью: «Каждый – продукт той среды, где обитает. Трагедия начинается

тогда, когда члены общества, жертвующего собой абсурдным идеям не осознают, что живут абсурдной жизнью».

Начиная с революции 1959-го года свыше ста тысяч кубинцев пережили ужасы тюрьмы и исправительно-трудовых лагерей. Около 17 тысяч человек были расстреляны. Люди искусства тоже столкнулись с жесточайшей репрессией. В 1961-ом году Фидель Кастро точно определил роль творческих людей в обществе. Эта определенность нашла себя в кратком лозунге: «Внутри революции – всё, вне революции – ничего!».

Мой попутчик, московский ученый-этнограф, самый безобидный чеченец на свете (я называл его так оттого, что человек он спокойный) – мой друг Леча откомментировал увиденное и услышанное спокойным образом: «Разве оппозиционеры и НПОшники у нас или вас чем-то от них отличаются?».

Выхлопные газы машин и жара, смешавшись, создали невыносимую духоту. Так и хотелось холодного пива. Мы вошли в первое встречное кафе. Она походило на советские «закусочные», пропахшие крепким алкоголем. Выбрали по незнакомому блюду из меню. Сами выбрали разные блюда, чтобы можно было обменяться, если кому-то не понравится. Походка, манеры, взгляд официантки выдавали ее неопытность. Окружающие странно на нас смотрели, непристеливо, но не агрессивно. Чуть спустя мы узнаем причину этих любопытных взглядов.

Блюда оказались съедобными. Лука было вдоволь, мясо хорошо прожарилось, так что мне оказалось по вкусу, с незнакомым привкусом масла я кое-как справился. У Лечи дела обстояли тоже неплохо, ему попалась черная фасоль с рисом.

Когда принесли счет у меня глаза на лоб полезли. Выходило, что тарелка «Камаро», тарелка андалузского «Морос кристианос» (в переводе «мавры и христиане»), две бутылки пива «Буканеро», стакан коктейля «Мохито», плюс салат и тарелка с нарезанными манго, ананасом, гуайявой, апельсином стоили 36 песо, то есть всего 1 доллар 50 центов. Даже в рабочей столовой нет такой дешевизны.

Немного спустя появился директор столовой, сказал, что вышла ошибка и дал новый счет – 36 CUC.

На Кубе две денежные единицы: используемые туристами конвертируемые CUC (Cuban Convertible) и используемые местными гражданами неконвертируемые песо. CUC настоящие купюры, шуршат в руках, а песо какие-то замызганные. Разница между ними двадцать четыре к одному, то есть 1 CUC можно обменять на 24 песо. 1 CUC обменивается на 80 центов. Этим путем правительство будто бы считает валюту вражеской страны неотирующей. Самой ценной валютой здесь является евро.

Оказанные услуги и различная оплата подсчитываются отдельно для местных и иностранцев. Только теперь стало понятно почему в кафе на нас смотрели с таким интересом. Оказывается, туристы в такие места

заходят крайне редко. Молодая официантка ошибочно подсчитала деньги в песо. А зоркий директор подсчитал всё точнее – 36 CUC, то есть 864 песо, или 45 долларов.

К прежней неурядице прибавилась еще одна. За эти деньги можно было бы прилично пообедать в одном из отелей.

Официантка была смущена, я улыбнулся ей и подмигнул. Она улыбнулась в ответ, поняла, что я говорю «Не бери в голову!». А о моем смущении позаботился Леча: «Ну, ничего!».

На закате мы нажали на звонок одноэтажной красивой виллы. Дверь открыла похожая на героиню сериала «Гваделупа» женщина с ангельским лицом. Не дав нам договорить, она пригласила нас внутрь. Любезно указав нам на диван и кресло в углу фойе красивого дома, прошла в боковую комнату.

Появившийся через пять минут Санта Круз создал приятное впечатление в первые же секунды. Ему было где-то под шестьдесят. Человеком он был разговорчивым. По речам он был похож на серьезным образом начитанного правозащитника, получившего превосходное образование. Как и многие оппозиционеры он тоже некогда преподавал марксистскую философию в Гаванском Университете. Пристально отслеживает происходящее в мире. Он задавал такие вопросы в связи с Азербайджаном, что, казалось, вернулся оттуда недавно. А на самом деле он совершил

первый и последний визит за границу в 1988-ом году. В ту пору под серьезным давлением официальных лиц ООН ему позволили выйти из страны. Сейчас его главное желание – добиться отмены смертного приговора на Кубе. Он говорит, что 50 человек в стране ожидают исполнения смертного приговора.

...«Гваделупа» сперва убрала бумаги и книги со столика. Принесла по чашке кофе. Спустила жалюзи на окне за нами, закрыла приоткрытую дверь. Сделала всё это так нежно, что, казалось, по комнате передвигается не человек, а нежный ветерок. Каждый раз как она входила в комнату ход моих мыслей нарушался, я просил переводчика повторить сказанное. Я не мог разобрать: то ли она супруга этого известного правозащитника, то ли его помощница. Это место напоминало как дом, так и рабочее место, поэтому она могла быть как супругой хозяина, так и секретаршей директора. Но это ничего не меняло. Кем бы она ни была, место, где дышит такая женщина, воистину райский уголок...

Санта Круз что-то ей сказал и «Гваделупа» принесла два плаката с картой Кубы. Положила на диван и вышла. На одном из плакатов было написано «1958-ой год», на другом «2004-ый год». Это были сравнительные карты тюрем, исправительно-трудовых лагерей на Кубе за год до революции и 46 лет спустя. Черные точки обозначали тюрьмы, а красные – лагеря. В 1958-ом году было 14 тюрем, сейчас их больше 200. ««Счастье», принесенное на Кубу коммунизмом, можно ясно увидеть по этим картам», - говорит он.

Своей манерой говорить о нарушениях прав человека с помощью фактов, наглядным образом, своеобразными комментариями, ораторским даром, умением убеждать он напоминает наших правозащитников-женщин, особенно Новеллу Джафарову.

Вдруг посреди беседы в комнату зашел какой-то мужчина. Как только я услышал имя человека, у которого выпали не только волосы на голове, но и брови, и даже ресницы, я тут же его узнал. Это был известный борец за свободу, отсидевший в тюрьме свыше 11 лет диссидент, неоднократно объявлявший на долгий срок и не прекращавший сам голодовку независимый журналист Орландо (имена в книге изменены в целях их безопасности), награжденный многими международными организациями, но не имевший возможности получить награды из-за запрета власти. Как и многие кубинские интеллигенты он тоже получил образование в СССР. В октябре 2010-го года Парламент Европы наградил его премией Сахарова. На церемонии вручения его снова не было, а премия находилась перед его фотографией на стоящей на сцене пустой табуретке, рядом лежал букет цветов.

Когда я пожал ему руку мне стало не по себе, казалось, его рука без костей. Санта Круз рассказывал, что долгие голодовки, мучения в тюрьме привели к гормональным изменениям в его теле. Упадок его сил был замечен и по манере говорить и ходить. Только что вышел из тюрьмы (во время написания этих строк он снова в заключении – автор). Он голодал 200 дней с

требованием свободного доступа в интернет. Правительство дало ему безлимитный доступ в интернет, чтобы он прекратил голодовку, он не согласился, требуя этой свободы для всех.

Власть держала его под серьезным контролем, так как он находился в поле внимания международных организаций. Каждый раз, когда он находился при смерти, на последнем дыхании, переходили к обязательному питанию. Делали внутривенную инъекцию с питательными веществами. При взгляде на его бледный облик, впавшие глаза, мне отчего-то вспомнились наши «герои», голодающие не больше трех-четырех дней.

...«Гваделупа» вошла в помещение и увела в дружную комнату миленькую маленькую собачку, сновашую туда-сюда. Мне пришло в голову, что она могла бы быть Санта Крузу и дочкой, откуда знать, возможно...

Беседа с ним пробирала до самого сердца. Мы понимали насколько волевая личность скрывается в явленном нашему взору ослабевшем теле Орландо, говорящего сбивчиво, задыхаясь. Внутренняя вера в правдивость своих слов, справедливость своих поступков, неуступчивость даже на последнем дыхании, на исходе сил делали его достойным всяческого уважения.

На мой вопрос «Чем вдохновлено Ваше упорство?» он дал интересный ответ. «Отчего бьется, упорствует задыхающийся от нехватки воздуха, тону-

щий в воде человек? Это такое же упорство. Правительство добилось посредством террора страха, парализовавшего общество. Люди всего боятся, даже друг друга. Нищета, крайняя бедность, страх вызвали апатию, отсутствие надежды на будущее. Молодежь ничего не хочет менять, не хочет рисковать, у нее лишь одно на уме: переехать в другую страну, жить другой жизнью. 4-5 миллиона населения готовы покинуть страну при первой же возможности. Мне тяжело, очень тяжело видеть свой народ таким».

Когда ему не удалось продолжить, слово взял Санта Круз: «Народ Кубы жаждет свободы. Власть заключила в тюрьмы, убила, искорежила около 100 тысяч людей. Их семьи этого не забыли. Смерть Фиделя будет означать уничтожение символа режима. После этого люди станут требовать справедливости».

Он говорил, а я не сводил глаз с Орландо. Его лицо напоминало лицо распятого на кресте Иисуса – мука, спасшая человечество! Страсти Христовы! Его облик был отмечен святыми чертами, божественный нимб тоже находился на своем месте – над головой.

Подняв взгляд, я посмотрел на то, что показалось мне нимбом – «Гваделупа» стояла за диваном над его головой и держала его за плечи...

В Латинской Америке Гваделупой называют святую Марию...

Выйдя из того дома, я был легок как пар, будто увидел Иисуса в объятьях Марии. Может, благодаря

этой внутренней легкости меня не беспокоило то, что за нами увязался какой-то круглолицый тип в очках. В закрытой как «консервная банка» стране следить за человеком дело привычное.

Через полчаса блужданий нам удалось избавиться от «хвоста».

Действительно ли удалось?

Романтика сорокалетия

Постели бывают разные, как и люди. Они отличаются тысячей оттенков твердости и мягкости, запахом, вызывающим сотни ощущений.

Вызывающий ломоту в костях жесткий, как камень, топчан солдатской караульной либо подушки, одеяло и матрац из лебединого пуха в пятизвездочных отелях, чья мягкость уносит твои грезы к райским гуриям – и то и другое постель.

Череду разных ощущений вызывает как пропахшая кислым кумысом постель в пастушьей юрте в киргизских пастбищах, так и постель в парижском отеле «Софитель», пахнувшая французскими женскими духами, чей запах остается на тебе целый день.

Моя постель в квартире, которую сдал Карлос на одном из тихих улочек Гаваны, квартире, чьи окна выходили на цветущий садик, пахла 21 марта 2008-го года точь-в-точь как простыни и наволочки в армии,

которые менялись раз в неделю. То ли от дешевого стирального порошка, то ли от чего-то еще, постельное белье советской армии после стирки в прачечной пахло специфическим химическим запахом. Этот запах был неприятным, но не нестерпимым. Ты быстро привыкал к запаху, вызывающему ощущение бедности. К тому же, в армии страны, занимающей огромную территорию земли, армии, вызывающей страх во всем остальном мире, одинаково пахнущее каждое воскресенье постельное белье через пару дней впитывало запах миллионов молодых парней.

...После того как я проснулся запах «химии» улетучился, постель пахла мною, а из окна доносился аромат садика. Первый день весны в Гаване, не знающей зимы, был по-весеннему свеж. Каждый год я встречаю утро этого дня со странными чувствами, а на сей раз было совершенно другое утро.

Сын известного белорусского писателя-диссидента, оппозиционного Лукашенко, Богдан Орлов и казахстанский правозащитник, независимый журналист, некогда арестованный за свои убеждения Сергей Духанов уже проснулись в соседней комнате. Я слышал их не очень отчетливо, но по общему тону предполагал, что идет серьезное обсуждение.

Супруга Карлоса приготовила хороший завтрак. Она была доброй женщиной. Доставляла удовольствие как накрытым столом, так и интересной беседой.

Я заказал как обычно омлет из двух яиц, чай, кофе плюс сок гуаявы розового цвета. Мне нравились эти

друзья – улыбчивы, оптимистичны, окружают человека положительной энергией...

Супруга Карлоса смотрела на нас троих и не могла разобрать кто из нас старше, сколько нам лет. Не верила, что наш переводчик Богдан младше меня ровно на 15 лет, а Сергей на 15 старше. Было непросто определить, что 25-летний Александр моложе 55-летнего Сергея либо, что 55-летний Сергей старше 25-летнего Александра, один выглядел очень старо для своих лет, другой очень моложе. Казалось, оба ровесники 40-летнему Вахиду.

План дня объявил Сергей: «Возьмем машину и съездим в Санта-Клару, после дел на обратном пути поедem на море, а вечером что-нибудь придумаем». Водить полагалось Богдану. Утром они обсуждали именно это.

Вышло так, как сказал Сергей. Час спустя арендованный «Опель» мчался по направлению к Санта-Кларе. Расположенная в центральной части острова Санта-Клара считается колыбелью революции. В основном известна тем, что здесь в последние дни 1958-го года сражался Че Гевара. В 1997-ом году его останки были привезены из Боливии и торжественно захоронены в западной части города, на могиле был воздвигнут мавзолей.

На обратном пути из Санта-Клары после встречи с местными активистами нам даже в голову не пришлось посетить могилу Че Гевары. Мы сфотографировались возле памятника похожего на советские героические

памятники на выезде из города, да и то только ради статистического интереса.

Этот романтик революции может являться для кого-то героем, но мы считаем его виновником несчастья миллионов из-за своих абсурдных идей. Куба – пример перед глазами, итог неких романтических идей, ради которых он сражался: страна голода и нищеты.

Че Гевара чуть ли не сказочный герой Латинской Америки, ставший легендой символ борьбы. Че, «идущий впереди народов, борющихся повсеместно ради свободы», в особенности любимый герой молодежи. Этот революционер-авантюрист, сказавший «тот, кто не думает как я, не может стать моим другом», был влюблен в большевиков и их методы борьбы. Говорят, свою любовь к Ленину он продемонстрировал тем, что назвал сына Владимиром. Мало ли, в официальной биографии сына по имени Владимир у него нет. Разве не могут герои иметь неофициальных сыновей? Разве редко подтверждал мир вымышленную биографию тех, кто им управляет?

Биография сыграла немалую роль в том, что он в скором времени стал любимцем миллионов: родившийся в Аргентине в состоятельной семье и получивший буржуазное воспитание, прекрасно образованный герой «мира голодных и нищих», сменивший комфортное существование на тяжелую жизнь революционера в разных уголках мира, пожертвовавшая жизнью ради

своих идеалов легендарная личность, революционер, мыслящий в масштабе целого континента.

Убитый в 39-летнем возрасте Команданте, не перешагнувший в своей романтической жизни таинственный порог 40-летия!

Поставить на колени «тех, кто не думает, как он» и выстрелить в затылок – это было его хобби. Молодежь Кубы узнает об этом еще потом. А мы уже становились свидетелями того, скольких головорезов коммунисты сделали любимыми героями масс.

Диктатуры оставили все политические режимы позади в деле создания своих героев. Фильм Анджея Вайды «Человек из мрамора» (таких фильмов немало) – яркий пример того, как рядовой каменщик превратился в героя труда. Таких примеров тысячи.

Черно-белый портрет Че – известный по всему миру его символ, написал ирландский художник Джим Фицпатрик. Для того, чтобы идеализировать революционную романтику борца за справедливость прежде всего необходимо было создать красивый его образ. Последующие легенды и сказки будут выдуманы в соответствии с этим образом.

Эрнесто Че Гевара был очень мастерски придуман для подобного образа. Его красивые черты лица на фоне редкой бороды были очень привлекательны, а сигара во рту придавала особый оттенок его имиджу. Плавные движения, спокойная речь, острый ум, глубокий взгляд, залиvistый смех усиливали его харизму.

Женщины, находившиеся с ним в общении, в особенности журналистки не могли сколько бы не старались скрыть своего изумления.

Поклонников Че немало и в Азербайджане, у них даже есть клуб. Однажды мы крепко поспорили с одним из них. Он говорил так пламенно, будто они с Че сражались вместе в тропических лесах Кубы, в Конго и Боливии. Я пытался его убедить, что Энвер Паша⁷ как революционер-романтик гораздо нам ближе, что у него была ясная идея. Он прошел ради Турана путь, начавшийся с Турции, сражался с оружием в руках в степях Туркестана и там же умер. Кажется, мои слова заставили его задуматься.

Я купил на Кубе несколько сувениров с фотографией Че для одного нашего писателя-левака, давнего фаната Команданте. Почувствовав фальшь в его отношении к Че Геваре, как и в отношении к другим вещам, я раздарил купленные для него сувениры другим...

Когда мы доехали до пляжа поблизости Гаваны было уже за полдень. Хотя солнце не проглядывало, было жарко. Мы устроились под камышовым зонтиком, заказали еду и выпивку. Пока шел наш заказ, окунулись в воды Атлантического океана.

Океан выдает свое величие масштабом и тяжестью волн. Вода теплая, небо окрашено в тысячи оттенков облаков, а прибрежные пальмы стоят на страже

⁷ Османский военный и политический деятель, идеолог и практик пантюркизма, военный, поэт, художник. Активный участник Младотурецкой революции 1908 г., один из лидеров младотурецкой партии «Единение и прогресс» («Иттехад ве теракки»).

милующихся парочек. Жажда поймать высокую волну похожа на жажду слияния с самой желанной любовью. Встретив и проводив каждую такую волну, ты погружаешься в пучину и выныриваешь, смотришь вокруг как заново рожденный.

Со всех сторон люди, «проходят мужчины и женщины в обнимку», одни ложатся на песок, другие, образовав круг, нежатся под звуки ча-ча-ча, третьи целуются в воде.

Парочка, целующаяся в воде, была так счастлива, что позабыла обо всем мире вокруг, будто сплелись Адам и Ева до того, как отведать плод с дерева познания.

Когда чуть спулся темные облака нависли над океаном, сверкнула молния и гром заглушил голоса певцов, полил сильный дождь и все стали искать укрытия, «Адам с Евой» не убежали, они продолжали целоваться. Сквозь пелену дождя они смотрелись как за тюлевой занавеской.

В океане никого кроме них не было, лишь вдали были заметны какие-то редкие точки. Собравшиеся под навесами вдоль берега люди смотрели на эту картину как на фильм о любви.

Шли минуты, число и высота волн возрастали. Молния вычерчивала кардиограмму неба. Океан слился с небом – это слияние обладало звуком, от которого шли мурашки по коже. А любовники не отстраивались друг от друга, крепко держались за судьбоносный миг и не хотели отпускать.

Люди беспокойно на них смотрели, некоторые паниковали. Одна француженка, которой было уже за шестьдесят, вышла из-под зонтика и дошла до берега под тяжелыми теплыми каплями дождя, встала лицом к паре и начала аплодировать. Французская романтика дает о себе знать даже под проливным дождем – ее поступок пришелся мне по нраву, вот я и подбежал к ней. И тоже принялся аплодировать! Сначала к нам присоединился Богдан, а затем и Сергей. Немного спустя к нам присоединились и другие, поодиночке, впятером, вдесятером. Эти туристы, приехавшие с разных уголков земли, возможно, смотрели самый интересный живой фильм в своей жизни. Местные ребятишки, продающие мороженое и фрукты, радостно кричали.

Первым нас заметил «Адам». Он разомкнул свои объятия. Показал своей половинке на нас, они обернулись и стали смотреть как полный людей берег аплодирует им. Поначалу несколько смутились, затем помахали нам и поплыли к берегу...

Когда мы вечером покинули пляж, погода прояснилась, исчезли черные облака, солнце было на своем месте, будто не хотело уходить, не поздравив меня.

Мы сдали машину и сели в такси. Сергей сказал, что мы поедem в отель «Melia Nabana», я обернулся и посмотрел на него. Это было дорогое заведение. «Этим вечером угощаю я», - сказал он.

«Melia Habana» один из самых известных отелей в городе, каждый вечер в его ресторане проходит интересный концерт. Сегодняшний вечер был одним из таких вечеров. Мы ели и пили с друзьями, развлекались. Богдан был навеселе. Может, именно потому ему захотелось сделать интересный подарок на мое 40-летие. Он отошел и вернулся минут через пять. Вернулся не один. Рядом с ним стояла гаванская красотка.

Я не мог принять его «подарок». Сергей тоже забеспокоился. Взгляд, улыбка, страстные манеры девушки не смогли нас очаровать, намного более сильное чувство не давало нам вести себя непринужденно...

Мы убедили его вернуть девушку назад. Наутро он сам удивится тому, как быстро с нами согласился. Богдан проводил красотку к ее столу, вернулся и достал из кармана черное жемчужное ожерелье: «Верный муж, подаришь своей супруге».

Мне было не по душе, что он дарит мне ожерелье, купленное вчера для кого-то другого. Он настаивал, отказать и от «второго подарка» было неудобно, пришлось взять. А Сергей подарил ремень из змеиной кожи: «В 40 лет человек сбрасывает кожу, как змея. Не будешь носить – так повесишь на стене».

В тот вечер все тосты были адресованы мне. Один из моих друзей говорил о романтике 40-летия, другой – о его мудрости. А мне вникнуть в эти слова не удавалось – в оглушающей музыке ресторана находилась безмолвная тишина и чужой колкий взгляд среди сотен смеющихся глаз...

Выйдя в полночь из ресторана я ощутил на спине чей-то недобрый взгляд. Обернувшись, заметил утрашающие глаза какого-то худосочного мужчины. Я его уже где-то видел, но вспомнить не мог.

Когда я сел в такси, его холодный как лед облик еще раз ожил в моей памяти. Я его узнал! Я видел его за день в трех разных местах: при выходе из дома одного диссидента в Санта-Кларе, на пляже и вот сейчас. Сергей тоже его заметил: «За нами следят!!!».

Друзья превратили в праздник первый день моего 40-летия. А в первую ночь своего 40-летия я лег в мягкую, как колыбель, постель, которая уже не пахла «химией». В самой надежной постели на свете меня отныне не пугала никакая слежка. Темная энергетика впившегося в спину взгляда тоже не имела надо мной власти.

...Вдруг посреди ночи я проснулся весь в поту: «За нами следят???».

Путь слова

После того, как Бог создал из глины человека и вдохнул в него жизнь, прежде всего он даровал своему созданию путь, не показал ему пункт назначения, но указал на начало пути, и судьбу его вписал в этот путь. Путь – второй по значимости дар Бога после его веления «Будь!».

Люди, прежде чем проложить путь к сердцам друг друга, нашли путь к пещерам друг друга. Затем вместе вышли на первую охоту человека. Путь охоты – первый прямой путь, на который вышел человек.

После возвращения с охоты, насыщения пищей, умиротворения начался путь от глаз к глазам. После того, как начавшийся от глаз путь перешел в сердце, возникла первая на свете любовь.

Интересно, кем был первый влюбленный в пещерном мире, какими были его первые слова?..

Вместе с путем первой любви параллельно ему начался и другой путь – путь ненависти. Жители пещер не переваривали первого в мире влюбленного и потому принялись к нему придирааться. Так возник первый протест против правил. Первое свободное слово на свете было сказано ради свободной любви. И первый влюбленный человек на свете был первым борцом за свободу слова.

Пещерные вожди сразу смекнули, что свободное слово – вирус, а тот, кто его говорит – носитель этого заболевания. Так что они изгнали его из пещеры. Так появился первый на свете диссидент. Поверьте, всё так и было: как только у человека появилось самосознание, он начал самовыражаться, и, тем самым, стал жертвой своего слова.

Начавшийся с тех пор процесс всё еще продолжается...

Изгнанный из пещеры влюбленный поначалу был уверен, что одинокая свобода лучше взаимозависимос-

ти! Затем он боится хищников, например, динозавров, голода и холода, одиночества, чуть ли не сходит с ума от отчаяния. Меняет свое мнение и возвращается в пещеру – принимает самое тяжелое из условий. Первый на свете раб рождается именно в тот миг. Человеческий характер обретает новый оттенок – рабство.

Сущность рабства в потребности защиты, опеки. Вот уже тысячи лет человек не может отбросить эту привычку, потому что раб не только тот, кто пытается искать опеку, но и тот, кто эту опеку принимает.

Начавшийся с тех пор процесс всё еще продолжается...

Не успели мы выехать из города как нас оштрафовал дорожный патруль за то, что я припарковал машину в запрещенном месте. Здесь не к чему упрощать: «Ей-богу, я остановился всего на пять минут». Полицейский чинно выписал штраф, получил полагающиеся 20 CUC, а я подумал: «Это плохая примета перед началом пути». Но мне понравились обходительность полицейского, то как он до мельчайших деталей, раз за разом, с азартом объяснял нам предстоящий маршрут. Даже информационные бюро стран первого мира не оказали бы такую услугу за такие деньги.

Еще до того, как здесь оказаться, мы решили съездить в отстоящее от Кубы на 800 километров Сантьяго-де-Куба на машине и вернуться самолетом. В Гаване мы составили список людей, с которыми

следовало встретиться, сворачивая по пути в города. Встретиться с известными, уважаемыми общественными и политическими активистами провинции нам посоветовали друзья в Гаване.

Нам следовало запомнить имена, адреса людей в списке, а бумаги сжечь, они никоим образом не должны были попасть кому-либо в руки. Друзья сохранили сведения во флешке в наручных часах Лечи, а список сожгли.

Эти флешки – удивительная штука, можно спрятать информацию размером с целую библиотеку в штучке размером с ноготок. Сейчас из всего делают флешки; ручки, медальон, брелок, кольца и т.д. Даже в голову не придет сколько секретной информации ты носишь с собой в медальоне на шее. А я список у себя в сумке не сжег, оставил бумаги, чтобы часто заглядывать, делать пометки, так как работать с бумагой удобнее. За это я еще поплачусь.

Машину мы арендовали день назад в CUBATUR в отеле «Nacional», контракт гласил, что мы должны сдать автомобиль в офис бюро, расположенный в отеле «Melia Santiago» в Сантьяго-де-Куба. Аренда автомобиля на день в CUBATUR обходится в 80-120 евро. Так как немецкие машины обходились дорого, я выбрал компактный «Chery», производства Китая. Бензин залил еще с прошлого вечера.

Литр бензина здесь стоит 1 евро. Для местного населения цены ниже. Нефтью страну за невысокую цену снабжает Венесуэла. Уго Чавес считает Фиделя

Кастро своим наставником и потому частенько его навещает. Если б власти не разрешили туризм после прекращения помощи из Советского Союза и если б не было Венесуэлы, возможно Куба не справилась бы с эмбарго США. Куба занимает особое место в Латинской Америке. Некогда она повлияла на эту часть мира своей романтической идеологией. Говоря о влиянии, я имею в виду экспорт диктатуры. Так что, новые диктаторы не захотели остаться перед ней в долгу.

...Перед тем как выехать утром на главную магистральную дорогу Кубы, раскинувшуюся от одного конца острова до другого, я волновался. Я впервые собирался водить машину за границей. Меня порядком напугала весть о том, что некий поляк сбил человека и вот уже два года сидит в тюрьме. Именно по этой причине я собирался водить лишь в светлое время суток.

Главная задача – выйти на указанную на карте магистраль «Autopista A1». Эту главную дорогу страны называли Nacional. Уже больше часа я не мог найти дорогу. Терпение готово было лопнуть. Нервы были на пределе. В конце-концов, я притормозил и обратился к какому-то молодому парню на обочине: «Дам тебе 10 CUC, сядь и выведи нас на магистральную дорогу». Он глядел на нас с подозрением, но сел охотно. И деньги потребовал вперед.

То ли сам он был туповат, то ли нас держал за тупых – разобрать я не мог. Когда мы свернули на лежащий перед нами мост и вышли на верхнюю трассу,

он попросил остановить машину и сошел. Указал на прямой путь. Оказывается, всё это время мы кружили на шаге от главной трассы. Выходило, туповаты были мы сами.

На пути к городу Камагуэй я уже привык к рулю, никаких волнений не осталось, наоборот, я начал получать удовольствие от дороги. Легкий дождик поднял настроение. У первого встречного велотаксиста мы справились о том, где можно переночевать. «За мной», - скомандовал он. Я поехал за ним. Мое внимание привлекли его голые крепкие ноги, от вождения жилы на его ногах выглядели каменными. Его рубашка, на спине которой красовалась надпись «Робинио», была испачкана грязью из-под колес.

Культура вождения здесь очаровывала. Велосипедисты, извозчики тоже строго соблюдают правила. Остановившаяся на красном свете лошадь извозчика выглядела культурнее многих наших водителей.

Свернув через улиц пять, он привел нас в один дом. За эту услугу мы дали ему 3 CUC. Место было сносное, вот мы и решили остаться, одна комната на троих – искать другого нет нужды. Отдохнув часок, мы вышли в город, искать местных активистов.

Камагуэй расположен в центре острова. Это третий по величине город страны. Столица одноименной провинции. Узкие улочки, бесчисленные тупики, кривые повороты города напоминают лабиринт. Говорят, город специально так заложили в прошлом, чтобы скрываться от пиратов, взять перевес в уличных боях.

Мы встретились до самого вечера со многими людьми в церкви, библиотеке, квартирах и домах. Самая запоминающаяся встреча состоялась с Натальей. Мы навестили ее у нее дома. Ее мужа арестовали за политические взгляды. Она говорила с нами на чистейшем русском. Мы узнали, что она из Украины, бывшего Ворошиловграда. Она не знала, что название города давно сменили на Луганск. Говорит, приехала на Кубу в 1975 году. В ту пору она влюбилась в своего кубинского сокурсника, затем они поженились и приехали сюда. Раньше она получала письма от семьи, а теперь связь полностью оборвалась. Она смотрела на нас так, будто видела родных. Когда мы спросили жалеет она или нет что приехала сюда, вместо ответа у нее из глаз полились слезы.

Квартира напоминала русский деревенский дом. Всё в доме старое, вещи полностью обветшавшие. Чувствовалось, она на протяжении долгого времени не ест досыта. После того, как арестовали мужа, ей стало совсем худо. Раньше работала на табачной фабрике. А сейчас работу ей нигде не дают, нет денег, нет еды, нет детей и надежды нет. На этом острове у нее ни одного родного человека. Единственное, что у нее осталось – приятные воспоминания о молодости, прошедшей на родине. Ее хорошо поймет тот, кто сам тоскует по родине.

Единственный ее друг в полуподвальной квартире – одиночество. Она была не из тех женщин, кто гордится «гордым одиночеством», она была беспо-

мощна и никому не нужна. Самое нестерпимое одиночество – это одиночество женщины, увязшей в нищете. У нее накопилось долгов соседям около 30 CUC. Я дал ей 50 CUC, то есть около 50 евро. Это было первое проявление местничества с моей стороны на Кубе, ведь мы оба люди советские! Своим положением Наталья напомнила мне слова советского писателя-эмигранта Сергея Довлатова: «Деньги, скажем, у меня быстро кончаются, одиночество — никогда...»

Я вышел из квартиры с тяжким камнем на сердце. Будь проклят деспотизм! Здесь ради счастливого будущего эксплуатируют людей, унижают их. На Кубе в фабрике, где некогда работала Наталья, один работник за день производит 200-300 сигар. Государство продает одну сигару за 3 доллара. Один работник производит за месяц сигар на сумму 18-25 тысяч долларов. А взамен получает зарплату в размере 10-15 долларов.

...Вернувшись вечером в снятую квартиру, мы увидели, что хозяйка о чем-то серьезно говорит с двумя людьми. Нашего прихода не ждали. Как только чужаки спешно ушли, мы сразу почувствовали испуг хозяйки. Она безуспешно пыталась это скрыть. Мы быстро прошли в комнату и проверили свои чемоданы. Они в них копались, но ничего не взяли.

Значит, и здесь за нами следят!

Ужинали мы как ни в чем не бывало. Мы изменили план и не сказали хозяйке, что уедем с утра. Когда мы встали утром и собрались в путь, хозяйка растерялась, она не ожидала такого скорого ухода. Но, воз-

можно, она радовалась, что эти странные гости так скоро уходят.

Перед тем как выйти я справился у нее о дороге в Гавану. Хотел запутать следы. Я не сомневался – она сообщит куда надо, что мы покинули город.

Когда они ждали нас на дороге в Гавану, мы уже держали путь в Холгуин...

Я сидел в машине и солнце всходило с моей стороны. Будто хотело сказать: не бойтесь, я здесь. На широкой двусторонней дороге машины появлялись изредка. Мне, привыкшему к пробкам и стопотворению машин, водить на пустой дороге доставляло особое удовольствие. Но всё внимание сосредоточилось на зеркале заднего вида. Хвоста за нами не было. Значит, удалось улизнуть.

Мое внимание привлекали люди в желтой униформе на остановках по всему пути. Это были не военные, какие-то спецработники. Я припарковался у маленького кафе, чтобы позавтракать, и снова увидел людей в униформах. У сидящих за соседним столом мы узнали: это дорожные контролеры, на деле их должность состоит в регулировании работы общественного транспорта, но они также отмечают в тетрадях кто в какое время садится в определенный автобус и куда едет. Это – простейший способ держать население под тотальным контролем. На Кубе прописка дело серьезное, нарушение карается арестом.

В Холгуине мы встретились со многими, самая за-

поминающаяся встреча состоялась с молодым писателем Луисом. Я быстро заметил в его квартире с земляным полом книги, пишущую машинку, гантели разных размеров, ему сострадала и святая Мария, смотрящая из рамы на стене. Так как у Луиса нет шансов на публикацию своих произведений, он делает переводы из иностранной литературы. Тем и перебивается. У него нет права на выбор полюбившейся литературы, право выбора в руках государства. Я говорю ему: многие советские писатели и поэты тоже перешли на перевод когда оказалось, что их собственные произведения не печатают. Он слушает с интересом.

Действительно, перевод – прибежище для непечатающихся писателей в диктатурах.

«Она мне и любовница и мать», - говорит он, указывая на старую, ржавую пишмашинку. Трогательная картина. Решение подарить ему компьютер нашего переводчика долго не обсуждалось. Сам я не люблю брать в дорогу компьютер, не то подарил бы свой. Мы убедили его и пообещали, что как только вернемся – получим компьютер самой последней модели у Комитета по Правам Человека. Что могло бы быть более благим делом, чем решение подарить компьютер арестованному за свободу слова и сосланному в Холгуин Луису... Книги, которые мы принесли, тоже пришлось ему по нраву.

Как знать, может самое великое произведение 21-го века напишется именно на том компьютере. Может, мы встречались с Маркесом нового века. Видеть бы

вам его радость... Жаль, у меня не хватает способностей эту радость описать. На его лице расцвели самые чистые чувства, которые Бог дарует человеку еще в материнской утробе.

Глядя на него я думал, что вижу первого на свете борца за свободное слово, который миллионы лет назад был изгнан из племени, выброшен из пещеры за свои слова.

...Может, если бы первый на свете борец за свободу слова не был бы изгнан из пещеры человечество всё еще находилось бы в этой пещере?! Как знать...

Страшное Гуантанамо

Если б меня спросили в чем сила дьявола, я бы не раздумывая ответил: в страхе, живущем в человеческом сердце. Во главе любой борьбы стоит борьба человека со своим страхом. Сын человеческий ведет эту борьбу с самых незапамятных времен, когда еще только-только формировалась его сознательная жизнь.

Самая желанная победа – победа над страхом. Самые торжественные мгновения на свете – те, которые ты испытываешь по ту сторону страха, оставшегося позади. Первый навык человека – покорение устрашающего огня, появившегося от ужасной молнии и возможность согреться от его тепла. Охота на мамонта, на которого наши предки шли с большим страхом, его добыча и приготовление – означали преступание страха и испытание наслаждения...

Если б Спартак вместе с 70 своими сторонниками не подавил бы страх в своем сердце раба, он не поднял бы восстание! Если Меджнун, не побоявшись ничего, не раскрыл бы свое сердце источнику жизни – Лейли, он не стал бы Меджнуном, так и остался бы Гейсом.

...Пространство мышления страха узко. Здесь находится лишь инстинкт выживания. Страх в сердце человека – генератор чувств, ищущий постоянно пути для того, чтобы остаться невредимым.

Жизнеобеспечение страха состоит в том, что он балансирующая сила – в страхе есть баланс, но это не гармония. Все полководцы создали свои армии с помощью баланса страха, также и все короли создали свои государства. Сила всех религий в страхе перед Богом, Судным днем.

... но Страх – изнанка Свободы. На первый взгляд свобода перекликается с хаосом. Это не так. Ее хаотичность напоминает «хаотичный» порядок звезд на небе, ее гармония в божественном порядке. Пространство ее мышления широко, чуть ли не от звезд к звездам.

Прогрессивное человечество обратило страх в свободу и тем самым нашло путь спасения. Человек понял, что свободный солдат сражается лучше раба, свободный человек по сравнению с рабом – верный гражданин, любовь свободного человека к Богу – более искреннее поклонение, чем страх раба.

... Что поделать, страх, как и жажда свободы, вечен, умирает сегодня, но завтра уже оживает – их битва бесконечна, как у Добра со Злом!

На четвертый день нашего пути мы доехали до очередного города на автобане Гавана – Сантьяго-де-Куба. Баямо расположен на пересечении магистральных автомобильных и железнодорожных путей. Река Баямо, разделяющая город на две части, радует глаз зелеными берегами. Но и здесь, как и у нас, новый асфальт лишь у главной улицы, фасады зданий окрашены, тротуары подметены, а внутренние улицы в ужасном состоянии.

Мы остались здесь на одну ночь. Утром я передумал. Я, будучи заграницей, нередко так поступал и шел в первом пришедшем на ум направлении. Запоминаются именно такие полные приключений дороги. Надо бы написать книгу о таких «поездках». Дай Бог!

Я убедил друзей и дважды отклонился с намеченного маршрута. На одном из поворотов мы изумились банановым садам вдоль дороги. Здешние бананы не такие красивые как у нас на базаре, они маленькие, с пятнами на кожуре, но вкус... Разница во вкусе между продающимися у нас бананами и бананами в садах Кубы точно такая же как между нашими яблоками «гызлэхмеди» и привозными яблоками из Аргентины, которые не теряют «свежести» несколько сезонов.

Радость сельских рабочих, трудящихся на плантации сахарного тростника, при виде нас напомнила мне радость школьников, отправляющихся на сбор хлопка. Мы притормозили машину и захотели поинтересоваться житьем-бытьем. Они, смеясь, попривет-

ствовали нас выкриками «Hola! Hola!», то есть «Привет! Привет!». Но тут один прикрикнул на них и повисла тишина, будто бросили камень в лягушатник, склонив головы они вернулись к работе. Вероятно, это был их бригадир. Подарив фальшивую улыбку этому «бригадиру» с недовольным лицом, я вернулся в машину.

Первое «отклонение от маршрута» завершилось в Манзанилло, что у берега залива Гуаканаябо.

Вторым незапланированным местом, куда мы отправились, стал Гуантанамо, привлечший нас одним своим названием. Единственным человеком, с которым там можно было встретиться, был бывший юрист Педро, долгие годы живший жизнью политзаключенного, а теперь больше известный как религиозный служитель (все имена в этом цикле очерков изменены – автор). Мое предложение понравилось и друзьям.

Мы свернули налево от главной дороги Кубы «Autopista A1» и направились в сторону Гуантанамо, чье название не сходит с новостных лент во всем мире. Настроение было хорошим. Мой московский друг, этнограф, самый тихий чеченец на свете Леча напевал себе под нос некогда гремевшую песню Муслима Магомаева «Гуантанамера» и это придавало особый фон пейзажу за окнами автомобиля. Оказывается, «гуантанамера» означает «девушка из Гуантанамо».

Мы ехали уже несколько дней. Оставили позади около тысячи километров, но не встретили по пути ни одного полицейского. Увидев полицейский пост с

шлагбаумом, поняли – это особое место. Думали, нас не остановят, ведь мы туристы, но ошибались. Лишь спустя некоторое время мы узнаем: нас остановили именно потому, что мы туристы.

Забравший наши паспорта молодой полицейский вернулся ровно через полчаса. Так как в этой провинции расположен известный тюремный лагерь США Гуантанамо, здесь главенствует серьезный режим. Здесь жарко, нет исторических памятников и центров отдыха, поэтому туристы тут появляются крайне редко. А тот, кто появляется, проходит серьезную проверку. Нас тоже проверяли, однако было подозрительно, что обычная проверка так затянулась.

Мы уловили, что за нами неоднократно следили. Неоднократно видели шпионов, увязавшихся за нами после встреч с представителями политической оппозиции, находящимися под полицейским контролем.

Мы были уверены: они сообщили о нас в центр и теперь ждут инструкций. Только теперь мы понимали, что наш приезд в незапланированное место – ошибка. Мы обсудили между собой что скажем, когда откроют чемоданы и увидят политическую литературу, спросят о цели визита, найдут в медальоне-флешке на шее Лечи список с именами и адресами около пятидесяти общественных активистов по всей стране, с которыми мы уже встретились или собирались встретиться. Я не сказал друзьям, что один экземпляр этого списка все еще у меня в сумке, когда те сожгли свои я свой оставил. Если б сказал, то вызвал бы лишнюю тревогу, бес-

покойство. Я и так рассказывал им о снятом англичанами фильме «Дорога на Гуантанамо», описывал страшные тамошние пытки и шутил. Я делал это для того, чтобы сломать как лед нависшее холодное молчание, тоскливый страх. Достать и изорвать на мелкие клочки бумаги со списками было уже поздно, салон машины просматривался как на ладони, контролировалось каждое наше движение.

Сердце тех, кто недавно распевал «Гуантанамеро», теперь охватил страх. Страх вызывал спазмы в животе, это всегда так, человек ощущает страх в первую очередь в животе.

Я старался прочесть не только каждый шаг возвращающегося с нашими паспортами полицейского, но и каждое движение его руки, каждую черточку лица. Что он скажет? Что предпримет? Арестует ли нас как разоблаченных шпионов?

Я собрал волю в кулак и никоим образом не позволял нутряному страху разлиться по лицу. Если ущипнуть пальцами мочку уха – можно сделать нечувствительной боль в другой части тела и точно так же изгнать из сердца страх. Это нам сказал Леча, во всяком случае чеченцу о таких вещах знать лучше. Я так сильно сжал ногтями мочку уха, что лишился не только страха, но и чуть ли не ума. А полицейский возвращаться не хотел; он то и дело останавливался и беседовал с другими полицейскими. Каждый раз, когда он так останавливался, замирали и наши сердца.

Наконец, полицейский подошел к нам. Вернул

паспорта, не сказал ни слова, просто, фальшиво улыбнулся, как я некоторое время назад «бригадиру». Ясно, нас отпустили, хотели знать куда и зачем мы направляемся, с кем собираемся встретиться.

...Свобода, последовавшая после страха, объяла нас. Радость наша не вмещалась в салон автомобиля, переливала через край и рассеивалась по всей округе...

Ища Педро на улицах Гуантанамо, чьи здания напоминали солдатские казармы, ища его поначалу дома, затем в церкви, встретившись в комнате с различными иконами, последовав за его велосипедом к нему домой, мы не знали, что этот диссидент, наделавший шумиху своими политическими стихами и статьями, сослан в эти края как самый опасный враг власти, общения с ним бояться даже соседи и церковные служители. За таким следит не одна пара глаз.

Выезжая из Гуантанамо я понимал: визит в эти края был серьезной ошибкой. Но уже было поздно. Случится то, что должно случиться. Они знали наши паспортные данные, номер машины, выйти из-под контроля казалось невозможным. Хотелось лишь одного: спокойно доехать и сдать машину. Лишь бы не было какого-нибудь несчастного случая, лишь бы не устроили подставную аварию. Совсем не хотелось очутиться в кубинской тюрьме.

Как только мы доехали до Сантьяго-де-Куба первым делом нашли отель «Melia» и сдали машину в местный офис CUBATUR. Осмотрели комнаты отеля, не могли решиться остаться или нет, так как были уве-

рены, что за нами следят, а при таком раскладе оставаться в отеле – неверный шаг. С другой стороны, разве не могли они за нами следить где угодно?!

Мы вышли и нашли в городе съемную квартиру. Квартира принадлежала пожилым супругам, сдающим одну комнату туристам. Их недавно женившийся сын тоже жил здесь со своей супругой. Отец с сыном целыми днями сидели в кресле-качалке и смотрели телевизор под вентилятором. На Кубе популярен государственный канал Венесуэлы, как турецкие каналы у нас. Видимо, канал этот не допускает никаких политических «ошибок», вот и разрешают его трансляцию.

После происшествия в Гуантанамо мы решили отложить все встречи и только лишь гулять да отдыхать, как настоящие туристы. В конце, за несколько часов до вылета мы согласились встретиться лишь с одним человеком – священником отцом Карреро. Мы согласились, чтобы молодой парень, которого хозяйка назвала «соседским сыном Диего», выступил для нас в роли водителя, и это стало нашей следующей ошибкой, о чем мы узнаем в день отъезда из города.

В течение двух дней днем мы по совету Диего посещали музеи и исторические памятники, а вечером развлекались в ресторанах.

К единственному человеку, с которым мы собирались встретиться в Сантьяго-де-Куба, мы поехали на другом такси. Мы на всякий случай не хотели, чтобы Диего знал с кем мы собираемся встретиться. Беседа

со священником отцом Карреро была так же интересна, как висящие на стене его комнаты сюрреалистические полотна. На первый взгляд ты не можешь разобрать что здесь нарисовано, затем различаешь разных животных и насекомых, приглядевшись повнимательнее, видишь, что даже рога животных, хвосты насекомых, лепестки цветов в форме серпа и молота – символа коммунистов. Я старался понять смысл картин. Я сфотографировал те картины, хотя священнику это не понравилось. Когда я задал вопрос о картинах, он всего лишь улыбнулся, отвечать не стал. Тем самым хотел сказать: не спрашивай того, что знаешь!

Самый известный религиозный служитель страны, беседующий с незнакомыми людьми на любые темы, осторожничал. Этот миловидный священник, не желающий говорить с нами в открытую, сказал немало интересного. Никогда в жизни я не видел такого умного служителя религии. По сравнению со многими нашими муллами и ахундами, он был очень образован, знал чуть ли не всё. Слушая его, я понимал: передо мной интеллигент, говорящий с настоящей душевной болью о судьбе своей страны, ее правительстве, политической оппозиции, диаспоре, обществе. Дело было вовсе не в том, что нам он не доверял, его слова могли подслушиваться органами спецслужб. Так что, далеко он не заходил, однако даже обычная его речь позволяла прочувствовать глубину его ума, широту сердца.

Прощавшись с ним и сев в такси, я сделал в тетради следующие заметки: «Героизм не в том, чтобы

быть представителем власти и проклинать оппозицию, либо наоборот, быть оппозиционером и проклинать власть, отважный человек будучи во власти не боится ее критиковать, будучи оппозиционером не боится критиковать ее лидера. Но лучше вообще не находиться ни здесь, ни там, в таком случае границу своих слов очерчиваешь собственноручно, сам их контролируешь».

Пять лет спустя я вновь увидел отца Карреро в Кракове при получении специальной награды на конференции, посвященной десятой годовщине «Общества Демократий». И лишь тогда понял этого благородного мужчину. Оказывается, этот человек, которого неоднократно арестовывали и каждый раз отпускали по настойчивому требованию Папы Римского, не только служитель религии, но и выдающийся борец за свободу...

Приехал Диего со своей девушкой, чтобы отвезти нас в аэропорт. За эти дни мы по-настоящему сдружались. Наверно, поэтому высадив нас, он дожидался до самого отлета. Но ушел он внезапно, взял девушку за руку и сказал, что хочет уйти, они обнялись и распрощались с нами. Как только они вышли из зала, к нам подошла группа людей, одни в штатском, другие в военной форме. Только теперь я понял: Диего дожидался, чтобы выдать нас.

- Предъявите документы! Следуйте за нами!

Вот и конец! Следуя за ними, я проклинал себя за то, что не уничтожил лежащий в сумке список с име-

нами и адресами политических оппозиционеров, диссидентов, общественных активистов.

Я ощущал внутри себя Страх как груз, справиться с которым был не в силах. Больше ни одно средство Лечи от страха не могло прийти мне на помощь.

...Надежда, как всегда, оставалась лишь на Бога!!!

Радость конца

«Хотел бы, чтобы меня повесили как коммуниста, при одном условии: пусть перед словом «коммунист» на моей груди будет написано «последний»!»

Худу Мамедов

Да славится воля Творца: каждой вещи, каждому живому существу положен предел, как и начало: однажды родившийся однажды умирает, однажды начавшееся однажды завершается. У твоего пути и мира, в который ты пришел есть как стартовая точка, так и финиш. Когда возникли эти горы, реки, небесные светила?! А когда разрушились, высохли, угасли горы, реки и светила, от которых на сей день ничего не осталось?! Расстояния между началом и конечными точками различны, различно и время, измеряющее это расстояние – смотря кто измеряет...

Пусть тебе не кажется длинным время от возникновения солнца до того дня, когда оно погаснет, самое протяженное время между возникновением и концом не это! Самое протяженное время находится между на-

чалом человеческих бед и их завершением! Еще и потому, что «Жизнь тирании длиннее жизни тирана» (Виктор Гюго).

Всё начавшееся постепенно разрастается. Как хорошо, что всё начавшееся когда-нибудь завершается, не то избыток всего может обернуться трагедией: вода может обернуться паводком, воздух бурей, подземные газы землетрясением, деньги самодовольством, безденежье падением нравственности, власть тиранией...

Нас привели в комнату управления безопасности аэропорта Сантьяго-де-Куба. Проводили внутрь и приказали положить сумки на стол в углу комнаты, выключить телефоны. Вышли, закрыв дверь. Кроме четырех столов и семи-восьми стульев в комнате больше ничего не было. Сквозь одно маленькое окошко просматривался хвост самолета, сквозь другое – открытое небо.

Мы прождали где-то полчаса. По-русски между собой не говорили, нас могли бы понять. Так что, я обращался к переводчику Эльнуру на азербайджанском. Говорил ему, чтобы он переводил лишь то, что скажу я, перед тем как ответить на заданные ему вопросы – переводить их мне, не вставляя ни одного своего слова. В ту пору Эльнуру шел 21 год. Я шутил, громко смеялся, чтобы он не боялся, но в то же время старался объяснить – следователи мастерски умеют вытягивать нужную информацию.

С московским другом, чеченцем Лечой мы перекинулись парой слов. Из моих чудных фраз он понял: наши слова не должны расходиться, то есть мы парт-

неры по бизнесу, я в Баку, он в Москве, у нас совместный бизнес, а молодой человек – студент, приехал с нами усовершенствовать свой испанский.

Шли минуты, но никто не появлялся. Время вылета самолета осталось позади, возможно, он уже улетел. Беспокойстворосло до предела. Будут допрашивать, в этом я не сомневался. А время тянут специально. Наверно, наблюдают за нами со стороны, наблюдают за поведением, подслушивают наши слова. В такой ситуации надо быть хладнокровным, иначе – пропал!

По пути Эльнур слушал на телефоне арии молодого исполнителя роли Кёроглу⁸ Рамиля Гасымова. Эльнур влюбился в его исполнение. Именно потому я завел речь о Кёроглу, вспомнил то, как его обманул Кечял Хамза, как он попал в темницу Джалил-паша и сравнил с нашим нынешним положением. Мои шутки подняли Эльнуру настроение. Смеялся и присоединившийся к нам Леча, хотя ничего и не понимал. Страх можно одолеть и шутками, упростить самое серьезное положение вещей. Пусть те, кто за нами наблюдают, увидят: мы простые туристы, весь мир нам нипочем.

Всё это находилось на поверхности. А внутри мы беспокоились. Надо было быть готовым к любому повороту событий. Я даже ожидал, что принесут камеру, изобличат нас как врагов кубинской революции, а затем разнесут на весь мир, что «империалистические силы покушаются на свободу кубинского народа». Я

⁸ Опера (1936 г.) азербайджанского композитора Узеира Гаджибекова по мотивам одноименного эпоса.

думал в первую очередь потребовать послов России и Турции. И не отвечать ни на один вопрос пока не придут послы. Я решил, что учинить политическую шумиху, опередив их, пойдет нам на пользу.

Я успокоил себя этими соображениями. Был готов ответить на все вопросы, боялся лишь обнаружения списка в моей сумке. Вот и расплата за то, что вовремя его не уничтожил. Я отдавал себе отчет насколько большой политический скандал возникнет, когда они, порывшись в моей сумке, найдут список, увидят фотографии этих людей в моем фотоаппарате. А задумавшись о том, что они могут прибегнуть к пыткам, я чуть ли не потерял рассудок.

Но было уже поздно. Если бы обнаружили список и фотографии, не оставалось ничего иного кроме выступления с политическими заявлениями. Я принялся бы проклинать коммунистов, сказал бы, что за эти пятьдесят лет они привели народ в бедственное положение. Я принялся бы во весь голос кричать: некогда коммунисты поработили и наш народ, а теперь в этом жалком состоянии находятся и бедные кубинцы. О последствиях своего истерического выступления я уже не задумывался.

Наконец, дверь открылась. Вошли трое, средних лет, в гражданском, спортивного телосложения. Сели за главный стол. Первым начал я. Спросил почему нас сюда привели, сказал, что опаздываем на самолет, потребовал обратно паспорта. Один из них, больше похожий на мексиканца, чем кубинца, не обратил внимания на мои слова, указал место для сидения и

принялся сам степенно задавать вопросы.

- Почему вы сюда приехали?
- Мы туристы, приехали погулять, отдохнуть...
- Почему для отдыха вы выбрали Кубу?
- Нам нравится здешнее море и климат. И девушки здесь красивые...
- В ваших краях нет красивых девушек?
- Вы не хотите, чтобы туристы приезжали на Кубу?

- Хотим! Смотря кто приезжает...
- Мы вам не нравимся?
- Здесь вопросы задаю я.
- Не понял! Мы что, на следствии? В таком случае, мы потребуем послов России и Турции.

Кажется, эти мои слова возымели действие. Тембр его голоса смягчился:

- Чем вы занимаетесь?
- Мы бизнесмены. Я отправляю из Баку овощи. А друг продает их в Москве.

Я не смог разобрать поверил ли он моим словам. Затем он что-то спросил у Эльнура. Когда Эльнур захотел ответить я не позволил, потребовал мне перевести. Сидящий за столом прикрикнул на Эльнура и потребовал отвечать лишь на его вопросы. Увидев это, я тоже повысил голос. Мой молодой друг остался между Сциллой и Харибдой.

Один из них встал, прошел за наши спины. Это было предпринято для психологического давления. Каждый раз, когда шагающий за спиной человек приближался к столу с нашими чемоданами, у меня душа

уходила в пятки. Моя душа находилась в сумке, в тамошнем списке, как у Коцея в яйце. Они могли его достать в любую секунду.

Я сказал «мексиканцу» задавать все вопросы мне. Эльнур всего лишь переводчик. Спорить было бесполезно; в конце-концов вышло так, как хотел он. Оставив нас в покое, он задавал вопросы Эльнуру, видимо надеялся, что надавить на молодого, неопытного человека, вытянуть у него информацию легче. Я не понимал его слов, потому не сводил глаз с лица Эльнура, будто старался прочесть по его лицу о чем идет речь, какие чувства Эльнур испытывает.

Затем он задал пару вопросов Лече, например, «Разве в самой России нет помидоров с огурцами, зачем вы у них покупаете?». Таким образом, допрос затянулся на целый час. Вдруг главный следователь встал и перешел на чистейший русский. Его переход на русский шокировал нашего переводчика. Теперь перед нами стоял совершенно другой человек, он полностью изменился и время от времени кричал, агрессивно жестикулируя. Сказал, что знает где мы были, с кем встречались, о чем говорили. Он перечислил все города, где мы были, но людей, с которыми мы встречались, не упомянул. Может, он врал, блефовал. Мы полностью опровергли его слова, сказали, что он нас с кем-то спутал. Однако пользы это не возымело.

Нам пришлось его выслушивать еще около двадцати минут. Он говорил, что «империализм никак не сможет повлиять на их славную революцию», «капитализм в скором времени сгниет и выйдет из строя»,

«коммунизм одержит победу во всем мире».

Я не понял, отдавал ли он себе отчет, что эти слова бессмысленны для граждан стран, похоронивших коммунизм либо говорить эти слова – его служебная обязанность. Свою длинную речь он завершил следующими словами: «Скажите своим друзьям, что кубинская революция вечна, никто ее не одолеет. Люди же, с которыми вы встречались – отбросы нашего социалистического общества. На этот раз мы вас отпускаем. Знайте, таких как вы туристов, видеть в своей стране мы не хотим».

Он что-то сказал на испанском. Двое других его соратников открыли дверь, проводили нас до самолета, вернули на трапе паспорта.

Это был знак: режим смягчился.

Сев в самолет, мы ощутили на себе полные ненависти взгляды остальных. Ведь им по нашей вине пришлось прождать около двух часов.

Так как спустя день, покидая страну, мы снова должны были перейти воздушную границу, долетев до Гаваны я первым делом прямо в аэропорту разорвал на клочки список из своей сумки и спустил в унитаз. Моя душа больше не уходила в пятки. Мне стало легче, я сбросил камень с сердца.

В последний день я никуда не выходил, остался дома. В конце мысленной анархии пришел к тому выводу, что в тоталитарных обществах, как и в свободных, люди равны. Но если в одном они значат всё, в другом – ничего!

Наутро по пути в аэропорт я заметил старенький

советский «Жигули», я не поверил своим глазам: на заднем подпрессе автомобиля красовался плакат для выборов кандидата в президенты США Барака Обамы с надписью «Обама. Биден». Я растолковал это как конец начавшейся пятьдесят лет назад тирании, на Кубе начинался КОНЕЦ...

Уезжая, я понимал, что влюблен в эту изумительную страну, ее простодушных людей. В таких странах, как Куба, отчетливее ощущается сладкий вкус свободы.

Наш самолет взлетает. Под облаками остров Куба – родина людей, не теряющих надежду на обретение свободы и счастья. А над нами Бог! Да славится воля Творца, положившего предел всему сущему – однажды возникшее однажды завершается. Как и фашизм, коммунизм, деспотизм да и любые другие «измы». Как и людское страдание.

...Мой визит на Кубу подошел к концу. Из всего, что я увидел и услышал, получилось 9 очерков. На самом деле, хотелось написать гораздо больше. Осталось то, что я пока не осилил, еще не время, когда настанет время я, наверное, еще раз вернусь к этой теме...

Май – июль, 2011

**Перевод с азербайджанского
Ниджата Мамедова**